

See discussions, stats, and author profiles for this publication at: <https://www.researchgate.net/publication/301699498>

Political Science Lectures

Book · April 2014

CITATION
1

READS
417

4 authors, including:

Vladimir Yakunin

Lomonosov Moscow State University

176 PUBLICATIONS 26 CITATIONS

SEE PROFILE

ЛЕКЦИИ ПО ПОЛИТОЛОГИИ

Москва
Научный эксперт
2014

УДК 32.019.5(066)

ББК 66.042-2

К 21

Коллектив авторов: Якунин В.И. (руководитель авторского коллектива), Кара-Мурза С.Г., Вершинин А.А., Каменский А.В.

К 21 Лекции по политологии. М.: Научный эксперт, 2014. 304 с.

ISBN 978-5-91290-230-7

Глубокие изменения, которые претерпел мир за последние десятилетия, заставляют по-новому взглянуть на то, как устроена и как развивается современная политическая жизнь. Проблема фундаментальна: категории и понятия в трактовке учебников политологии прошлых лет больше не объясняют, что происходит с обществом, в котором мы живем. В российских условиях ситуация усугубляется состоянием общего кризиса отечественного обществоведения и отсутствием инструментария для анализа актуальных вопросов социально-политического развития.

Предлагаемая читателю книга намечает подходы к решению данной проблемы. Лекции, прочитанные как введение в «кризисную» политологию, раскрывают смысл и значение основных понятий, которые являются ключевыми для понимания главных тенденций политической эволюции России и всего мира.

Издание предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей социальных и гуманитарных наук, а также для всех тех, кто думает о путях преодоления кризиса современного общества.

УДК 32.019.5(066)

ББК 66.042-2

ISBN 978-5-91290-230-7

© Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, 2014

Содержание

Лекция 1. Вводная. Что изучают и будут изучать политологи России	5
Приложение.....	21
Лекция 2. Власть	25
Приложение.....	41
Лекция 3. Государство	47
Приложение.....	60
Лекция 4. Государственная политика и государственное управление	63
Лекция 5. Типы общества	75
Приложение.....	101
Лекция 6. Глобализация: новые условия для государственной политики России	105
Лекция 7. Риски изменения общественных и политических институтов	113
Приложение.....	131
Лекция 8. Знание власти.....	135
Приложение.....	151
Лекция 9. Легитимность	155
Приложение.....	168
Лекция 10. Кризис легитимности.....	171
Приложение.....	200
Лекция 11. Нации и нациестроительство	203
Приложение.....	218

Лекция 12. Дезинтеграция и консолидация общества	221
Приложение	250
Лекция 13. Организованная преступность как «двойник» власти	253
Приложение	264
Лекция 14. Революции постмодерна	269
Приложение	281
Лекция 15. Причины краха советского строя: результаты предварительного анализа	285
Приложение	301

ЛЕКЦИЯ 1

Вводная.

Что изучают и будут изучать политологи России

Начнем с вопроса: «Чему вы учитесь?».

Политология — новая область знания в России. Те, кто в 80-е годы стали называть себя политологами, в основном работали в идеологических службах — вели пропаганду «решений КПСС». Это были решения, подготовленные экспертами в рамках, заданных высшим эшелоном номенклатуры. Сама КПСС в форме съездов и выступлений в партийной печати лишь легитимировала эти решения, а «политологи» ставили знак качества от имени науки.

Таким образом, они играли заметную роль в политической *практике*, в то время как политология — это *рефлексия* о политической практике, получение *беспристрастного* знания о том, «что есть» политика в реальности, а также размышления о том, какой могла бы быть политика при тех или иных изменениях субъекта и объекта политики. При этом очевидно, что политология — лишь одна из многих дисциплин, которые обеспечивают политиков рациональным знанием. Ведь политика прямо или косвенно влияет на все стороны бытия общества и народа.

Хорошее и важное определение дал в своем учебнике К.С. Гаджиев: «Предметом политологии в общей сложности является политическое в его тотальности, в **контексте исторического развития и реальной социальной действительности**, а также **взаимодействия и переплетения различных социальных сил, социокультурного и политико-культурного опыта**».

Это определение важно тем, что очень многие политологи вырывают политический процесс из *контекста исторического развития и реальной социальной действительности*, игнориру-

ют структуру постсоветского общества (*переплетение различных социальных сил*) и уж тем более — *социокультурный и политико-культурный опыт* народа.

Политолог не *служит* политикам, а *исследует* их когнитивную, социальную и нормативную структуры, абстрагируясь в своем акте познания от своей нравственной оценки объекта исследования. Тем он и ценен для политиков. Лишь «в свободное от работы время» политолог может выступать как политик или морализатор — будь то на стороне власти, оппозиции или других акторов политики.

Эта ситуация методически и этически сложна. Как, изучая политику, отрешиться от своих ценностей, особенно если они находятся в конфликте с ценностями заказчика или работодателя? Это трудно, но возможно. Так, врач стремится поставить достоверный диагноз болезни пациента независимо от того, симпатичен ему пациент или противен. Так же фронтовая разведка добывает достоверное знание о противнике, а не доводы, чтобы его ненавидеть. Политолог, создающий имиджи политиков, даже по зову совести, — «ряженный», он берет на себя функции другой профессии. Здесь — проблема и самой политологии, и подготовки профессиональных политологов в вузах.

Как обстоит это дело у нас — здесь и сейчас? В основном, в постсоветской России воспроизводится то состояние политологии, которое было в позднем СССР. Разница в том, что цивилизационный (культурный, идеологический) конфликт в гуманитарной интеллигенции СССР, вызревавший с 1960-х годов, был преимущественно латентным или представлялся маргинальным (мейнстриму противостояла «кучка диссидентов»), — а в конце 80-х годов он стал открытым, перерастая в 90-е годы в непримиримое противостояние крупных общностей. Сейчас общество расколото на «сторонников и противников реформы».

Социальная база обеих этих сторон велика и сравнима по интеллектуальным ресурсам, так что обе стороны обзавелись своими «политологами». Одни пропагандируют и легитимируют «либеральные реформы», другие критикуют эти реформы и подрывают их легитимность.

Иными словами, те и другие выступают как активные политики, занимаясь *борьбой*. В их работе анализ если и присутствует,

то лишь как инструмент борьбы. Анализ у них *методологически* подчинен идеологии. Снова применяя аналогию, скажем, что те и другие служат в штабе, а не в разведке. Разумеется, в системе образования, в издательстве учебников и в СМИ видны и слышны в основном «политологи», служащие реформаторской власти (хотя и внутри нее имеются трения). Но здесь для нас важно, что сообщество, чья когнитивная структура была бы ориентирована на добывание актуального достоверного знания о политике, в России пока не возникло. Политическая система России, проходящая через полосу острых конфликтов и противоречий, лишена *разведки*. В результате все социальные акторы политической системы несут большие потери. В выигрыше остаются лишь теневые силы, извлекающие доход из хаоса.

Любое профессиональное сообщество объединено трудами авторитетной группы «мастеров», которые заложили основы парадигмы, задали нормы познания и коммуникации — внутри и вне сообщества. Их имена на слуху, они представляют сообщество в СМИ, их знают зарубежные коллеги. Такой группы в российской политологии нет. На виду — две конкурирующие группы пропагандистов «рыночной реформы». Вначале, в 80–90-е годы, они работали вместе под эгидой «команды Горбачева-Ельцина». После 2000 года одна часть сохранила прежнюю риторику, а другая примкнула к «проекту Путина». Россыпь политологов «левопатриотического» толка сплотиться в организующую группу не смогла и ведет катакомбное существование. Можно, конечно, всех их называть политологами, но легче не станет.

Видимо, в данный момент власть еще не заинтересована в получении и предоставлении обществу беспристрастного знания о политическом процессе, а значит и политология научного типа ей не нужна. Эта наука способна стать мощным фактором роста гражданских настроений и обретения населением политической воли и организации, что, бесспорно, может усложнить положение власти.

Однако нельзя не видеть, что конъюнктурные выгоды для власти от пассивности населения краткосрочны, и уже сейчас баланс выгод и потерь, видимо, стал сдвигаться в зону отрицательных значений. Эта пассивность — симптом деградации общества, которая происходит под давлением социальной обстановки и по-

литических воздействий государства на общество. «Нейтрализовав» большинство бедностью и страхами, власть лишь ненадолго упростила свое положение, но зато утратила активную благожелательную поддержку слишком большой части граждан. Пока что большинство голосует за нынешнюю власть, но ее культурная гегемония быстро слабеет. Голосование «за меньшее зло» — плохая опора, а впереди общество ожидают трудные времена.

Одна из причин отчуждения населения от власти — отсутствие адекватного языка (дискурса), на котором власть, все ветви оппозиции и масса граждан могли бы вести общественный диалог по реальным вопросам национальной повестки дня. А ведь анализ и «конструирование» этого дискурса для всех частей политической системы (включая молчаливое большинство) — предмет именно политологии. Но вспомним тот язык, на котором в 2011–2012 годы общались с протестными группами видные провластные политологи — они сужали пространство диалога. А политологического исследования наблюдаемых конфликтов не было.

Между тем неспособность политологов предложить методологию перевода конфликтов в режим диалога чревата риском «некоммуникабельности» между государством и первым постсоветским поколением, которое вышло на общественную арену. Именно на это поколение власть делала ставку в своем проекте модернизации России, и она не заинтересована в том, чтобы доводить дело до конфликта и отчуждения.

Из этого следует вывод: срочной национальной задачей в России стало создание ячеек научной политологии и соединение их в профессиональное сообщество. Пусть и апологеты, и критики власти продолжают выполнять свою роль «агитатора, горлана-главаря» и даже называют себя главными политологами, надо обеспечить институционализацию структур позитивной политологии без ненужных конфликтов с «конкурентами».

Ясно, что эти ячейки новой политологии могут расти и крепнуть только в процессе обучения студентов и аспирантов — но уже на жесткой методологической основе научного типа. Это должна быть подготовка не будущих президентов, не помощников депутатов и не «политических менеджеров», а исследователей и аналитиков. Работы для них в России хватит еще надолго.

Видимо, мы вступаем в этап разработки учебных планов нового поколения по специальности «политология». Во-первых, в них будут разведены политика и политология как две разных системы, которые связаны, но представляют собой два принципиально разных пространства — как конструирование атомной бомбы и физика ядра. Знание об этих пространствах «производится» в разных когнитивных структурах и в разных нормативных системах. Смешение их снижает качество обучения и политике, и политологии.

Французский философ М. Фуко, обсуждая проблему взаимодействия интеллектуалов и власти, сказал так: «Интеллектуал больше не должен играть роль советчика. Он не должен составлять планы для тех, кто борется и защищается, не должен придумывать для них тактику и ставить перед ними цели. Интеллектуал может дать инструменты анализа, и в настоящее время это по сути своей роль историка. В самом деле, речь идет о том, чтобы иметь плотное, длительное восприятие настоящего, которое позволяло бы замечать, где проходят линии разлома, где сильные точки, к чему привязали себя власти (сообразно организации, возраст которой насчитывает ныне полторы сотни лет) и куда внедрились. Иными словами, делать топографическую и геологическую съемку поля битвы... Вот она, роль интеллектуала. А говорить: «необходимо, чтобы Вы сделали то-то и то-то» — безусловно, не его роль».

Это жесткое утверждение не всегда верно, но в нем — важная мысль.

Во-вторых, будет постепенно преодолеваться неявная установка высшего образования на подготовку политологов не как исследователей политической системы в целом, а как специалистов, обслуживающих *власть и корпорации* (в крайнем случае — партии, ставшие корпорациями). Невозможно понять политический процесс, если в исследовании игнорируются или представляются *врагами* все нонконформистские, диссидентские или антивластные и даже антигосударственные движения и группы. Враг и объект исследования — разные сущности.

И, наконец, система образования политологов должна обратиться к реальности конкретной России в данный конкретный специфический исторический момент. Этап обучения по

учебникам, в которых описаны общественные и политические институты вожденного Запада, завершается; ресурс полученного на этом этапе полезного знания практически исчерпан. Государство должно организовать приемлемое жизнеустройство на той земле, которая нам досталась, и с тем народом, что сложился и обрел самосознание в исторических условиях, которых мы не можем отменить. И культура, и мировоззрение — системы, изменяющиеся под воздействием социальных и политических условий, но попытки их сломать насильственным образом кончаются провалом и ведут к массовым страданиям населения.

Конечно, этот поворот в образовании будет трудным и постепенным, поскольку за два десятилетия когнитивная и социальная база постсоветской политологии сложилась и стала воспроизводиться. В 2004 году на совещании преподавателей обществоведения зав. кафедрой политологии крупного вуза объясняла, какие полезные курсы читаются студентам: «их учат, как надо жить в гражданском обществе». Ее спросили: зачем же учат именно этому, если у нас как раз гражданского общества нет? Почему не учить тому, что реально существует? Она удивилась вопросу, хотя и признала, что да, далеко нам до гражданского общества. Почему же она удивилась? Потому, что в ее сознании господствовало не реалистическое, а аутистическое мышление.

Нам долго вколачивали в головы, что отродясь не было и нет в России ни демократии, ни гражданского общества. Но что-то ведь есть! Об этом бы и надо нам говорить, следуя нормам рационального мышления. Ведь это первый шаг к познанию реальности — увидеть «то, что есть», а потом уж рассуждать «о том, что должно быть».

Эта установка на простую трансплантацию в Россию западной политической науки и ее учебников была «детской болезнью» русского либерализма конца XIX — начала XX века. Один из ведущих идеологов евразийства, историк, философ права и государствовед Н.Н. Алексеев писал: «Русские ученые, вышедшие из западных школ, без всяких особых размышлений и без всяких оговорок перенесли построенную на Западе теорию европейского государства на русскую почву и тем самым придали принципам этой теории нормативное значение. Оттого наше государство-

ведение... являлось не чем иным, как политикой европеизации русского государства»¹.

Тут камень преткновения всего нашего обществоведения — либерального досоветского, марксистского советского и нынешнего антисоветского. Восприняв язык и познавательные нормы Просвещения, оно прикрыло свой взор фильтром *евроцентризма*. Оно просто не видело факты и процессы, о которых не было написано в западных учебниках. А если и видело, не имело слов, чтобы их объяснить или хотя бы описать.

Методология основных учебников политологии, переписанных с западных учебников 1970-х годов, это «мышление в духе страны Тлён». Эта аллегория удивительно точна, вспомним ее суть. В рассказе-антиутопии Хорхе Луиса Борхеса «Тлён, Укбар, Orbis tertius» (1944) говорится о том, как ему странным образом досталась энциклопедия страны Тлён. В ней были подробно описаны языки и религии этой страны, ее императоры, архитектура, игральные карты и нумизматика, минералы и птицы, история ее хозяйства, развитая наука и литература — «все изложено четко, связно, без тени намерения поучать или пародийности». Но весь этот огромный труд был прихотью большого интеллектуального сообщества («руководимого неизвестным гением»), которое было погружено в изучение несуществующей страны Тлён.

Позднесоветская и постсоветская политология сложилась как «сравнительная», она приняла понятия и логику западной политологии, явно или скрыто соотнося российскую реальность с описаниями западных политических и общественных институтов. Но уже в 1990-е годы эти западные институты были совершенно иными. С чем же тогда сравнивали политологи нашу реальность?

Более того, уже в 1970-е годы западные представления, принятые у нас как методологическая основа, были подвергнуты критике на самом Западе. Один из ведущих политологов США Дж. Сартори пишет в программной статье (1970): «Представленная в этой статье точка зрения заключается в том, что политическая наука как таковая в значительной мере страдает методологическим невежеством. Чем дальше мы продвигаемся

¹ См. подробнее: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.

технически, тем обширнее оказывается неизведанная территория, остающаяся за нашей спиной. И больше всего меня удручает тот факт, что политологи (за некоторыми исключениями) чрезвычайно плохо обучены логике — притом элементарной».

До нас эта критика тогда не дошла. То описание СССР, которое с конца 70-х годов составлялось элитой нашего общества-ведения, было именно «энциклопедией страны Тлён». Описание это становилось год от года все более мрачным, к 1985 году слившись с образом «империи зла». Это — одна из причин краха СССР.

Аналогичный фильтр стал важной причиной и той катастрофы, которую потерпела политическая система России в начале XX века. Маркс сказал, что крестьянин — «непонятный иероглиф для цивилизованного ума», а в понятиях марксизма мыслила тогда вся наша интеллигенция, включая жандармских офицеров. И вот, государство Российской империи направляет свою мощь на разрушение крестьянской общины, хотя столыпинская реформа была изначально обречена на провал. Вебер точно его предсказал, но как могли этого не видеть российские философы и юристы?

Член ЦК партии кадетов В.И. Вернадский написал в 1906 году: «Теперь дело решается частью стихийными настроениями, частью все больше и больше приобретает вес армия, этот сфинкс, еще более загадочный, чем русское крестьянство».

И что же? Политическая система царизма действительно оказалась беспомощной перед загадкой этого сфинкса, своими руками шаг за шагом превращая армию в могильщика монархической государственности. Ведь Февральскую революцию совершила в основном армия, включая генералов.

Потом этот же путь «исходили до конца» и Керенский с Корниловым, а кадеты с эсерами начали Гражданскую войну против Советов, крестьянской общиной порожденных. У них не было шансов на успех, и Вебер это доходчиво объяснил кадетам — самой интеллектуальной партии России. Зачем же было втягиваться в такой безнадежный проект? Тем более неразумно, что вожди Белого движения так построили свою армию, что, по выражению В.В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных». Но

ведь и нынешние политологи даже не пытаются растолковать эту фразу Шульгина.

Андропов, став генсеком КПСС, признал, что «мы не знаем общество, в котором живем»². В этом признании было предчувствие катастрофы. Ведь это сказал человек, который много лет был председателем КГБ.

Власть СССР обслуживала огромная армия обществоведов: только *научных* работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 году было 163 тыс. человек. Гораздо больше таких специалистов работало в госаппарате, народном хозяйстве и социальной сфере. И такой дефицит знания об обществе!

Вот с такой научной базой политики начали перестраивать советское общество, причем методом слома и ампутации. При этом они пользовались западными учебниками и «чертежами», не располагая тем запасом неявного знания, который был у западных политиков и нейтрализовал логические ошибки этих учебников.

Когда в конце 80-х годов начали уничтожать советскую финансовую и плановую системы, «не зная, что это такое», дело нельзя было свести к проискам агентов влияния и теневых корыстных сил (хотя и происки, и корысть имели место). Правительство подавало законопроекты, народные депутаты голосовали за них, а им аплодировали делегаты очередного съезда КПСС. Политики, размахивая скальпелем, производили со странной убийственными операциями — то тут кольнут, то там разрежут. И все приговаривая: «Эх, не знаем мы общества, в котором живем, не учились мы анатомии».

Что же изменилось со времен перестройки? Эмпирический опыт получен огромный, причем на собственной шкуре — живого места нет. Казалось бы, после таких экспериментов должны мы были бы познать самих себя. Нет, это знание так и остается на уровне катакомбного. Где-то в мрачных кельях его обсуждают

² Буквально Ю.В. Андропов сказал в 1983 г. следующее: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

вполголоса, а политики так и продолжают с гордостью говорить о «неправильной стране» и «неправильном народе». Правда, теперь в щадящих выражениях: «а вот в цивилизованных странах то-то...» или «а вот в развитых странах так-то...». Эта «неправильность» России для политиков и политологов вроде бы служит оправданием их незнания.

Одним из следствий этого стало странное убеждение, что «*неправильное — не существует*». Гражданское общество — правильное, но его у нас нет. Значит, ничего нет! Не о чем думать и нечему тут учить. Вот, например, как стоит вопрос о характере советской правовой системы. Советское государство? Неправовое! Не было у нас права, и все тут. Подобный взгляд, кстати, стал одной из причин кризиса и политической системы России в начале XX века. Тогда и либералы, и консерваторы восприняли дуалистический западный взгляд: есть *право* и *бесправие*. Требование крестьян о переделе земли они воспринимали как неправоное. На деле правовая система, в которой де-факто жили 85% населения России, была основана на триаде *право — традиционное право — бесправие*. А земельное право, которому следовал общинный крестьянин, было *трудовым*. Не видя реальной структуры действующего в России права, и власть, и либеральная оппозиция утратили возможность диалога с крестьянством и довели дело до революции.

Точно так же советская либеральная интеллигенция времен перестройки, уверовав в нормы цивилизованного Запада, стала отрицать само существование в СССР многих сторон жизни. Настолько эта мысль овладела умами, что однажды на телевидении элегантная дама — участница дискуссионной передачи — жаловалась на то, что «в Советском Союзе не было секса».

Таким образом, от *незнания* той реальности, в которой мы живем, наш политический класс перешел к отрицанию самого *существования* реальности, которая не согласуется с «тем, что должно быть». У наших политиков это стало своеобразным методологическим принципом. И тому есть множество красноречивых примеров из рассуждений самых видных и уважаемых политических деятелей и близких к ним политологов.

Очевидно, что кризис в России представлял и представляет собой клубок противоречий, не находящих конструктивного

разрешения. Но политики и политологи категорически отказываются от диалектического принципа выявления главных противоречий. Они предпочитают видеть кризис не как результат столкновения социальных интересов, а как следствие действий каких-то стихийных сил, некомпетентности, ошибок или даже недобросовестности отдельных личностей в правящей верхушке. При этом исчезает сама задача согласования интересов, поиска компромисса или подавления каких-то участников конфликта — «политический класс» устранивается от явного выполнения своей основной функции, она переходит в разряд теневой деятельности. Для прикрытия создается внесоциальный и внеполитический метафорический образ «общего врага» — коррупции, разрухи и т. п.

Например, врагом-призраком представлена в России *бедность*, с которой надо вести общенародную борьбу. Эта концепция — выражение того расщепления сознания, каким отмечено мышление политической элиты. Ведь бедность половины, а теперь трети населения в нынешней РФ — это не наследие прошлого. Она есть следствие *обеднения* и была буквально «создана» в ходе реформы как новая социальная система. Известны социальные механизмы, посредством которых бедность создавалась, и политические решения, которые запустили эти механизмы, — приватизация земли, промышленности и части социальной сферы, изменение характера распределения богатства (прежде всего доходов), ценообразование, налоговая политика и т. д. В этом суть экономической реформы, и поскольку эта суть не меняется, она непрерывно воспроизводит бедность, даже в «тучные годы».

Очевидно, что создать огромные состояния и целый слой богатых людей в условиях глубокого спада производства можно только посредством изъятия у большинства населения значительной доли получаемых им в прошлом благ, что и стало причиной обеднения. Это и служит объективным основанием социального конфликта. Есть ли признаки готовности сообщества политологов хотя бы к диалогу по этой проблеме? Нет, до сих пор никаких признаков не возникло.

Сейчас, когда прошло 25 лет реформ, накал эмоций снизился, и пришло время для хладнокровного рационального анализа. Как

выразился Гегель, «сова Минервы вылетает в сумерках». Более или менее исчерпывающие и соответствующие реальному положению вещей знания о том или ином общественно-политическом феномене политолог может получить лишь тогда, когда этот феномен стал свершившимся объективным фактом общественной жизни. До этого исследователь или аналитик сам участвует в общественном конфликте, и отрешиться от собственных политических предпочтений ему очень трудно.

В современной политологии России есть огромный запас эмпирического знания, который может быть использован в учебных целях. Это — социальная и политическая история кризиса и краха СССР с последующим кризисом 1990-х годов. Это знание уже «отлежалось» и систематизировано в достаточной степени, чтобы можно было формулировать учебные задачи. Крах СССР мог бы стать прекрасной матрицей нашей политологии.

Катастрофы — это жестокий эксперимент. В то же время в технике аварии и катастрофы — источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и государстве, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями мифов и преданий! Именно когда рушатся под явными ударами такие сложные конструкции, как государство и общество, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение и практика политических институтов. В этот момент можно многое понять — и о государственной политике, и об управлении.

Но очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока «раны раскрыты». Это знание оплачено страданиями миллионов людей, нельзя дать ему пропасть!

Следует подчеркнуть, что невозможно понять политическую систему и государственную политику без выяснения сущности соответствующего общества — и как субъекта, и как объекта политики. Большинство учебников политологии, берущие за основу известные западные учебники, не дают реального образа общества нынешней России, как и обществ Российской империи и СССР, с которыми существующее сегодня общество генетически связано³.

³ Некоторые авторы, не вдаваясь в изложение принципиальных различий разных обществ, часто напоминают (обычно в негативном свете) о тех или иных

Эту большую работу еще требуется проделать. Однако выявить те особенности нашего общества относительно Запада, которые влияли и влияют на структуру государства и функционирование политических институтов СССР и России, — особая и срочная задача. Учить российских политологов по калькам с западных учебников — все равно что послать в тыл противника отряд, снабдив его картой совсем иной местности.

В этом кратком курсе мы не сможем провести отбор природных, социальных и культурных особенностей, принципиально влияющих на государственную политику России, но постараемся в каждой теме привести примеры таких особенностей.

Очевидно, что при решении подобных задач политология неразрывно переплетена с социологией. Видные американские политологи (Р. Бендикс и С.М. Липсет) даже выделяли *политическую социологию* как особую соединяющую их междисциплинарную область. Они писали, что «в отличие от политологии, которая исходит от государства и изучает, как оно влияет на общество, политическая социология исходит от общества и изучает, как оно влияет на государство, т. е. на формальные институты, служащие разделению и осуществлению власти».

Что касается России, то наша реальность дает прекрасные учебные примеры переплетения политологии и социологии. Например, политика 1990-х годов привела к дезинтеграции общества — это предмет *политологии*; возникшая при этом массовая anomia привела к коррупции госаппарата и кризису легитимности власти — это предмет *политической социологии*.

При описании и анализе любой системы, в том числе политической, следует выделять три состояния (среза):

— актуальное, реально существующее состояние, проявляющееся в структуре;

— поведение или функционирование системы;

— становление и эволюция зарождающихся форм.

Системный анализ должен охватить все эти три среза, хотя бы грубо. Чаще всего, однако, внимание концентрируется на первых двух срезах — структуре и функциях.

отклонениях России от «столбовой дороги цивилизации». Это мало помогает делу, хотя какую-то часть студентов, возможно, заставляет задуматься.

Вообще, в классической науке главным объектом служит «*то, что есть*» — первые два обозначенные выше состояния. На них делает акцент «наука бытия». В последние десятилетия все больше внимания уделяется неравновесным и необратимым процессам, нелинейности и разрывам непрерывности, переходам «порядок–хаос». В этих процессах зарождаются новые системы, это — «наука становления».

За последнее столетие российское, затем советское, а затем и постсоветское государство переживало именно катастрофы и переходы «порядок–хаос». Революции, войны, форсированные программы, смены поколений при стрессе массового изменения образа жизни, катастрофические реформы — все это требует от политологии освоить и развивать методологические подходы именно «науки становления». Здесь зарождаются и гибнут ростки новых социальных форм, дающих шанс на преодоление кризиса; здесь возникают и лавинообразно развиваются новые, непривычные угрозы.

Взгляд на государственную политику и управление под углом зрения «науки становления» требует от политолога представлений не только об особенностях России, но и об особенностях *состояния* России. В таких особых состояниях в разные исторические периоды пребывали практически все государства, и везде от политологов (неважно как их называли) требовалось специальное знание *специфики момента*.

Назовем некоторые важнейшие «состояния России», о которых пойдет речь в нашем курсе.

— Россия переживает необычный («системный») кризис, который считается самым глубоким и длительным в истории индустриальных обществ. Некоторые видные политики называют это Великой капиталистической революцией, другие считают эпизодом незакончившейся русской революции XX века.

Ясно, что речь идет о *чрезвычайном* периоде бытия страны и государства — подобно тому, как тяжелая болезнь есть *чрезвычайный* период в жизни человека. К больному человеку — особое отношение, ему нужен уход, лечение, сострадание и терпимость близких. Так же и государственная политика и управление — в период кризиса они должны следовать иным индикаторам, нормам и критериям, нежели в обычные периоды

или «тучные годы». Такая чрезвычайная «кризисная» политика — предмет политологии, крайне актуальный сегодня. Эта особенность практически не упоминается в учебниках.

— Общество — это гетерогенная динамичная система, которая и в обычных условиях представляет собой арену множества *противоречий*. В условиях же кризиса сложность и скорость развития противоречий и конфликтов резко возрастают. Общество становится системой крайне неравновесной, процессы приобретают нелинейный характер, возникают критические явления, необычные кооперативные взаимодействия, при которых интенсивность конфликтов может вдруг увеличиться на несколько порядков, и пр. Одна из постоянных функций государства — иметь «карту противоречий» (в динамике), разделяющих общество, иметь обновляемый набор альтернативных действий для разрешения противоречий, их «замораживания» или подавления.

Этот срез политики также не упоминается в учебниках или упоминается вскользь. Это значит, что в принципе государственная политика не *проблематизируется*, государство и общество трактуются как равновесные системы, в которых идут стационарные процессы. Если что-то делается не так, то это представляется следствием отсталости или некомпетентности нашего госаппарата или населения. Политолог не может списывать проблемы на такие факторы, это называется «заметать мусор под ковер».

— Особенностью состояния России, причем аномально тяжелой, является дезинтеграция общества и, параллельно, дезинтеграция народа (нации). В ходе «капиталистической революции» произошел распад ключевых социокультурных общностей (рабочих, интеллигенции, офицерства и др.), что создало крайне сложные и необычные условия для формирования и проведения политики государства.

В российской социологии это — центральная тема, в ней накоплен огромный эмпирический материал, обсуждаются доктрины «сборки» общностей и их соединения в общество — все это не оставило никакого следа в учебниках политологии. А ведь тут — корень множества политических проблем, разбираться в которых как раз и предстоит выпускникам факультетов политологии.

Политологи должны освоить современные представления о *кризисе* как особой и неустранимой форме бытия общества

и государства. Невозможно не только объяснить, но и описать политический процесс, не понимая того, что происходит при кризисе в хозяйстве, культуре, в социокультурных и этнических общностях, в разных поколениях, в семье и т.д. Пока что над нами довлеет иллюзия устойчивости «качеств», присущих людям и общностям. Этот эссенциализм несовместим с политологией кризиса.

— Западная политология (особенно опирающаяся на либеральную политическую философию), корнями уходящая в Просвещение, оказалась беспомощна перед всемирной волной «бунтующей этничности». Но в России политизированная этничность создает для государства, по ряду причин, проблемы несравненно более сложные, чем на Западе. Российская наука в этой сфере сильно отстала, политики в массе своей этого вообще «не проходили», а процессы между тем развиваются, угрозы вызревают. В современном учебнике по курсу «Государственная политика и управление» в России насущно необходим раздел, посвященный этническим проблемам «здесь и сейчас». Спецкурс не заменяет рассмотрения этой проблемы в контексте базового курса.

— Говоря о государственной политике и управлении в нынешней России, нельзя игнорировать тот факт, что на ее территории и в зарубежье действует «недостойный двойник» (и антипод) Российского государства — организованная преступность с большими кадровыми и финансовыми ресурсами и «вспомогательными силами». Этот фактор является фундаментальным для всех стадий почти любого политического действия государства. Ситуацию усугубляют настойчивые попытки преступного мира к сращиванию с властью, особенно в регионах.

Этот фактор и родственные ему резко изменяют политический ландшафт России и делают ущербными курсы политологии, которые это игнорируют.

Исходя из этих посылок, мы и выстроили данный курс. Не будем питать иллюзий: создание «кризисной» политологии — большое и сложное предприятие, но его надо начинать.

Приложение

М. Вебер. Наука как призвание и профессия

(Из книги: *Вебер М. Избранные произведения*. М., 1990).

Есть такое мнение — и я его поддерживаю, — что политике не место в аудитории. Студенты в аудитории не должны заниматься политикой...

Впрочем, политикой не должен заниматься в аудитории и преподаватель. И прежде всего в том случае, если он исследует сферу политики как ученый. Ибо практически — политическая установка и научный анализ политических образований и партийной позиции — это разные вещи. Когда говорят о демократии в народном собрании, то из своей личной позиции не делают никакой тайны; ясно выразить свою позицию — здесь неприятная обязанность и долг. Слова, которые при этом употребляются, выступают в таком случае не как средство научного анализа, а как средство завербовать политических сторонников. Они здесь — не лемехи для взрыхления почвы созерцательного мышления, а мечи, направленные против противников, средство борьбы. Напротив, на лекции или в аудитории было бы преступлением пользоваться словами подобным образом. Здесь следует, если, например, речь идет о «демократии», представить ее различные формы, проанализировать, как они функционируют, установить, какие последствия для жизненных отношений имеет та или иная из них, затем противопоставить им другие, недемократические формы политического порядка и по возможности стремиться к тому, чтобы слушатель нашел такой пункт, исходя из которого он мог бы занять позицию в соответствии со своими высшими идеалами. Но подлинный наставник будет очень остерегаться навязывать с кафедры ту или иную позицию слушателю, будь то откровенно или путем внушения, потому что, конечно, самый нечестный способ — когда «заставляют говорить факты».

Почему, собственно, мы не должны этого делать? Я допускаю, что некоторые весьма уважаемые коллеги придерживаются того мнения, что такое самоограничение вообще невозможно, а если

бы оно и было возможно, то избегать всего этого было бы просто капризом. Конечно, никому нельзя научно доказать, в чем состоит его обязанность как академического преподавателя. Можно только требовать от него интеллектуальной честности — осознания того, что установление фактов, установление математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния — с одной стороны, а с другой — ответ на вопрос о ценности культуры и ее отдельных образований и соответственно ответ на вопрос о том, как следует действовать в рамках культурной общности и политических союзов, — две совершенно разные проблемы.

Если он после этого спросит, почему он не должен обсуждать обе названные проблемы в аудитории, то ему следует ответить: пророку и демагогу не место на кафедре в учебной аудитории. Пророку и демагогу сказано: «Иди на улицу и говори открыто». Это значит: иди туда, где возможна критика. В аудитории преподаватель сидит напротив своих слушателей: они должны молчать, а он — говорить. И я считаю безответственным пользоваться тем, что студенты ради своего будущего должны посещать лекции преподавателей и что там нет никого, кто мог бы выступить против него с критикой; пользоваться своими знаниями и научным опытом не для того, чтобы принести пользу слушателям — в чем состоит задача преподавателя, — а для того, чтобы привить им свои личные политические взгляды.

* * *

Дж. Грей. Политическое мышление в духе страны Тлён

(Из книги: *Грей Дж. Поминки по Просвещению. М., 2003*).

В своем знаменитом рассказе «Тлён, Укбар, Орбис терциус» (Tlon, Uqbar, Orbis Tertius) Хорхе Луис Борхес повествует об обнаружении энциклопедии иллюзорного мира, «Первой энциклопедии Тлёна». В соответствии с авторским замыслом, философия фантастического мира Тлёна по своей природе идеалистична. Для населения страны Тлён, как для епископа Беркли, существовать — значит быть воспринимаемым; мир — это вовсе не множество объектов, существующих в пространстве, но то, что кон-

ституируется последовательностью ментальных событий. В этом мире роль каузальных связей выполняют ассоциации идей, а представление о бесконечной во времени и пространстве Вселенной, существующей независимо от сиюминутного состояния нашего сознания, неизвестно, оно применяется исключительно в качестве *jeu d'esprit* метафизической спекуляции. Материалистическое учение все же было там сформулировано, но лишь в качестве парадокса или фантазии, и какими бы изошренными ни были аргументы в его защиту, они не убеждают обитателей Тлёна. Можно было бы предположить, что в мире, состоящем только из последовательности преходящих состояний сознания, нет науки и философии; но это, как говорит нам Борхес, совсем не так. Мир Тлёна изобилует множеством наук, равно как и метафизических систем: их рассматривают как диалектические игры или направления фантастической литературы, призванные изумлять, а не убеждать читателя. Таким образом, «Первая энциклопедия Тлёна» посвящена описанию нереального мира, его языков, религий, нумизматики, «его императоров и океанов, его архитектуры и игральных карт», позволяющему во всей полноте воссоздать историю неизвестной страны.

* * *

Д. Сартори. Куда идет политическая наука?

(Из статьи: *Political Science and Politics / Volume / Issue 04 / October 2004, pp. 785–787*).

Большинство научных дисциплин делятся на два направления: чисто научные и прикладные. Чистая наука не занимается практикой. Она существует в измерении теоретических исследований и поиска доказательств. Прикладная наука, наоборот, функционирует в практическом измерении... Тот факт, что наша дисциплина (политология) утратила, или даже избавилась, от своей прикладной составляющей, ведет к тому, что она превращается в теорию без практики, знание, пораженное нехваткой прикладного приложения.

Я спрашиваю: для чего нужно это знание? Ответ состоит в том, что политология не знает ответа на этот вопрос... Она по

преимущество является бесполезной наукой, которая не генерирует знания для использования в жизни. Более того, лишенная прикладного значения, она становится неverifiedируемой. Ибо понятие истины имеет в науке прагматичный характер. Что-то является истиной в том случае, если оно «работает».

Для того чтобы оправдать наши провалы в области практического применения наших знаний, в том числе с целью прогнозирования, мы изобрели теорию непредполагаемых последствий. Но это, скорее, — не что иное, как алиби для сокрытия того факта, что мы не смогли создать прикладное знание на основе конструкции «если... тогда», а также анализа средств и целей. Хотя непредвиденные последствия всегда вероятны, степень их неизбежности в значительной мере преувеличивается. В том, что касается проваленных реформ и неудач в процессе создания институтов, наши ошибки были предсказуемыми, и большинство непредвиденных последствий можно было легко предвидеть...

У нас есть методология без логики, которая потеряла даже видимость логики.

ЛЕКЦИЯ 2

Власть

Курс наш называется «Государственная политика и управление». Это курс для **политологов**, а не политиков и управленцев.

В названии три ключевых понятия: *политика, государство, управление*.

Политика — деятельность по регулированию *отношений* между людьми и общностями. Робинзон на острове мог многое, даже создал эффективное хозяйство, но его бытие не имело *политического* измерения. Только когда появился Пятница, в жизни Робинзона возникли элементы *политики*.

Слово *политика* происходит от греческого *pólis* — государство. Политика — необходимый «срез» жизни сложного (гетерогенного) общества, в котором сосуществуют и взаимодействуют разные группы. Они разделены по социальным, национальным, культурным и другим признакам. Идеалы и интересы, соединяющие людей в эти группы, различны. Во многих случаях эти различия дозревают до противоречий и антагонизма. Чтобы обеспечить существование сложной общности, нужно согласовать интересы разных групп.

Так и возникло государство — институт, коллективно ограничивающий интересы и страсти разных групп, умиротворяющий хаос и беспорядки, организующий людей на «общее дело». В Древнем Риме государство называли *Res publica* — *Общее дело*. Первым таким делом была *война* (о Риме говорили: «Война — душа Запада», это повторяют и сейчас).

Востоковеды, опираясь на историю древних азиатских народов, утверждают, что импульсом к возникновению первых протогосударственных структур была угроза общности извне — именно в этом случае возникает племя во главе со своим вождем. То

есть для кристаллизации аморфной общности в племя требовалось существование рядом с ней сильного соседа. Средоточиями взаимодействия групп бывают большие общественные работы — строительство оросительных систем или укреплений вроде Великой Китайской стены (поистине «всенародная стройка»), мобилизация большого войска или ополчения и пр.

Первые исторические сведения о древних государствах дошли от «гидравлических» цивилизаций, хозяйство которых строилось на создании больших ирригационных сооружений. По этим сведениям, в Египте уже к III тысячелетию до н.э., т. е. 5 тыс. лет назад, существовали классовое рабовладельческое общество и государство. Обширный госаппарат в основном был занят организацией оросительного дела в Нильской долине и строительством сооружений. Он выполнял функции *управления*, реализации политических решений, которые принимались государственной властью.

Прежде чем говорить о государстве, его политике и управлении, рассмотрим явление, возникшее задолго до появления государства, — *власть*. Это явление лежит в основании и государства, и политики, и управления. Можно сказать, что государство — носитель политической власти — играет определяющую роль в организации и реализации отношений власти. Политика — государственные дела, но хотя сфера их очень широка, ядром политики является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти.

Сначала скажем о власти вообще.

Власть и господство — неизбежные атрибуты любого человеческого сообщества, да и животного мира. В стае птиц или обезьян все подчиняется командам вожака, а детеныши — сигналам матери. В семье первобытных людей была необходима власть родителей над детьми как условие их выживания. Родственные семьи, собравшиеся в сообщества, сразу вырабатывали нормы и правила уже *социальных* отношений. Первобытная община не могла бы существовать без обязательных норм и запретов, нарушение которых влекло за собой наказания. Власть возникла вместе с самим человеком, он неотделим от этой стороны его бытия.

Для существования человеческих сообществ требовалось, чтобы семьи соединялись в роды, кланы и общины, а для этого

необходимо было выработать жесткие культурные нормы (вроде табу на инцест) и механизмы надзора за их соблюдением. Как утверждал антрополог К. Леви-Стросс, первоосновой социокультурного начала была сексуальная реформа — запрет инцеста. Это табу породило систему коммуникаций, основанную на взаимобмене. Так возникли ранние формы фиксированных брачных связей и нормативного родства, правила старшинства поколений — все это и привело к формированию родовых и родоплеменных общностей.

Запрет делать что-то или *приказ* не делать того-то и того-то — элементы процесса становления человека и человеческого общества, формирования механизмов обуздания инстинктов, подчинения их контролю общества. Это — становление нравственности и культуры. Либеральный американский философ К. Лэш сказал (с горечью и преувеличением): «Ядро любой культуры стоит на ее “запретах” (“глубоко впечатавшихся вето, выгравленных в превосходных и правдивых символах”). Вот почему имеет смысл описывать нынешние Соединенные Штаты как “общество без культуры”. Это общество, в котором нет ничего святого и, стало быть, нет ничего недозволенного».

Смысл очень многих понятий проясняется через антитезу (например, *добро–зло*) или хотя бы через состояние *отсутствия* обозначаемой понятием сущности. Так, суть власти легче представить себе, вообразив состояние *безвластия*. Ужас этого состояния таков, что в периоды смут большинство сдвигается к поддержке той политической силы, которая проявляет способность к восстановлению власти и порядка¹.

В Древней Греции понятию «архе» (власть) противопоставлялось «анархе» (безвластие) как символ общественного устройства, в котором отсутствуют всякая власть, господство и при-

¹ В сентябре 1917 г. в Петрограде в театре по ходу пьесы на сцене появились пристав и городской. Публика стала аплодировать — натерпелась от безвластия Временного правительства. Во многом по этой же причине крестьяне и обыватели всего через год, прошедший с начала Гражданской войны, поддержали красных, которые первым делом восстанавливали систему власти, в том числе, проводя продрозверстку (которую, кстати сказать, объявили, но не смогли провести ни царское, ни Временное правительство). Белое движение, приняв принцип «непредрешенчества», не вело государственного строительства на местах.

нуждение. Это слово употреблялось с отрицательным оттенком. Считалось самоочевидным, что человеческое общежитие всегда нуждается в «архе» — властном начале, способном укротить стихийные импульсы людей и обеспечить порядок.

Под властью подразумевается способность ее субъекта (монарха, группы олигархов, организации типа хунты, правящей партии, институционализованного правового государства) навязать свое господство людям, группам, классам, обществу в целом. Другими словами, управлять их действиями с помощью насильственных или ненасильственных методов. Власть — одна из ключевых составляющих всей сферы *политического*. Современное государство есть одновременно и арена политической борьбы за власть, и ее средоточие («ставка власти»). Суверенная власть — власть государства — на своей территории не зависит от какой-либо иной власти, и наоборот, все остальные власти зависят от нее и получают от нее мандат на властвование.

Власть представляет собой *систему отношений* господства и подчинения, главная цель которой состоит в обеспечении выполнения директивы, приказа, воли и т. д. с помощью влияния, авторитета, разного рода санкций и прямого насилия. Задача власти — обеспечить реализацию целей управления, добиться подчинения управляемых.

В системе ресурсов, которыми пользуется власть, одними из важнейших являются *политическое влияние* и *политический авторитет* (во многих языках авторитет и власть обозначаются одним и тем же словом. Обретение или утрата авторитета власти — один из критических процессов в политике и один из центральных предметов политологии).

Политический авторитет не означает необходимости обладания властью, но власть без авторитета бессильна. Люди могут подчиняться призывам или даже приказам лиц или организаций, если считают, что они имеют на то моральное право, обладают особым знанием и опытом, являются носителями традиции.

Влияние — обобщающее понятие, оно объединяет все формы убеждения, давления, принуждения и т. д. Они различаются по своей природе и по интенсивности. Так, *принуждение* как форма влияния выделяется высокой степенью оказываемого давления разных типов — от экономического, социального, психологи-

ческого или иного запугивания до применения насилия. Власть отличается от других форм влияния тем, что она опирается на санкции.

«Власть это особый случай осуществления влияния: она представляет собой процесс воздействия на политику других агентов с помощью реальной или потенциальной угрозы применения строгих санкций за неподчинение объявленному политическому курсу»².

Влияние иных типов предполагает, что лицо — объект влияния — может модифицировать свое поведение, исходя из расчета, что его интересы могут быть удовлетворены лучше, если он подчинится этому влиянию.

Государство обладает публичной властью, т.е. имеет право и обязано отдавать приказы и принуждать повиноваться этим приказам. Целостная система власти включает ряд подсистем — правовую, административно-управленческую, военную и правоохранительную, воспитательно-образовательную и другие, в которых устанавливаются характерные для каждой из них отношения. В то же время власть, даже включая самодержавную, подчиняется праву, которое может быть «записано» в разных терминах, но определяет пределы власти и ее обязанности. Власть, сверх меры пренебрегающая этими пределами и не выполняющая своих обязанностей, очень недолговечна.

Суверенное государство — главный субъект политики и носитель власти не только в рамках своей страны, но и главный субъект политических отношений страны на международной арене, во взаимоотношениях с другими государствами. Государство имеет властные полномочия осуществлять внешнюю политику, заключать межгосударственные договоры и соглашения, объявлять войну и заключать мир. Для достижения успеха в этих действиях власть должна иметь прочный тыл в своей собственной стране и обладать высоким политическим авторитетом в своем народе.

Любая властная система в той или иной степени основана на *насилии*. Неотъемлемым атрибутом власти являются санкции, наказания, в том числе физическое принуждение. Все современ-

² *Lasswell H.D., Kaplan A.K. Power and Society. New Haven: Yale University Press, 1950.*

ные политические системы, которые провозглашают себя или даже считаются общепризнанно демократическими и правовыми, формировались с помощью насилия. Объединение земель, интеграция этнических групп в нации, лишение королей права на власть, разделение властей — все это было предметом ожесточенной борьбы между противоборствующими группами, сословиями, династиями. Очень часто власть доставалась в результате узурпации, брато- и отцеубийства, государственного переворота или других преступлений и беззаконий — и общество с этим часто мирилось как с меньшим злом, в сравнении со смутой.

На пути становления государственности и его институтов каждая страна прошла через революции, гражданские войны, цареубийства и другие формы насилия. Так, Великобритания пережила две революции, Франция прошла через несколько революций и переворотов. И это — признанные демократии, которые представляются таковыми чуть ли не изначально. В США отмена рабства произошла лишь в результате самой кровопролитной с древних времен гражданской войны.

Однако уже Никколо Макиавелли первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии («макиавеллиевский кентавр»). Она сильна и дееспособна не тогда, когда сразу прибегает к силе, а когда убеждением и практикой добивается согласия граждан с тем, что ее политика отвечает критериям общего блага или, как минимум, является меньшим злом. Политическое насилие со стороны власти всегда создает риск ответного политического насилия, и по типу цепной реакции.

Подробнее проблему политического насилия — и со стороны власти, и со стороны ее противников — рассмотрим в отдельной лекции.

Разумеется, власть отнюдь не сводится к функции насилия. Власть, обладая множеством рычагов и механизмов управления, организует усилия всего общества и его институтов для жизнеобеспечения населения и развития страны или, как минимум, создает менее привилегированным группам условия для самоорганизации. Для какой-то части населения решения власти по распределению благ и тягот представляются несправедливыми, но до какого-то предела люди и эту несправедливость терпят ради

других функций, которые выполняет власть в интересах этой части. В целом, трактовка намерений и решений власти всегда связана с субъективными позициями разных социальных групп или организаций и лиц, выражающих их интересы. Надо также учитывать, что и власть реализуется в коллективной деятельности довольно большого числа людей (субъектов властных отношений), и с этой точки зрения она есть социальный институт, на котором сказываются интересы и ценности этой группы.

Французский философ М. Фуко сказал: «Если бы власть имела только функцию подавления, если бы она действовала по образцу цензуры, исключения, преграждения, вытеснения в духе какого-то большого Сверх-Я, если бы она осуществлялась только негативным способом, то она оказалась бы очень хрупкой. Но коль скоро она сильна, то это потому, что она производит позитивные воздействия на уровне желания (это уже начинают осознавать), а также на уровне знания...

Глубокая укорененность власти, трудности, какие мы испытываем, пытаясь от нее избавиться, обусловлены всеми этими связями. Вот почему представление о подавлении, к которому обычно сводят все механизмы власти, кажется мне чрезвычайно неудовлетворительным и, возможно, даже опасным».

Государство действует, нащупывая единство или приемлемый баланс всеобщего и частного интереса. Очевидно, что при этом начало свободы и прав — как групповых, так и личных — ограничивается началом обязанности и ответственности. Власть обязывает и принуждает граждан и их общности действовать не только в личных и групповых интересах, но и во имя общего блага, преследовать не только частные цели, но и общественные. Из этого следует, что власть проявляется не только в насилии, но также в различных *«динамичных формах зависимости, независимости и взаимозависимости между человеком и человеком, личностью и обществом, социальными группами, классами, государствами, блоками государств»*³.

В древности власть принуждала граждан даже с оружием в руках защищать интересы своей группы во внутренних распрях. Это было отражено в формальном праве. Аристотель

³ Власть: очерки современной политической философии Запада / А.Л. Алюшин, Ю.М. Батурин, В.В. Мшвеннерадзе и др. М.: Наука, 1989. С. 8.

писал в «Афинской политике»: «Видя, что в государстве часто происходят смуты, а из граждан некоторые по беспечности мрут со всем, что бы ни происходило, Солон издал относительно их особый закон: “Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предается бесчестию и лишается гражданских прав”».

Плутарх тоже отмечает этот момент в законах Солона: «Из остальных его законов особенно своеобразным и странным является тот закон, который повелевает, чтобы был лишен гражданской чести человек, не примкнувший во время смуты ни к той, ни к другой партии. Но он хочет, как кажется, чтобы никто не относился равнодушно и безучастно к общим интересам, оградив от опасности личное достоинство и отговариваясь тем, что не разделяет горя и страданий своей родины; он хочет, чтобы всякий немедленно примкнул к тем, которые преследуют лучшие и более справедливые цели, делил с ними опасности и помогал им, а не выжидал в безопасности того, что предпишут победители»⁴.

Легко видеть и связь власти с политикой, поскольку власть, осуществляемая государством, его институтами и должностными лицами, является *политической* властью. Государство — главный и единственный носитель политической власти. Но нельзя упускать из виду важный факт: политическая власть — не единственный тип власти. Рядом с ней — и зачастую в противовес ей — существует множество других источников и форм власти и авторитета. Одни из них усиливают политическую власть государства, другие, напротив, уравнивают и ограничивают ее или даже угрожают ей. Это власть и авторитет традиции и обычая, разного рода организаций, объединений, а также таких институтов, как церковь, семья, школа и университеты, частный капитал и профсоюзы, СМИ и т. д.

Эти виды власти часто недооцениваются и политиками, и гражданами, что приводит к деформации представлений о политической реальности. М. Фуко в своих трудах анализирует институты, властное воздействие которых на граждан кажется очевидным, но не замечается (например, властные отношения учителя с учеником или врача с пациентом). Он настойчиво под-

⁴ Лишение гражданской чести в античной Греции было тяжким наказанием, равносильным лишению гражданских прав.

черкивает это обстоятельство: «Одна из первейших вещей, которую необходимо понять, это то, что власть не располагается в государственном аппарате и что в самом обществе ничего не изменится, если механизмы власти, которые действуют за пределами государственных аппаратов, под ними, рядом с ними, на намного более низком уровне, на уровне обыденном, не будут изменены».

После выдвигания плодотворной концепции культурной гегемонии (А. Грамши) как условия прочности власти (эта концепция делала акцент на общественном сознании), важные положения высказал М. Фуко, обратив внимание на те воздействия, которые власть оказывает непосредственно на *тело* человека. Эти воздействия он обобщил в понятии *биовласть*. Фундаментальным постулатом проекта Просвещения было утверждение о том, что тело есть частная собственность каждого индивида, которую он получает при рождении и из которой вытекают его неотчуждаемые права.

Это сразу наложило на государственную власть ограничения, которые она была не вправе преступать. Неотчуждаемым правом личности стала неприкосновенность его тела. Например, был наложен запрет на пытки и телесные наказания — широко применяемые ранее способы властного насилия⁵. Надо, однако, учесть, что идеология социал-дарвинизма и евроцентризма позволяла гражданскому обществу без всяких моральных проблем в течение трех столетий использовать рабство в США. Основатель теории гражданского общества английский философ Джон Локк был автором Конституции рабовладельческого штата Каролина, одна из статей которой гласила: «Каждый свободный человек Каролины обладает абсолютной властью над своими черными рабами».

Обоснование рабства, которое сформулировал Локк, было настолько жестким и абсолютным, что, как пишут, «оправдание рабству, которое за две тысячи лет до Локка давал Аристотель, кажутся отеческим напутствием». Локк считал, что «гражданское общество» имеет естественное право вести войну против

⁵ На индейцев и африканцев понятие прав человека не распространялось, и, как подметил в США А. де Токвиль, их подвергали насилию, «нисколько не отступая от своих гуманистических принципов».

тех, кто «не обладает разумом», обращать их в рабство и экспроприировать их богатство в уплату за военные расходы. Эти рассуждения вспомнили потому, что ими буквально оправдывалась война против Ирака. Локк, как известно, вложил свои сбережения в акции Королевской Африканской компании, которая занималась работоторговлей. Никаких моральных сомнений не испытывал и французский просветитель Монтескье, когда вкладывал свои деньги в прибыльную работоторговлю⁶.

В политологии ограничению власти современного (западного) государства в случае применения насилия придается большое значение, но только этим не исчерпывается проблема власти над телом индивида. Например, с биовластью связаны проблемы рождаемости и смертности, эвтаназии и проституции, принципы здравоохранения и лечения. М. Фуко даже высказал такой афоризм, задающий критерий различения политических систем: «Тоталитаризм обязывает жить, а демократия разрешает умирать».

Над этим стоит поразмыслить⁷.

В современном государстве (т. е. государстве западного типа) политическая власть разделена на компоненты, которые призваны уравновешивать друг друга изнутри. Считается, что так складывается система конкурирующих между собой центров власти, служащих в качестве *сдержек и противовесов*, которые обеспечивают «равновесие власти». Принцип деления власти делит ее на три главные ветви — *законодательную, исполнительную и судебную*.

Известно, однако, что институты государства, в том числе политической власти, не охватывают своими нормами и формальными полномочиями всю его деятельность и отношения

⁶ Монтескье писал: «Сахар был бы слишком дорог, если бы не использовался труд рабов. Эти рабы — черные с головы до ног, и у них такой приплюснутый нос, что почти невозможно испытывать к ним жалость. Немыслимо, чтобы Бог, существо исключительно умное, вложил бы душу, тем более добрую душу, в совершенно черное тело».

⁷ М. Фуко сказал в интервью: «Я задаю вопрос, не оказались бы мы большими материалистами, изучая вопрос о теле и властных воздействиях на него перед тем, как ставить вопрос об идеологии. Ибо в исследованиях, которые на первое место ставят идеологию, меня смущает то, что в них всегда предполагается данным человеческий субъект, образец которого нам дала классическая философия и который будто бы наделен сознанием, которым-то и завладевает приходящая власть».

между субъектами власти и управления. Никакая организация не может функционировать без наличия *неформальной структуры* отношений. Так же и система государственной власти в своей деятельности использует как формально ограниченные полномочия, так и неформальные рычаги. Вес тех и других определить трудно; некоторые политологи считают, что значимость неформальной структуры выше.

При этом судить о балансе влияния этих двух структур по номинальной квалификации государства (демократического, авторитарного, тоталитарного и пр.) нет оснований. В каждом конкретном случае требуется исследование всей политической системы и политической культуры общества⁸. Например, еще в 1960–1970-е годы фактическая власть в США опиралась на несколько сетей неформальных связей финансовой, промышленной, военной, политической и научной элиты. Узлами этих сетей служили закрытые клубы и масонские ложи. Весьма значительная часть ведущих политиков США обучались, защищали диссертации или преподавали в одном из университетов, входящих в «Лигу плюща» (восемь старейших и наиболее престижных университетов США), и тесно сотрудничали друг с другом, независимо от занимаемого поста. Если по какому-то принципиальному вопросу ведущие группы элиты не могли прийти к соглашению, возникала угроза даже жизни президента, несмотря на разделение властей.

Как говорят, во власти всегда есть бесправие, а в праве — безвластие. Поэтому разделение властей всегда неполно и даже условно. Ветви власти не просто взаимно дополняют друг друга, но и переплетены.

Прочность власти зависит как от ее законности, так и от ее эффективности. В этом состоит неразрешенное диалектическое противоречие политической философии и, соответственно, политологии. Проблема в том, что при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс

⁸ Й. Шумпетер отмечал: «Ни одно общество не потерпит абсолютную свободу (даже свободу слова) и ни одно общество не сведет ее до нуля. Разница между режимами состоит только в степени свободы». Надо бы только добавить, что различия между режимами состоят не только (и не столько) в «количестве» свободы, сколько в структуре свобод и несвобод.

между *несоизмеримыми ценностями*. Например, А. де Токвиль писал: «Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство». Свобода и равенство — ценности несоизмеримые⁹.

В политической философии либерализма эта проблема рассматривается в свете нравственного реализма, и выход видится в *объективном плюрализме ценностей*. Эта концепция приводит к пессимистическому выводу: «*в определенной ситуации не существует пристойного, честного и адекватного решения*». Это значит, что власть часто оказывается перед тяжелым выбором между правом и эффективностью.

Апелляция к неким «общечеловеческим ценностям» является демагогической. В результате многочисленных и протяженных во времени попыток составить перечень общечеловеческих ценностей удалось лишь выделить некоторый набор *чаще всего* присущих людям ценностей — так называемый *универсальный минимум*. Это понятие реалистичное. Однако обнаружилось, что этот минимум лучше удовлетворяется в *нелиберальных* государствах («традиционных обществах») — жизнь в них надежнее, безопаснее и духовно богаче.

Либеральный философ, и даже консерватор Дж. Грей пишет: «Среди многих режимов или форм жизни, удовлетворяющих универсальному минимуму нравственных принципов, конфликты между несоизмеримыми принципами в рамках универсального минимума будут разрешаться различными способами, исходя из различных культурных традиций. А поскольку универсальный минимум ни в одном из своих вариантов не предопределяет какую-либо из либеральных форм жизни, многие режимы, удовлетворяющие критериям универсального минимума — возможно, подавляющее большинство режимов в истории человечества — не будут либеральными режимами. Эту истину отрицает классический либерализм, все разновидности которого утверж-

⁹ Красноречивы философские дебаты на эту тему, происходившие в конце 1980-х гг., когда видные представители гуманитарной элиты СССР сделали радикальный выбор в пользу *свободы*, представив ценность *равенства* как приверженность тоталитаризму. О проблеме согласования этих несоизмеримых ценностей в упомянутых дебатах не было и речи.

дают, что требования справедливости в их либеральном понимании входят в рамки универсального минимума».

Теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года стал важным «экспериментом», выветившим внутреннюю слабость мировоззренческой основы западной демократии, которая, как предполагалось, включала в себя ценности гуманизма и прав человека. После этого теракта в массовом сознании произошло оправдание («амнистия») государственного терроризма США, проводимого по всему миру; общество даже склонялось к принятию идеи легализовать пытки. Оказалось, что культура гражданского общества вполне совместима с применением пытки в отношении человека как источника информации.

Примечательно, что предложение узаконить пытки исходило от университетской элиты. Выдавать американским судьям «ордера на пытки» предложил профессор права Гарвардского университета Алан Дершовиц, который слывет в США либералом. А советник президента Буша (позже — генеральный прокурор США) Альберто Гонсалес подал докладную записку, оправдывающую методы, которые применялись в тюрьмах на базе в Гуантанамо и в Абу-Грейв. Гонсалес предложил считать пыткой только такую боль, которая причиняет серьезное повреждение или смерть, а также утверждал, что Буш, как главнокомандующий, имеет конституционное право приказывать пытать заключенных.

В «развитых демократических странах» факты нарушения закона и прав человека — вовсе не редкие эксцессы. Большую полемику породил приговор Европейского трибунала прав человека, вынесенный Великобритании в сентябре 1995 года. Дело небольшое, но примечательное: в 1988 году в Гибралтаре агенты полиции застрелили на улице трех известных республиканцев из Северной Ирландии. Как сказано в приговоре, «без всякой необходимости». Они были безоружны, их никто не пытался арестовать, просто застрелили... По поводу приговора резко высказались и премьер Мейджор, и Тэтчер. Тогда были обнародованы документы, согласно которым в Ольстере без суда и следствия были застрелены около 400 безоружных, уже задержанных и находящихся в руках официальной власти республиканцев. Вспомнили и о той шестерке ирландцев, которые под пытками «признались» в несовершенном ими преступлении и 12 лет просидели

в лондонской тюрьме. Вышли на свободу лишь в 1990 году, когда приговор был признан судебной ошибкой.

Не менее красноречиво недавнее событие — конфискация части депозитов, хранящихся в банках Кипра, для покрытия государственного долга. Это — акция незаконной конфискации частной собственности, «священной и неприкосновенной». Она важна как прецедент, который в США и Европе может стать нормой.

Депутат Европарламента Н.Фарадж сказал в интервью (19.03.2013): «Даже в своих самых мрачных прогнозах относительно того, что брюссельские бюрократы сделают для поддержания разваливающейся еврозоны, я не предполагал, что они прибегнут к воровству — а именно так это все и называется. Это воровство. Это нарушение гарантии неприкосновенности вкладов, данной ими же в 2008 году. На более высоком уровне это нарушение важнейшего принципа верховенства закона, одной из основ западной цивилизации. Поэтому центральные планировщики сделали нечто действительно потрясающее».

Мы видим, что в государствах «демократии и частной собственности» власть все с большей легкостью нарушает закон и права человека. После краха СССР на Западе идет быстрое реформатирование политических и правовых систем.

Надо заметить, что факт наличия в системе власти формальной и неформальной структур, а также факт несоизмеримости и часто несовместимости оснований для принятия политических решений, создают принципиальные трудности в исследовании власти — ее система в большой степени *непрозрачна*.

Немецкий философ и писатель Э.Канетти, оставивший огромный «труд целой жизни», трактат «Масса и власть» (1960), уделяет особое внимание маске — как инструменту власти, которым она воздействует на сознание через воображение. Канетти пишет: «Маска воздействует в основном вовне. Она неприкосновенна и устанавливает дистанцию... Сразу за маской начинается тайна. В острых ситуациях, т. е. когда маска воспринимается всерьез, человеку не положено знать, что за ней скрывается. Она многое выражает, но еще больше скрывает. Она представляет собой раздел: скрывая за собой опасность, которую не положено знать, препятствуя установлению доверительных отношений,

она приближается к человеку вплотную, однако именно в этой близости остается резко от него отделенной. Она угрожает тайной, стущающейся за нею. Поскольку ее нельзя прочесть, как подвижное человеческое лицо, человек гадает и пугается неизвестного...

Никто не смеет ее тронуть. Смертью карается срывание маски кем-то другим. Пока она активна, она неприкосновенна, неуязвима, священна. Определенность маски, ее ясность заряжены неопределенностью. Власть ее в том и заключается, что она в точности известна, но непонятно, что она в себе таит».

Все это связано с важным действием в политическом театре — превращением. Канетти пишет о правителе-манипуляторе: «Превращения, совершаемые не им самим, ему невыносимы. Он может возносить на высокие посты людей, бывших ему полезными, однако эти осуществляемые им социальные превращения должны быть четко определенными, ограниченными и оставаться полностью в его власти. Возвышая и унижая, он дает установление, и никто не может отважиться на превращение по собственному почину. Властитель ведет нескончаемую борьбу против спонтанных и неконтролируемых превращений. Разоблачение — средство, используемое им в этой борьбе».

Экономоцентрические учения (марксизм и в большой мере — либерализм) упрощали феномен власти, представляя ее как регулятор в основном экономических отношений, движимых интересом. Плохо понятый выброс духовной энергии в проекте фашизма, а затем кризис СССР и последовавший за ним кризис западного капитализма поставили новые проблемы в изучении власти.

Фуко говорил: «Я полагаю, что нужно вернуться в 60-е годы... В ту пору, по существу, оставалось два великих исторических наследия XX века, которые нам не удалось усвоить и для исследования которых у нас не было никакого аналитического инструментария. Это были фашизм и сталинизм...»

У нас не было никаких понятийных и теоретических инструментов, которые позволили бы как следует уловить всю сложность вопроса власти, поскольку XIX столетие, завещавшее нам эти инструменты, воспринимало эту проблему лишь посредством различных экономических схем. Ибо XIX век обещал нам,

что в тот прекрасный день, когда, наконец, будут решены все экономические вопросы, разрешатся и все последствия сопутствующей им избыточной власти. И что же произошло? XX век выявил противоположное: можно разрешить сколько угодно экономических трудностей, однако излишки власти все равно останутся. И к 1955 году загадочность власти начала представлять во всей своей наготе... Отсюда стали очевидными необходимость осмыслить проблему власти и отсутствие понятийного аппарата, который мог бы способствовать выполнению этой задачи.

К сказанному можно добавить идею Фуко о том, что политическая власть государства продолжается в большом числе негосударственных сетей отношений разного типа и разных конфигураций. В особенности это относится к незападным государствам или тем западным гражданским обществам, которые претерпели аномальную деформацию, свидетелями чего нам, вероятно, еще придется стать.

Эта концепция еще ждет своей разработки. Фуко сказал: «После двух великих экспериментов (опыта фашизма и опыта сталинизма) мы вдруг ощутили, что под государственными органами, на совершенно ином уровне и до некоторой степени от них независимо, существовала целая механика власти, осуществлявшаяся постоянно, непрерывно и насильственно; она позволяла сохранять прочность и жесткость социального тела, причем играла в этом деле не меньшую роль, чем основные государственные органы, вроде армии или правосудия. И это пробудило у меня интерес к изучению таких неявных сил власти, власти невидимой, т. е. тех видов власти, которые связаны с институтами знания и здравоохранения. Что от механики власти присутствует в образовании, медицине, психиатрии? ...»

В настоящее же время главными вопросами стали вопросы о мельчайших силах власти и о рассредоточенных системах господства».

Методологическое обновление политологии — задача, которая ляжет на плечи нынешних студентов и выпускников.

Приложение

Т. Парсонс. О понятии «политическая власть»

(Из книги: *Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 2. М., 1997*).

Власть понимается здесь как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри того, что мы называем политической системой, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества (как я их себе представляю) — экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов...

Деньги, как утверждали классики экономической науки, одновременно представляют собой и средство обмена, и «ценностный эталон». Деньги — это символ в том смысле, что, измеряя и, следовательно, «выражая» экономическую ценность или полезность, сами они не обладают полезностью в изначальном потребительском значении слова...

Аналогичным образом понятие институционализированной системы власти прежде всего выдвигает на первый план систему отношений, в рамках которой некоторые виды обещаний и обязательств, навязанных или взятых добровольно — например, в соответствии с договором, — рассматриваются как подлежащие исполнению, т. е. в нормативно установленных условиях уполномоченные деятели могут потребовать их выполнения. Кроме того, во всех установленных случаях отказа или попыток отказа от повиновения, посредством чего деятель пробует уклониться от своих обязательств, их «заставят уважать», угрожая ему реальным применением ситуационно-негативных санкций, выполняющих в одном случае функцию устрашения, в другом — наказания. Именно события в случае с деятелем, о котором идет речь, намеренно изменяют (или угрожают изменить) ситуацию ему во вред, каково бы ни было конкретное содержание этих изменений.

Власть, таким образом, является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов кол-

лектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции.

Добиться обладания полезным предметом, выменяв его на другой предмет, не означает совершить денежную сделку. Таким же образом из моего определения следует, что добиться удовлетворения своего желания, определено оно как обязательство объекта или нет, посредством простой угрозы со стороны превосходящей силы не составляет акта властвования. Я хорошо знаю, что большинство представителей политической науки выбрали бы другое определение и увидели бы здесь пример властвования [...], но я намерен придерживаться собственного определения и изучать вытекающие из него следствия. Способность обеспечивать удовлетворение желания должна быть обобщенной, чтобы можно было назвать ее властью в том смысле, который я придаю этому термину, а не быть только функцией отдельного применения санкции, которую в состоянии наложить одно лицо, и, наконец, использованный посредник должен быть «символическим».

На второе место среди свойств власти я поставил легитимацию. Это с необходимостью вытекает из моего понимания власти как «символической», которая, будучи обмененной на что-нибудь действительно значимое для эффективности сообщества, а именно на повиновение, не оставляет приобретателю выгоды, т. е. лицу, выполнившему обязательство, «никакой осязаемой ценности». Это значит, что ему не остается ничего другого, кроме совокупности антиципации, а именно: при других условиях и в других случаях он может напомнить об определенных обязательствах со стороны иных сообществ. В системах власти легитимация является, таким образом, фактором, аналогичным доверию при взаимном согласии на принятие денежной единицы и ее стабильности в финансовых системах.

Оба критерия объединены тем, что если легитимность обладания и использования власти подвергается сомнению, то это ведет к использованию все более сильных средств, способствующих достижению повиновения. Эти средства должны быть

все более и более эффективными «внутренне» и, следовательно, лучше приспособленными к особым ситуациям объектов исходя из их недостаточно общего характера. Кроме того, в той мере, в какой эти средства являются внутренне эффективными, легитимность постепенно становится все менее важным фактором их эффективности; в конце этого развития находится применение — вначале различных видов принуждения, затем силы как самого по сути своей эффективного из всех средств принуждения.

* * *

М. Фуко. Власть и знание.

(Из книги: Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002).

Под властью, как правило, также подразумеваются воздействия господства, связанные с существованием государства или с функционированием органов государственной власти. При слове «власть» в голову людям сразу же приходят армия, полиция, правосудие... Ибо в том случае, когда в наших головах заложено подобное понимание власти, мы, я полагаю, локализуем ее лишь в государственных органах, тогда как отношения власти существуют (это-то, несмотря ни на что, нам известно, однако отсюда не всегда извлекаются выводы) и проходят через множество других вещей. Ведь отношения власти существуют между мужчиной и женщиной, между тем, кто знает, и тем, кто не знает, между родителями и детьми, внутри семьи. В обществе имеются тысячи и тысячи различных властных отношений, а значит, отношений силовых и, следовательно, существует множество мелких противостояний, в некотором роде микросражений. И если верно, что этими малыми отношениями власти руководят, индуцируя их, крупные органы государственной власти или великие институты классового господства, то все-таки необходимо сказать, что и в обратном смысле всякое классовое господство или государственная структура могут функционировать должным образом только если в самой их основе существуют эти малые отношения власти. Чем была бы эта государственная власть, власть,

которая, к примеру, навязывает воинскую повинность, если бы вокруг каждого индивида не было бы целого пучка властных отношений, которые его связывают с его родителями, с его работодателем, с его хозяином — с тем, кто знает, с тем, кто вбил ему в голову то или иное представление?

Ибо государственной структуре при всем том, что есть у нее обобщенного, абстрактного, даже насильственного, не удавалось бы удерживать таким вот образом, непрерывно и мягко, всех этих индивидов, если бы у нее не было корней, если бы она не использовала, словно своего рода большую стратегию, все возможные мелкие локальные и индивидуальные тактики, охватывающие каждого из нас. В этом все дело. Ни много ни мало именно это основание властных отношений мне бы и хотелось выявить. Таков ответ на то, что Вы сказали о государстве. Помимо этого, мне бы также хотелось выявить, как эти отношения власти используют методы и техники, весьма отличающиеся друг от друга по своему уровню и от эпохи к эпохе. Например, у полиции имеются, конечно же, свои методы (все их знают), но в равной мере существует и целый метод, целый ряд процедур, посредством которых осуществляется власть отца над его детьми; целый ряд приемов, путем которых, как Вы видите, в семье завязываются отношения власти родителей над детьми, равно как и детей над родителями, мужчины над женщиной, однако еще и женщины над мужчиной и над детьми. У всего этого собственные методы, собственная технология. Наконец, необходимо также сказать, что нельзя понимать эти отношения власти как жестокое господство типа: «Делай так, иначе я тебя убью». Здесь выражаются лишь крайности власти. На самом же деле отношения власти являются отношениями силы, противостояниями, а, стало быть, они всегда обратимы. И нет отношений власти, которые восторжествовали бы целиком и полностью и господство которых было бы необратимым. Часто говорилось (и критики ставили мне это в укор), что я, располагая власть везде и всюду, исключаю всякую возможность сопротивления. Как раз наоборот!

Я имею в виду, что властные отношения с необходимостью вызывают сопротивление, каждое мгновение взывают к нему, открывают для него возможности, и как раз потому, что существует возможность сопротивления и сопротивления реального,

власть господствующих пытается удерживаться с тем большей силой, с тем большей хитростью, чем сильнее сопротивление. Так что я пытаюсь выявить здесь скорее вечную и многообразную борьбу, нежели унылое и застывшее господство какого-то обезличивающего устройства. Мы всегда и всюду в борьбе, ибо каждое мгновение происходит бунт ребенка, сующего за столом палец в свой нос, чтобы досадить своим родителям; если угодно, это тоже восстание, и каждое мгновение мы переходим от восстания к господству, от господства к восстанию, и это-то вечное брожение мне и хотелось бы попытаться явить на свет.

Для заметок

ЛЕКЦИЯ 3

Государство

Государство и власть — ядро, вокруг которого объединяются все составляющие сферы *политического*. Понятие государства как политически организованного общества возникло в период Возрождения, на заре Нового времени. Оно произошло от латинского слова *status*. Мы говорим о современном государстве, сложившемся в Новое время в Западной Европе, политические институты которого затем были освоены и адаптированы в ходе модернизации и в незападных странах. Те культуры и цивилизации, которые не успели провести модернизацию и защититься от энергичной экспансии Запада, были им стерты с лица земли.

Государство — понятие *многомерное*, ему нельзя дать замкнутого определения, его можно дополнять и дополнять содержательными примерами соответственно тем граням общественно-го бытия, на которые воздействует государство. Поэтому и курс «государственной политики» можно дополнять и дополнять новыми темами. Наш курс — лишь канва, чтобы слушатели потом самостоятельно осваивали эту большую и очень динамичную систему.

Человек видит государство как сгусток *общественных отношений* и силу, которая эти отношения регулирует. Государство организует эти отношения на *территории*, на которую простирается его суверенная власть. Само понятие политической власти в Новое время отождествляется с отправлением власти на определенной территории. Территория государства — стратегический ресурс, который, как считают многие, по значимости превосходит все остальные ресурсы. Т. Парсонс сформулировал «фундаментальный императив относительного единства управленческих институтов»; в частности, он подчеркнул: «Осуществление

нормативного порядка среди коллективно организованного населения влечет за собой контроль над территорией». Говоря о государстве, имеют в виду границы, отделяющие его территорию от других государств¹. Со времени Вестфальского мира 1648 года территориальные границы государств считались священными и неприкосновенными. Сейчас, после краха советского блока, западные державы шаг за шагом размывают принцип суверенитета.

Политическая организация современного мира базируется прежде всего на разделении стран по территориальному принципу. Государства представляют собой конкретные политические образования, в отличие от цивилизации или мирового сообщества, которые не имеют собственных границ, пределов юрисдикции, официальных институтов и руководителей, полномочных принимать решения и реализовать их и т. д.

Всеми этими атрибутами располагает национальное государство, которое обладает узаконенными полномочиями и средствами мобилизовать своих граждан, собирать с них налоги, наказывать врагов и награждать друзей, объявлять и вести войны и многое-многое другое, что не под силу цивилизации или тому или иному культурному кругу.

Государство объединяет на своей территории людей *гражданством* поверх групповых партикулярных связей (классовых, этнических и др.). Все граждане в чистой модели «государства модерна» равны в их правовой связи человека с государством.

Конечно, в реальности чистых моделей нет; в самых «продвинутых» государствах модерна (например, США) и сегодня имеется много пережитков традиционализма, а также происходят откаты в архаику — и в расовых, и в социальных и культурных отношениях. Ситуация усложняется из-за наступления *постмодерна*, который разрушает политические институты, сконструированные Просвещением. В постсоветской России, где предполагается осуществить новый виток модернизации, политолог должен, исходя из чистых моделей модерна и традиционализма,

¹ В древности считалось, что «монарх выступает в качестве верховного легитиматора как социального, так и физического пространства». Согласно легенде, император Цинь Шихуанди, объединивший китайские царства, первым делом объехал границу нового государства.

учитывать интервенцию постмодерна. Методология российской политологии не может опираться на диалектику (она, впрочем, на диалектику и не опиралась) — ей приходится искать путь к синтезу противоречия трех начал.

Государство принимает законы и другие нормативные акты. Они имеют обязательный характер, и государство обеспечивает их выполнение всеми находящимися в его распоряжении методами, включая насилие. Государству принадлежит монополия на законодательство и принуждение к исполнению законов.

Для реализации своих целей и решения возникающих задач государство создает свой **аппарат** — коллективы людей, профессионально занятых выявлением общественных потребностей, ценностей и интересов, проведением государственно-правовых установлений (норм) в жизнь. Для выполнения своих функций аппарат обеспечивается соответствующими средствами. Надо сказать, что возникновение структурированного аппарата с разделением функций отмечалось с появлением первых зачатков государства с укрупнением человеческих общностей.

Уже превращение родов и родственных кланов в более жестко связанную этническую общность (племя) требовало управления с более сложной структурой — *протогосударства*. Это было возможным благодаря формированию религиозного сознания и коллективных представлений о мире, о социальных и культурных нормах, на базе чего возникала солидарность людей и групп.

Историк Древнего Востока Л.С.Васильев так представляет этот процесс: «Социологи и антропологи подвергли обстоятельному анализу феномен механической солидарности разрастающихся на основе сегментации семейно-клановых групп многочисленных родственных кланов в зоне обитания данной этнической общности. Базирующаяся на общности происхождения, культуры, языка, спаянная ритуальными нормами (обряды инициации, мужские дома, празднества) и легендарно-мифологической традицией, такого рода общность, обычно всегда именовавшаяся племенем, подчас исчисляется сотнями тысяч. Именно в ее недрах фиксируется солидарность, которая реализуется автоматически».

Чтобы племя развивалось, создавая основу для возникновения *народа*, требовалась уже государственная власть с ее жре-

цами, религиозными культурами, границами и войском. Читаем у Л.С. Васильева: «Укрупненная система мелких первичных протогосударств — это сложное или составное протогосударство, имеющее иерархическую внутреннюю структуру и знакомое с определенным количеством оторванных от сельскохозяйственного производства групп администраторов, воинов, жрецов и обслуживающего верхи персонала (слуги, рабы, ремесленники). Администраторы — это общинная выборная верхушка; воины — это группа профессионалов-дружинников, всегда готовая повести за собой всех остальных, способных носить оружие. Слуги и рабы принадлежат к числу неравноправных чужаков, чаще всего захваченных в ходе войн. Из их же числа, а также из числа собственных мастеров, если они имелись в коллективе, формируются профессионалы-ремесленники, прежде всего металлурги-кузнецы, продукт труда которых становится особенно важным с момента, когда неолитические коллективы вступают в век бронзы. Но едва ли не наиболее важной прослойкой в формирующемся протогосударстве всегда были жрецы. Во всяком случае глава протогосударства часто одновременно был высшим жрецом-первосвященником».

Обладание государственностью становилось важным политическим ресурсом общности. Это было доводом в пользу того, что этнос, создавший государство, является более древним, что он раньше других этносов занял и освоил данную территорию, что это его «родная земля», что именно он и является *коренным* народом на этой земле и имеет на нее особые права. Заметим, что спор об исторической государственности нередко становится предметом острых разногласий даже в наше время².

Служащие и чиновники госаппарата, обеспечивающие его функционирование, играли важную роль уже в древних государствах — Египте, Римской империи, особенно в Китае, где Конфуций доработал изощренную бюрократическую систему. Однако в государствах древности не было государственной администрации в строгом смысле слова, поскольку чиновники получали

² Одним из проявлений обострения межэтнических отношений на Северном Кавказе в 1990-е гг. стали «высокоэмоциональные» споры местных интеллектуалов о том, чьи предки раньше поселились на Северном Кавказе, создали там высокую культуру и развили раннюю государственность.

вознаграждение натурой и зависели от местных источников благ. М. Вебер связывал возникновение современного государства с формированием бюрократического аппарата и *класса чиновников*, оплачиваемых из государственной казны, работающих полный рабочий день и имеющих строго определенную перспективу продвижения по службе.

Современный аппарат государственно-административного управления действует по рационально разработанным формальным нормам и правилам и имеет постоянный характер. В отличие от политиков в высших органах государственной власти, бюрократы — профессионалы. Они продолжают выполнять свои функции независимо от правительственных кризисов или досрочных выборов. Костяк системы государственного административного управления представляет собой стабильный контингент лиц. Поэтому чиновничество в современном государстве стало влиятельной силой, обладающей большим объемом конкретной информации и в значительной мере независимой от правительства и выборных органов власти.

Государство обладает суверенной властью, это основополагающий критерий, необходимый атрибут современного государства. Государству всецело и исключительно принадлежит верховная власть над всеми другими формами и проявлениями власти на всей территории данного государства. Суверенитет — условие единения, самоопределения и эффективности властной системы.

В древности и в Средние века, когда религия была господствующей формой общественного сознания, источником верховной власти в государстве считалась божественная воля. Однако уже в Античности высказывались идеи, что власть коренится в воле народа, что семья как структурная единица общества первична по отношению к государству. Эти представления были развиты в Новое время. Государственная власть стала рассматриваться как результат добровольного договора, заключенного людьми «ради права и общей пользы».

В основании этого представления о государстве лежит понятие «естественный человек». Гоббс писал, что природное, врожденное свойство «естественного» человека — подавлять и экспроприировать другого человека: «Природа дала каждому

право на все. Это значит, что в чисто естественном состоянии, или до того, как люди связали друг друга какими-либо договорами, каждому было позволено делать все, что ему угодно и против кого угодно, а также владеть и пользоваться всем, что он хотел и мог обрести»³.

Таким образом, естественное состояние для человека — *война всех против всех (bellum omnium contra omnes)*. В условиях цивилизации (гражданского общества) по общему договору эта война вводится в рамки закона и учреждается мощное государство («Левиафан» или земной «смертный» Бог), способное всех заставить выполнять нормы закона⁴. «Методологический индивидуализм», положенный в основу теории современного государства, доминирует в социальной и политической философии Запада и сегодня. Его перенос в когнитивную структуру обществоведения и социальной политики России был одной из причин раскола российского общества по ценностным основаниям.

Разрабатывая понятие человека-атома и его взаимоотношений с обществом, Гоббс и Локк дали представление о *частной собственности*. Она и стала осью гражданского общества и главным мотивом перестройки традиционного патерналистского государства в либеральное. Вот слова Локка: «Главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам, — сохранение их собственности».

³ Поскольку наблюдать естественное общество в Европе было уже нельзя, Гоббс взял за стандарт человека «в природном состоянии» индейцев Америки. Этнографы объясняют, что это было ошибкой, но она уже никого не волнует. До появления европейцев индейцы не воевали друг с другом и скальпов не снимали. «Естественный» человек, о котором писал Гоббс, возник под воздействием «цивилизованного» человека: европейцы стравливали племена индейцев, продавая им ружье за 18 скальпов.

⁴ Американский антрополог М. Салинс пишет: «Гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. В сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством».

Жан-Жак Руссо в «Рассуждениях о происхождении неравенства» (1755) так писал о возникновении гражданского общества: «Первый, кто расчистил участок земли и сказал: “это мое” — стал подлинным основателем гражданского общества». Он добавил далее, что в основании гражданского общества — непрерывная война, «хищничество богачей, разбой бедняков».

Предпосылкой возникновения нового общества и нового государства была Реформация в Европе, в XVI–XVII веках, давшая религиозное обоснование превращения общинного человека в индивида и собственника. Революцию в идее государства произвели уже Лютер и Кальвин. В традиционном государстве Европы монарх был помазанник Божий, и все подданные являлись, в каком-то смысле, его детьми. Государство не было классовым. Лютер впервые обосновал возникновение классового государства, в котором представителями высшей силы оказываются *богатые*. Здесь уже не монарх есть представитель Бога, а класс богатых.

Равенство перед законом (право субъекта) обращается в неравенство личностей перед Богом. Читаем у Лютера: «Наш Господь Бог очень высок, поэтому он нуждается в этих палачах и слугах — богатых и высокого происхождения, поэтому он желает, чтобы они имели богатства и почестей в изобилии и всем внушали страх. Его божественной воле угодно, чтобы мы называли этих служащих ему палачей милостивыми государями».

Богатые стали носителями власти, направленной против бедных (бедные становятся «*плохими*»).

В цивилизованном обществе, где кровожадность «естественного» человека была усмирена правом — так, что «война всех против всех» приняла форму конкуренции, — движущей силой, соединяющей людей в общество, являлся *страх*. Уже Гоббс вводит этот постулат: «Следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом». То есть под той положительной мотивацией, какой А. Смит считал *поиск выгоды* на рынке, лежит страх быть побежденным в конкуренции. При этом страх должен быть *всеобщим* и должно существовать *равенство в страхе*. Гоббс пишет: «Когда же частные граждане, т.е. подданные, требуют свободы, они подразумевают под этим именем не свободу, а господство».

Начиная с Гоббса, при рассмотрении государства его структурируют как систему *политических институтов* — в рамках или административно-юридического, или социологического подхода⁵. К. Поппер писал: «Мы должны понять, что все политические проблемы в конце концов носят **институциональный характер**, что поэтому в политике важны не столько личные мнения, сколько юридическое оформление политических проблем, и что прогресс на пути к равенству можно обеспечить только с помощью институционального контроля над властью».

М. Вебер также считал государством исключительно систему институтов, причем следующих рациональным нормам. Вот его главная дефиниция: «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей».

Другими словами, главное свое полномочие — физическое насилие — государство осуществляет через *учреждения*, действующие рационально (а не по произволу). Государство, чтобы быть таковым, должно охранять свою монополию на насилие и допускать распоряжение оружием («вещественными средствами») лишь высшими руководителями⁶.

Здесь надо отметить, что сильный акцент политологии на рациональность политических институтов государства в первой трети XX века столкнулся с мощным вызовом — бунтом *иррационального*, вызванным воздействием ценностей, сложившихся в необычную систему. А.С. Панарин пишет: «Соотношение между двумя детерминантами власти — со стороны интересов и со стороны ценностей — представляет сегодня одну из важнейших проблем политологического анализа. ... Нередко забывают, что

⁵ Вот одно из определений политического института (М. Леви): «Политические институты есть формальное соглашение между группами людей, поведение которых регулируется четко определенными правилами и самим процессом принятия решения, что обеспечено полномочиями одного лица или группы лиц, опять-таки формально облеченных властью».

⁶ Наглядный учебный материал для политологов предоставила перестройка, в ходе которой целенаправленно разрушался принцип, выражающий саму сущность любого государства, — право и обязанность власти (и только власти!) применять насилие.

наряду с различиями плохого и хорошего порядка существует более кардинальное различие порядка и хаоса. Пора понять, что, ломая прежний порядок, реформаторы автоматически не попадают в “светлое будущее” на основе непреложных закономерностей прогресса. В действительности мы живем не во Вселенной Маркса, а во Вселенной Венера, в которой хаос — более вероятное состояние, чем какой бы то ни был порядок...

Процедуры согласования интересов давно изучает западная политическая теория. Процедура согласования различных культурных норм и ценностей изучена гораздо хуже. Между тем она имеет особое значение для нашей страны, включающей множество разнородных этносов, конфессий, культурных традиций».

Кажется очевидным, что понятия и категории «власть», «государство», «политика» наполняются содержанием в зависимости от контекста — культурного, мировоззренческого и пр. Их понимание зависит от национальных традиций — типа политической культуры и мироощущения конкретного народа. Их нельзя представлять как неизменные сущности, верные для всех времен и народов. Можно сказать, что успехи институционального и социологического подходов постепенно привели политологию XX века к неосознанному *эссенциализму* — как раз в те же периоды, когда культурология и антропология изживали эссенциализм.

Вот урок истории. Учебники политологии (и западные, и российские) практически игнорируют *фашизм* — исключительно важное явление западной (и только западной) культуры и философии, которое породило жестокое, поставившее себя «по ту сторону добра и зла» государство. Почему политология обходит такое колоссальное событие в истории Запада, оставляя его необъясненным? Попробуйте вспомнить основательный, серьезный и доступный труд, который бы всесторонне осветил именно сущность фашизма — как философского течения, как особой культуры и особого социального проекта. Такого, похоже, не найти. А ведь в Германии произошло нечто совершенно небывалое. Немцы демократическим путем избрали и привели к власти партию, которая, не скрывая своих планов, увлекла их в безумный, безнадежный проект, означавший разрыв со всеми привычными культурными и моральными устоями.

Исследователь фашизма Л.Люкс замечает: «Именно представители культурной элиты в Европе, а не массы, первыми поставили под сомнение фундаментальные ценности европейской культуры. Не восстание масс, а мятеж интеллектуальной элиты нанес самые тяжелые удары по европейскому гуманизму, писал в 1939 г. Георгий Федотов». Философ-антифашист Ж.-П. Сартр в дневнике признал, что «добавлял фашизм в свою философию и свои литературные произведения, как добавляют щепотку соли в пирожное, чтобы оно казалось слаще».

Но ведь вся эта интеллектуальная элита была воспитана на рациональности Просвещения и главных идеологических учениях, рожденных Просвещением, — марксизме и либерализме!

Фашистское государство в Германии возникло, по словам первого вице-канцлера Папена, «пройдя до конца по пути демократизации» Веймарской республики. То есть в условиях острого кризиса гражданское общество с помощью присущих ему *демократических* механизмов породило фашистское государство. Философ Хоркхаймер так сказал о фашизме: «тоталитарный режим есть не что иное, как его предшественник, буржуазно-демократический порядок, вдруг потерявший свои украшения».

А вот что пишет об этом Маркузе: «Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм “вынул” из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития».

Социализм фашистов был логическим продуктом теории гражданского общества Локка, только скрытый в ней расизм евроцентризма переводился в видимую часть идеологии. Фашизм не отвергал антропологию гражданского общества, он вместо преодоления классового антагонизма превращал его в расовый антагонизм. Фашистское государство было принципиально *анти-традиционным*, и представляло собой плод западного общества на новой, больной стадии его развития. Восприняв концепцию сверхчеловека, фашистское государство, устами К. Шмитта, провозгласило себя не ограниченным «никакими формальными или моральными табу». Более того, многие действия фашистов были специально направлены на то, чтобы натренировать пер-

сонал государственных институтов на работу в условиях снятия нравственных табу.

Очевидно, что политические институты и бюрократия современного западного государства следовали не только диктату рациональных норм; в их тени скрывалась более мощная иррациональная сила ценностей. Рациональный институциональный подход в политологии методологически ограничен, раз он упускает из виду факторы такой интенсивности и не способен предвидеть столь катастрофические сдвиги.

Надо учесть, что уже в первые десятилетия XX века в политологии ставили вопрос о необходимости учета социокультурных, религиозных, психологических факторов, неосознанных и подсознательных мотивов в политическом поведении людей. Началось формирование *политико-культурного подхода*, который должен был дополнить формально-юридическое понимание политики; в рамках именно такого подхода проводился анализ государственно-правовых институтов. Была предложена концепция *политической культуры*, авторы которой предлагали разграничить институциональный и «ориентационный» уровни исследования политической системы. Комплекс ориентаций людей на эту систему и ее институты, включающий когнитивные, эмоциональные и ценностные «срезы», и был назван *политической культурой*. Однако этот аспект политического не поднялся до уровня исследований институциональной структуры.

Вот пример: *прогрессизм* политической философии марксизма не позволил верно оценить глубину того кризиса Запада, из которого вылез фашизм. Для этого политологический анализ должен был бы синтезировать исторический, культурологический и антропологический подходы. Л. Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

Допустим, это можно было объяснить механицизмом исторического материализма и особым взглядом на проблему *зла*

в православной культуре. Но ведь слепой оказалась и западная политическая наука в рациональной веберовской версии, хотя, казалось бы, в труде «Протестантская этика и дух капитализма» было отмечено много признаков, указывающих на риск скатиться на траекторию фашизма.

Но и в конце XX века представление политологов о рациональности и устойчивости политических институтов современного государства привело к тяжелым ошибкам и политическим философам Запада, и политиков посткоммунистических государств, которые следовали их рекомендациям. Неолиберальная волна и крах СССР привели к глубоким изменениям в культуре и идеологии и, как следствие, преобразовали политические институты Запада. Но политология этого как будто не заметила, а учебники просто игнорировали.

Дж. Грей пишет о неолиберализме: «Его сторонники либо не понимают роли культуры в поддержании политического порядка и обеспечения легитимности рыночных институтов, либо отвергают ее как нечто иррациональное. Они убеждены, что только система общих, обязательных для всех законов, якобы воплощающих общепринятые представления о правах, — это единственное, что требуется для стабильности рыночных институтов и либерального гражданского общества. Такая разновидность *либерального легализма* не учитывает или отрицает, что рыночные институты не станут стабильными — во всяком случае, в своем сочетании с демократическими институтами, — пока они будут расходиться с преобладающими понятиями о справедливости, нарушать иные важные культурные нормы или оказывать слишком разрушительное воздействие на привычные ожидания граждан.

Короче говоря, этот либерализм отрицает очевидный факт, что абсолютно свободный рынок несовместим с социальной и политической стабильностью, в то же время стабильность самих рыночных институтов в гораздо большей мере зависит от того, насколько они приемлемы в политическом и культурном отношении, чем от совокупности правовых норм, призванных определять их рамки и защищать их».

Этот неолиберальный легализм стал настолько неадекватен политическим институтам современного государства, что мно-

гие утверждения учебников политологии вошли в противоречие с элементарной логикой. Многие политические институты, которые западные консультанты и эксперты в постсоветских государствах предлагали взять за образец, за последние 30–40 лет настолько видоизменились, что практически оказались замененными совсем иными структурами. Однако они продолжают носить номинально прежние названия, что привело к дезинформации политиков и общества многих стран и углубило их кризис.

Дж. Грей пишет об этом провале в логике: «Те, кто формирует общественное мнение и делает политику на Западе, говоря о посткоммунистических государствах в переходный период, практически единодушно предполагают, что перестройка этих государств происходит по западному образцу, и их интеграция в целостный международный порядок опирается на власть и институты Запада. В основе этой почти универсальной модели лежат анахроничные и абсолютно изжившие себя допущения... Подобного рода допущения игнорируют обусловленность этих институтов особой стратегической ситуацией времен холодной войны, а также тот факт, что по мере дезинтеграции послевоенного мироустройства они все больше утрачивают для нас привлекательность... Сегодня ситуация такова, что на Западе нет ни одной достаточно стабильной системы институтов, куда на практике могли бы интегрироваться бывшие коммунистические государства. Реальной перспективой здесь, скорее всего, является прямо противоположная тенденция, ведущая к распространению экономического и военного хаоса постсоветского мира на Запад...

Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными».

Насколько эта проблема важна для российской политологии, разберем в лекции, посвященной сравнению советского и постсоветского общества с западным гражданским обществом — в их связи с политическими институтами.

Приложение

М. Вебер. Политика как призвание и профессия

(Из книги: *Вебер М. Избранные произведения.* М., 1990).

Что есть «государство»? Ведь государство нельзя социологически определить, исходя из содержания его деятельности. Почти нет таких задач, выполнение которых политический союз не брал бы в свои руки то здесь, то там; с другой стороны, нет такой задачи, о которой можно было бы сказать, что она во всякое время полностью, т. е. исключительно, присуща тем союзам, которые называют «политическими», т. е. в наши дни — государствам, или союзам, которые исторически предшествовали современному государству. Напротив, дать социологическое определение современного государства можно, в конечном счете, только исходя из специфически применяемого им, как и всяким политическим союзом, средства — физического насилия... Только если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие «государства», тогда наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией». Конечно, насилие отнюдь не является нормальным или единственным средством государства — об этом нет и речи, — но оно, пожалуй, специфическое для него средство. Именно в наше время отношение государства к насилию особенно интимно (*innerlich*). В прошлом различным союзам — начиная с рода — физическое насилие было известно как совершенно нормальное средство. В противоположность этому сегодня мы должны будем сказать: государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области — «область» включается в признак! — претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия. Ибо для нашей эпохи характерно, что право на физическое насилие приписывается всем другим союзам или отдельным лицам лишь настолько, насколько государство со своей стороны допускает это насилие: единственным источником «права» на насилие считается государство...

Повсюду развитие современного государства начинается благодаря тому, что князь осуществляет экспроприацию других самостоятельных «частных» носителей управленческой власти, т.е. тех, кто самостоятельно владеет средствами предприятия управления и военного предприятия, средствами финансового предприятия и имуществом любого рода, могущем найти политическое применение. Весь этот процесс протекает совершенно параллельно развитию капиталистического предприятия через постепенную экспроприацию самостоятельного производителя. В результате мы видим, что в современном государстве все средства политического предприятия фактически сосредоточиваются в распоряжении единственной высшей инстанции (Spitze). Ни один чиновник не является больше собственником денег, которые он тратит, или зданий, запасов, инструментов, военной техники, которыми он распоряжается. Таким образом, в современном «государстве» полностью реализовано (и это существенно для его понятия) «отделение» штаба управления — управляющих чиновников и работников управления — от вещественных средств предприятия.

* * *

Французский социолог П. Бурдьё дополняет определение государства, данное Вебером, важной составляющей — понятием о символическом насилии, т.е. навязывании обществу некоего набора ментальных конструкций, на основе которых оно формирует свое представление о мире и о самом себе.

(Из книги: *Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля*. СПб., 1999):

«Я мог бы сказать, перефразируя знаменитую формулу Макса Вебера (“...Государство есть человеческое сообщество, которое внутри определенной области — “область” включается в признак! — претендует (и с успехом) на монополию легитимного физического насилия”), что государство есть X (подставить нужное), который с успехом претендует на монополию легитимного использования физического и символического насилия на определенной территории и над населяющим эту территорию

народом. Если государство в состоянии осуществлять символическое насилие, то оно воплощается одновременно объективно в виде специфических структур и механизмов и “субъективно” или, если хотите, в головах людей, в виде мыслительных структур, категорий восприятия и мышления. Реализуясь в социальных структурах и в адаптированных к ним ментальных структурах, учрежденный институт заставляет забыть, что он является результатом долгого ряда действий по институционализации и представляется со всеми его внешними признаками естественности...

Построение государства сопровождается созданием своего рода общего исторического трансцендентального, имманентного всем “подданным”. Через условия, которые государство навязывает практикам, оно учреждает и внедряет в головы общепринятые формы и категории восприятия и мышления: социальные рамки восприятия, понимания или запоминания, мыслительные структуры, государственные формы классификации».

ЛЕКЦИЯ 4

Государственная политика и государственное управление

Государство при отпращивании своей власти должно для достижения политических целей осуществлять сложную деятельность — государственное управление.

В общем под управлением понимают упорядочение взаимодействия определенного множества элементов или составных частей природы, общества, самого человека. Наиболее общие взаимосвязи и взаимодействия в механических, биологических, социальных и других системах изучает кибернетика. Здесь разработаны математические и информационные теории управления и теории систем.

Эти области науки способствовали созданию целого ряда технологий, во многом изменивших мир в XX веке. Знание, накопленное в изучении процессов управления в природных и технических системах, было перенесено и адаптировано для управления обществом, дополнив огромный массив традиционного «знания власти», проверенного и систематизированного за 5 тыс. лет существования института государства.

Приведем, слегка сократив, краткие определения, данные в учебнике Г.В. Атаманчука «Теория государственного управления». Он называет три составляющих управления:

Наиболее отвечающим сущности управления является его определение как **«воздействие»**; главное в управлении — момент **влияния** на сознание, поведение и деятельность людей...

Импульсом и формирующей силой в управлении служат **знания, мысль и воля человека**. Управляющее воздействие, прежде чем осуществиться, возникает в сознании человека и должно содержать в себе момент **целеполагания**. Любое управляющее

воздействие должно содержать в себе **цель и направление движения к ней**, к тому же оно должно быть **практичным**, т. е. вызывать реальное движение к цели.

«**Организовывать**» означает располагать людей в пространственной и функциональной координатах, соединять их со средствами деятельности, обеспечивать их взаимодействие, расширять их возможности путем согласования и концентрации усилий.

В управлении осуществляется **прямое и практическое регулирование**, при котором та или иная социальная норма не только провозглашается, признается, утверждается, но и претворяется в жизнь.

Таким образом, управление представляет собой целеполагающее (сознательное и преднамеренное), организующее и регулирующее воздействие людей на собственную и общественную жизнедеятельность, осуществляемое как непосредственно (в формах самоуправления), так и через специально созданные структуры (государство, общественные объединения, партии, фирмы, кооперативы, предприятия, ассоциации, союзы и т. д.).

Обобщая сказанное, государственное управление можно определить следующим образом: это практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочения, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу.

Многие авторы разделяют управление на типы: государственное (субъект управляющих воздействий — государство), общественное (субъект — общество и его структуры), хозяйственное (субъект управляющих воздействий — предприниматель, собственник). В качестве особой подсистемы управления рассматривают также местное самоуправление (муниципальное управление).

Среди всех видов управления государственное управление занимает особое место, что объясняется тремя только ему присущими свойствами:

- властная сила государства;
- распространенность управления на все общество, даже за его пределы, на другие общества людей в силу проводимой государством международной политики;

— государство, будучи сложным (по структуре) и многогранным (по функциям), придает государственному управлению также свойство системности.

В государственном управлении выделяют *управляющий субъект*, *управляемый субъект*, в некоторых случаях — *контрольный (надзорный) субъект*. Управляющий и контрольный субъекты относятся к государственному аппарату (бюрократии); управляемый субъект может как относиться к бюрократии, так и не относиться. Формализация государственного управления осуществляется при помощи права (в основном — административного, государственного и уголовного), что позволяет строить алгоритмы управления по схеме правовой нормы, включая санкции.

Государственная политика — это сфера деятельности на стыке политической и государственно-управленческой, в рамках которой происходит выработка и согласование с основными политическими субъектами системы целей государственного управления в рамках всего государства или отдельных сфер государственно-управленческой деятельности, а также доведение этой системы целей до субъектов, осуществляющих государственное управление.

Государственная политика осуществляет функцию *целеполагания* для государственного управления. Этот вид деятельности находится на стыке политики и государственного управления. Цель является идеальным представлением о желаемом результате. В случае выработки политической или государственно-управленческой цели она должна быть согласована всеми субъектами деятельности. В этом процессе происходит конкретизация цели по ряду параметров, которые позволяют более точно представить желаемый результат.

Рассматривая цели государственной политики, надо учесть, что постановка цели мотивируется совокупностью *интересов* и *ценностей* (идеалов).

Ценности влияют как на целеполагание (терминальные ценности), так и на способы достижения целей (инструментальные ценности). М. Вебер писал о ценностях («идеях»): «Интересы (материальные и идеальные), а не идеи непосредственно определяют действия человека. Однако картины мира, которые созда-

ются “идеями”, очень часто, словно стрелки, определяют пути, по которым динамика интересов движет действия дальше».

Временами в политике западных государств берет верх прагматический рационализм, и разработка политических решений представляется результатом научного количественного анализа. Конрад Лоренц писал об этом: «Ценности не могут быть выражены в количественных терминах естественных наук. Одна из наихудших aberrаций современного человечества заключается во всеобщей уверенности, будто то, что нельзя измерить количественно и не может быть выражено на языке “точных” естественных наук, *не существует в реальности*; так отрицается характер реальной сущности того, что включает в себя ценности, и это отрицает общество, которое, как прекрасно сказал Хорст Штерн, *знает цену всего и не знает ценности ничего*».

Такая «замена ценностей ценой» и придание экономической эффективности статуса высшего критерия, наблюдалась во время неолиберальной волны. В этом состоял откат от норм рациональности, от установки Просвещения на беспристрастное интеллектуальное освоение реальности как необходимого этапа, лишь предваряющего этическую оценку. Этот откат — признак общего культурного кризиса неолиберального общества. Как писал видный американский философ К. Лэш, «вырождение аналитической установки в массивованное наступление на любые идеалы привело нашу культуру в плачевное состояние»¹.

В политике ценности (как и цели) далеко не всегда формулируются явно, что заставляет нас вводить вспомогательную категорию — *реальные и мнимые цели и ценности*. Распознавание реальных целей иногда является трудной задачей, которую приходится решать как в государственной политике (особенно при «разделении властей»), так и в управлении.

В государственной политике в целях анализа различают процессы *формирования* политики и ее *реализацию*. На деле они переплетены, так как в ходе реализации возникают новые огра-

¹ Надо сказать, что в 1990-е гг. и некоторые российские идеологи реформы впали в этот соблазн. Н.П. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно».

ничения и устраняются некоторые старые. Следовательно, корректируются цели, даже если в главном они не изменились.

В процессе формирования политики идет выявление потребностей, согласование интересов и ценностей различных групп. «Площадками» для этих процессов являются — в зависимости от политической системы — представительные законодательные органы, выборы и предвыборные кампании, общественные обсуждения и дискуссии, политические конфликты (забастовки, митинги, демонстрации), а также акты политического насилия. Результатом является принятие политических решений, определяющих вектор развития в той или иной сфере. В современной российской практике формой закрепления таких решений являются и законы, и документы типа «доктрины», «концепции», «стратегии», «программы» и пр. Принятие политического решения далеко не всегда завершается его закреплением в форме документа, об их наличии можно судить уже по ходу реализации.

Реализация государственной политики происходит в сфере государственного управления. Для этого принимаются решения в органах государственного управления на соответствующих уровнях иерархии. Эти решения принимают уже бюрократы, ритуально обосновывая их политическими решениями высшей власти. Любое государство стремится регламентировать статус бюрократии и ее полномочия и ответственность — причем, всегда с переменным успехом, но чаще — отступая перед бюрократией. Попытки предотвратить превращение бюрократии в самостоятельного политического субъекта с собственными политическими притязаниями осложняются тем, что грань между политическим и административным условна.

Разделение политики и управления — это абстракция, допустимая лишь при анализе. Оба эти типа деятельности глубоко проникают друг в друга². Все крупные политики — Петр I, Ленин и Сталин, Наполеон и Бисмарк, Черчилль и Рузвельт — были

² М. Вебер, описывая чистые (идеальные) типы, так различал чиновника и политика: «Задача первого состоит исключительно в беспрекословном профессиональном выполнении принятых политиком решений, при этом он не несет ответственности за направление и содержание политического решения. Такую ответственность несут политики, которые берут на себя функцию разработки программных установок и основных направлений их реализации». На практике такое разделение нереализуемо.

одновременно и организаторами, жестко управляющими созданными ими политическими системами. В свою очередь, выдающиеся практики управления были не просто экспертами политиков, но и авторами концепций, превращаемых в политические доктрины. В результате бюрократия не только не теряет позиций, а по некоторым направлениям еще глубже проникает в политическую сферу, укореняясь в ней, в том числе за счет расширения собственной социальной базы и ее самоорганизации и самоосознания.

Разделить политику и управление невозможно еще и потому, что очень большая часть политических решений, поступающих для реализации в систему управления, выражены очень невнятно, в форме декларации, пожелания или даже грез наяву. Чиновники вынуждены как-то интерпретировать смутные цели политиков и придать им такой смысл, чтобы вред для страны и населения был поменьше. В 1990-е годы именно бюрократы госаппарата тормозили разрушительный радикализм политиков, «спуская на тормозах» их решения. Например, провал 90-х годов был бы гораздо глубже, если бы аппарат «беспрекословно» выполнил президентские указы Ельцина о передаче всей социальной инфраструктуры промышленных предприятий муниципальным властям.

Планируя действия по реализации политических решений, работники системы управления проводят структурно-функциональный анализ, даже если об этом и не подозревают. Эту же операцию должны выполнять политологи, которые реконструируют политические и управленческие решения.

Данная операция гораздо сложнее, чем она кажется в свете обыденного опыта. Рассмотрим в качестве учебного предмета сравнительно простой случай — поставленную Президентом РФ цель улучшить межнациональные отношения в России. В частности, было высказано пожелание усовершенствовать школьные учебники истории, чтобы они соединяли, а не разделяли школьников образом прошлого. Эта цель, поставленная в очень общих выражениях, на уровне управления быстро преобразовалась в задачи. Некоторые из них уже получили форму федеральной целевой программы, утвержденной Правительством России.

Что касается учебника истории, то с подачи президента речь идет о создании «единого учебника истории». Эта работа была

поручена министерствам культуры и образования. Координировать усилия будет Российское историческое общество.

Попытаемся провести простейший структурно-функциональный анализ этой проблемы.

Этот учебник для нас — *структура*, которую надо спроектировать, изготовить опытные образцы, испытать их в пилотном проекте, а затем лучшие из них запустить в серийное производство, произвести испытания на массовых выборках, обсудить результаты, довести лучшие варианты до требуемых кондиций и обеспечить ими все школы страны. Структурный анализ показывает, **что** надо создать на каждом этапе и в результате всей программы.

Зачем это надо? На данный вопрос отвечает *функциональный* анализ. Какова целевая функция всего этого предприятия? Ведь структура проектируется целенаправленно — так, чтобы в идеале привести целевую функцию к оптимуму (а в реальности — в зону хорошего или хотя бы приемлемого соответствия цели).

Оба вопроса — «**что?**» и «**зачем?**» — сложны, хотя обычно «что?» вторично и предопределяется ответом на вопрос «зачем?».

Разные группы в обществе и государстве ответят на эти вопросы по-разному, ибо у них разные интересы, ценности и цели. Группы, занимающие крайние позиции в этом спектре, дадут ответы несовместимые. Структурно-функциональный анализ необходим прежде всего, чтобы выяснить интересы, ценности и цели разных групп, придать их различиям и конфликтам рациональную форму, которая позволит вести переговоры в поисках компромисса и с целью маргинализировать непримиримых.

Начнем с функции. Зачем нужен «единый учебник истории»? Говорят: чтобы все школьники России, получив посредством такого учебника одинаковое представление о прошлом, были объединены в общность, связанную коллективной исторической памятью. Когда несколько поколений школьников будут связаны общим образом прошлого, сложится новая гражданская нация России. Конечно, одним учебником нацию не собрать, но он этой сборке, если ей всерьез займутся, очень поможет.

Определена ли этим ответом функция учебника настолько, чтобы можно было проектировать структуру? Нет, и даже в ма-

лой степени не определена. Чтобы говорить о структуре, надо договориться о том, какую нацию задумано собирать. Ведь нация — сложная система, собранная на сложной матрице. Эта матрица самопроизвольно не возникнет, ее надо конструировать, а затем создавать в процессе трудного «каждодневного плебисцита», который требует от всех групп общества выразить и обосновать свои представления о благой жизни. Когда критическая масса населения придет к соглашению, а власть получит от нее мандат на подавление (кнутом и пряником) несогласных, этот общественный договор будет зафиксирован в разных формах, включая Конституцию.

Учебник как структура должен соответствовать той матрице, на которой будет собираться нация. Поскольку этот процесс поэтапный, то и учебник будет меняться соответственно этапам общественного договора.

Пока что о модели сборки нации не было и речи, не говоря уже о дискуссиях. На какую же нацию должны ориентироваться проектировщики структуры? Ведь одно дело — нация США, другое — Франции, иные модели у Великобритании и Германии, не говоря уже о Китае, Индии или Бразилии. Об опыте Российской империи или СССР никто и не заикается. Какой же смысл было устраивать совещание по структуре учебника, скажем, в Татарстане, если не разобрались с его функцией? Зачем было вывешивать на сайте Минобрнауки какие-то импровизации плана учебника, который может только подлить масла в огонь противоречий? Эти преждевременные акции — ошибка управления программой.

Посмотрим чуть глубже. Ясно, что в большой программе сборки российской нации учебник с его функцией — лишь одна структура из большой системы других необходимых структур. Все они должны быть увязаны так, чтобы возникло их кооперативное взаимодействие. Понятно, что в данный момент власть еще не может изложить свои стратегические представления о будущем жизнеустройстве общества и нации. Но хоть в какие-то рамки образ будущего надо ввести.

Межэтнические отношения, которые должен гармонизировать учебник истории, неразрывно связаны с отношениями социальными, поэтому и структура учебника должна быть согла-

сована с той социальной системой, в которой будет организовано бытие нации. Ведь нельзя же удалить из учебника истории этот срез. Каковы были чаяния народов России, как они двигались к желанному типу человеческого общежития, что считали добром и злом? Как писать учебник истории, не имея ориентиров в будущем? Чтобы проектировать структуру элемента системы в начальной стадии ее становления, нужен хоть грубый набросок ее главных качеств, хоть приблизительный вектор ее движения. Пусть бы рабочая группа, организующая проектирование учебника, огласила хотя бы свои предварительные представления; это необходимое условие координации исполнителей.

Мы видим, как непросто сформулировать функцию, выполнить которую предназначено учебнику, но в действительности проектирование структуры — задача гораздо сложнее. Очень часто считают, что если цель поставлена, то выбор средств происходит автоматически; структура — это всего лишь отражение той функции, которую она должна выполнить. Это ошибочное представление. Адекватное соответствие структуры и поставленной перед ней задачей надо еще «открыть», оно не лежит на поверхности. Мы видели много решений (создания структур), которые приводили к столь плачевным результатам, что многие подозревали власть в злонамеренности. Нередко созданные структуры оказывались настолько дисфункциональными, что порождали эффект, прямо противоположный ожидаемому. Достаточно вспомнить приватизацию промышленности, которая создала частную собственность такого типа, что привела к деиндустриализации и спаду производства вдвое. А ведь от этой структуры ожидали расцвета экономики «как на Западе».

Ясно, что структура должна быть адекватна функции, но для этого она должна быть адекватна и той внешней среде, в которой будет действовать. На Западе частная промышленность хорошо работает, а имплантация этой структуры в России привела к катастрофе. Не учли множества факторов внешней среды.

В нашем случае поставили цель: улучшить национальные отношения в России, образовать гражданскую нацию, соединив все народы, — и для этого создать единый учебник истории. Почему? Никто даже гипотезы никакой не высказал, почему такой учебник улучшит отношения, а не ухудшит. Это как будто само

собой разумеется: если на Западе есть такие учебники, в СССР был такой учебник, значит и в Российской Федерации он сослужит такую же службу. Но это совершенно нелогично. Внешняя среда, в которой будет действовать такой учебник — политическая, социальная и культурная, — не обладает подобием со средой ни Запада, ни СССР. Без предварительного аналитического исследования мы ничего не можем сказать о том, как поведет себя структура, которую власть поручила создать.

А почему же сначала не провести такое исследование? Потому что элементарные вопросы, которые предусмотрены процедурой структурно-функционального анализа, даже не были поставлены. Управление программой о них не подумало.

Эту ситуацию можно назвать типичной.

Невыполнение требований структурно-функционального анализа сильно снижает качество выполнения одной из важнейших функций государственной политики — целеполагания. Например, много лет правительство ставило целью «обеспечение граждан доступным жильем». Был даже предпринят приоритетный национальный проект. В результате увеличили масштабы ипотечных кредитов и цены на жилье, в чем далеко обогнали Западную Европу. Между тем для большинства населения России главной проблемой стало не **приобретение** жилья, а его **содержание** (можно даже сказать — **удержание**). Население с большим трудом справляется с оплатой жилищно-коммунальных услуг, но это мелочь по сравнению с деградацией *основных фондов ЖКХ* — зданий и инфраструктуры. Это *неумолимый* фактор, для восстановления ЖКХ нужны большие ресурсы и чрезвычайные усилия. Никакой доктрины такой восстановительной программы не выработано, явочным порядком стали перекладывать эти расходы на плечи населения — хотя власти известно, что оно не имеет для этого средств. И число таких проблем, которые власть замалчивает, быстро растет. Но спрятаться от них все равно нельзя.

Реформа пенсионного обеспечения или ЖКХ — это проблемы уровня **исторического выбора**. Все они меняют сам тип устройства народа. Они должны обсуждаться как *политические* проблемы. А в Госдуме постоянно раздаются призывы «уйти от политики». В дебатах Госдумы все законопроекты представлены

как очевидно полезные, так что речь может идти только о «поправках». Экспертам, которые в *принципе* отвергают предлагаемое правительством решение как ошибочное, в Госдуме трибуны не дают.

В этой обстановке разные ветви власти испытывают равнодушие к решениям, которые они принимают. Чиновники и политики сами не знают, зачем было принято то или иное решение, и легко от него отказываются.

Вот редкостный пример. 13 ноября 2009 года Госдума приняла в третьем, окончательном чтении законопроект об удвоении базовой ставки налога на транспортные средства. Законопроект был разработан Минфином и опубликован 25 августа. В сентябре он был одобрен решением правительства. Сразу пошла критика из регионов. Несмотря на это, большинство в Госдуме приняло законопроект в трех чтениях. А 17 ноября руководитель Администрации Президента РФ Сергей Нарышкин сообщил, что депутатам рекомендовано не повышать ставку этого налога.

Оказывается, по поручению Президента «кремлевская администрация собралась на совещание, пригласив представителей федеральных органов исполнительной власти, лидеров фракции “Единая Россия” и членов Совета Федерации» и «признали нецелесообразным повышать ставку транспортного налога».

«Российская газета» пишет: «И вчера же думские “единороссы” выразили надежду, что закон о повышении базовой ставки транспортного налога, принятый Госдумой, будет отклонен Советом Федерации. Такое в современной парламентской практике случается, пожалуй, впервые — чтобы депутаты, которые потратили много слов, убеждая коллег в необходимости и срочности принятия документа, и дружно проголосовали за него, вдруг сами захотели, чтобы плод их законотворческого труда был забракован. Объяснить это можно только злым колдовством — третье чтение законопроекта выпало на пятницу, 13-е число».

Эпизод показывает рассогласованность системы — Правительства, Госдумы, Администрации Президента. Выявилась неспособность их служб подготовить приемлемое решение и оценить возможности его реализации — «нечувствительность» к сигналам «снизу» или даже отсутствие таких сигналов от органов практического управления. Ведь законопроект проходил

по инстанциям почти три месяца. Следовало бы Госдуме на пленарном заседании обсудить принципиальные, методологические причины такого конфуза.

Разрыв в коммуникации между политикой и управлением привел к разрыву целостности решения, в котором должны быть совмещены две категории — *цели* и *ограничения*. Здесь произошел тяжелый методологический провал — из рассмотрения была почти полностью устранена категория ограничений. Их — в ответ на поставленную политиками цель — должна предъявить система управления.

В процессе целеполагания выделяется какая-то конкретная цель. Поскольку разные цели конкурируют, мы стремимся не беспредельно увеличить или уменьшить какой-то показатель, а достичь его *оптимальной* (или близкой к ней) величины.

Но, определяя цель, всегда надо иметь в виду то «пространство допустимого», в рамках которого можно изменять переменные ради достижения конкретной цели. Это пространство задано ограничениями — запретами высшего порядка, которые нельзя нарушать. Иными словами, разумная постановка задачи звучит так: увеличивать (или уменьшать) такой-то показатель в сторону оптимума *при выполнении таких-то ограничений*.

Без последнего условия задача не имеет смысла. Ограничения-запреты есть категория *более фундаментальная*, нежели категория цели. Анализ «пределов» (непреодолимых в данный момент ограничений) и размышление над ними — одна из важных сторон *критического* рационального мышления. Она связана с самой идеей прогресса, развития. Ведь развитие — это и есть нахождение способов преодоления ограничений посредством создания новых «средств», новых систем и даже новой среды.

Уход, начиная с момента перестройки, от размышлений об ограничениях, в рамках которых развивалась экономика, привел к тому, что попытка преодолеть эти реальные, но неосмысленные ограничения в годы реформы обернулась крахом.

ЛЕКЦИЯ 5

Типы общества

В политологии, как и вообще в познавательной деятельности, необходима *классификация* объектов. Она вносит порядок в хаос явлений, дает основание для сравнительного анализа. В обществоведении есть проблема классификации и типологии самих обществ. Они имеют много сходных черт и в то же время содержат важные различия и во многом объясняют различия в типах государств и их политики.

Эта проблема актуальна для России — по тем же причинам, по которым важно определиться со своей цивилизационной идентичностью. Например, мы уже двадцать пять лет слышим упреки в том, что у нас не сложилось гражданское общество. — Что это такое? Почему наше общество должно быть гражданским и какое оно сейчас, если не гражданское? Каковы критерии и признаки отнесения к тому или иному типу общества? Какая польза в причислении себя к тому или иному типу?

Образ российского и советского общества критиковался; ему был противопоставлен, как идеал, обобщенный образ какого-то другого общества — *правильного*, к которому наше общество должно было «перейти». Условно это называлось «Западом». Л. Баткин, важная фигура в перестройке, верно подчеркивал, что «Запад» — это «всеобщее определение истинно современного, очищенного от архаики общества». Речь шла именно о *типе*. От нашего общества требовали не улучшений той или иной стороны жизнеустройства, а *перескока* от одного типа к другому.

Таким образом, политическая философия российских реформ исходила из представления о двух принципиально разных типах обществ. Если бы из мозаики признаков сразу составили два образа, это устранило бы много недоразумений и позволи-

ло бы в какой-то степени смягчить конфликт, создав рациональные основания для диалога. Но так не получилось, и сторонники реформ сдвинулись к «борьбе за капитализм», хотя даже среди них мало кто его желал. Утопической была и концепция «анти-советских коммунистов», которые желали смены типа общества, но с перескоком в «правильный социализм».

Сейчас будет полезным упорядочить типологию. В Новое время законодателем в классификации культур, цивилизаций и обществ стал Запад. В России, с оговорками, но приняли западные понятия и методологию, критикуя их и дополняя. Мы долго пользовались формационным подходом, в основном в понятиях марксизма. Однако определять тип общества по признаку социально-экономической формации было недостаточно — Россия, Китай и Англия различны независимо от формации. Другие основания для классификации вырабатывались соответственно политическим задачам. Так, на Западе возникло различие двух образов жизни — *цивилизованного* и *дикого*. В ареале западной культуры человек живет в цивилизованном (гражданском) обществе, а вне этих пределов — в состоянии «природы». В идеологии войн эта типология до сих пор в ходу.

XX век стал временем интенсивных этнографических исследований. Они привели к идее самого грубого и резкого разделения обществ на два типа — *современное* и *традиционное*. Смысл его таков: современное общество (модерн) возникло в Западной Европе на обломках традиционного общества Средневековья. Те культуры, в которых такой ломки не произошло, продолжали развиваться в условиях традиционного общества.

Возникновение модерна было культурной мутацией колоссального масштаба как результата череды революций, слившихся в «Великую трансформацию». К. Поланьи отмечал, что речь шла о «*всенародной стройке*»; главные идеи нового порядка были приняты *народом*. Он писал: «Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые “просвещенные” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддается никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные кон-

тримеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма».

Таким образом, современное (гражданское, либеральное) общество — общество, присущее западной цивилизации. Традиционное общество — общество *незападное*, вариантов его очень много. В ходе *модернизации*, т. е. освоения и переноса институтов модерна, традиционные общества приобретают некоторые черты современного общества, но «привитые» на ствол своей культуры. Многие культуры, не успевшие модернизироваться или временно «закрыться», чтобы устоять против экспансии Запада, погибли.

Понятия «современное» и «традиционное» при научном подходе не содержат оценки, она возникает лишь в дискурсе идеологии. Учебники политологии тоже часто слишком идеологизированы. Так, в учебнике «Политология» (М.: МГИМО, 2009; рук. авторского коллектива А.Ю. Мельвиль) о традиционном обществе сказано: «Характеристиками традиционного общества с подачи Спенсера, Дюркгейма и Фердинанда Тенниса принято считать его основанность на механизмах простого воспроизводства, слабую заинтересованность в обмене результатами экономической активности с другими хозяйственными единицами по типу горизонтальных связей, преимущественную ориентированность на замкнутую жизнедеятельность и на самообеспечение».

Это поразительно туманное определение прилагается к обществам и культурам, в которых проживает 80% человечества. Но главное, это определение *ошибочно*, оно — продукт того евроцентризма, который в конце XIX века был мета-идеологией Запада, реализующего проект *империалистической глобализации*. Влияния этого евроцентризма не избежали ни Спенсер и Дюркгейм с Теннисом, ни сам Маркс, который описывал общество Индии, исходя из докладов Ост-Индской компании. Все эти авторы не обладали достаточным знанием о традиционных обществах, и привлекать их как авторитетных ученых по этому вопросу нельзя.

Широкое исследование традиционных обществ началось в 1930–1940-е годы, когда прошла мировая волна революций («не по Марксу») именно в этих обществах — в крестьянских странах от России и Китая до Мексики. А за ними стала подниматься вол-

на антиколониальных национальных движений. В «Структурной антропологии» К. Леви-Стросс так определил суть контактов Запада с традиционными обществами: «Запад построил себя из материала колоний». Именно в результате этих контактов в части традиционных обществ и возникли формы жизнеустройства, которые в цитированном учебнике политологии представлены как главные характеристики традиционного общества — как единственная форма выживания при длительном изъятии ресурсов производства и развития¹.

Самый дотошный историк XX века Ф. Бродель, изучавший потоки ресурсов на Западе, писал: «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда». По данным Броделя, в середине XVIII века Англия только из Индии извлекала ежегодно доход в 2 млн ф.ст., в то время как все инвестиции в Англии оценивались в 6 млн ф.ст. Таким образом, если учесть доход от всех обширных колоний Англии, то выйдет что за их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д. Очевидно, чтобы организовать такие изъятия из большинства обществ всего мира, требовались особые — государство, политическая система, идеология.

Как можно это не учитывать в политологии!

Уже в XIX веке земельная собственность в Африке, Полинезии и Австралии была присвоена западными колониальными державами практически полностью, а в Азии — на 57%. Колонизаторы захватывали земли аборигенов, опираясь на принцип римского права *res nullius* (принцип «пустой вещи»). Он гласил, что невозделанная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность государства, которое передает ее тому, кто готов ее использовать. Без земельной собственности национальный производственный капитализм возникнуть не мог. К началу XX века всякая возможность индустриализации и модернизации на путях

¹ Примечательно, что в учебнике даже не упомянуты главные политологические выводы Леви-Стросса, одинаково важные для понимания и западного, и традиционных обществ.

капитализма для тех стран, которые не попали в состав метрополии, была утрачена. Их уделом стала *слаборазвитость*.

Именно государство гражданского общества поручило великому философу Джону Локку создать стройную *теорию собственности*, дающую «естественное» право лишать индейцев их собственной земли. Локк взял за основу трудовую теорию собственности, разработанную У.Петти, который получил подряд на обмер и оценку земель в Ирландии для их экспроприации и наделения участками солдат армии Кромвеля. Локк дополнил теорию Петти таким новшеством: труд, вложенный в землю, определяется ценой участка на рынке. Земля у индейцев не продается, а дается бесплатно, дарится или обменивается на ценности, «в тысячу раз меньшие, чем в Англии». Это означает, что индейцы в нее не вкладывали труда и не *улучшали* ее. Выходит, англичане хозяйничают лучше, ибо они *улучшают* землю. Так возникло новое право собственности: земля принадлежит *не тому, кто ее обрабатывает, а тому, кто увеличивает ее рыночную стоимость*.

Более того, развитие «туземного» капитализма пресекалось Западом уже на первой стадии колониальных захватов². Запад стремился вывезти из колоний тот «материал», из которого мог быть построен местный капитализм (из Африки, например, были вывезены десятки миллионов самых трудоспособных людей для рабовладельческой экономики «гражданского общества» Америки).

Часто в учебниках политологии государство гражданского общества представлено как «примордиально» демократическое, а государство традиционного общества — авторитарное или тоталитарное. Эта картина сильно приукрашена. Демократичность западного государства базируется на перераспределении части доходов, вывезенных из колоний. Английский экономист Дж.А. обсон писал: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными». Знаменитый организатор

² Историческим примером может служить египетский поход Наполеона, в котором были разгромлены структуры рыночной экономики Египта и Ближнего Востока, а также произошло расчленение рынка, сложившегося в масштабах всего полуострова Индостан.

колониальных захватов Сесиль Родс утверждал, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью захвата колоний: «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»³. Разве это несущественно для политолога?

Иногда ошибочно считают, что в промышленно развитых странах везде сложилось современное общество. Это не так. Япония — развитая промышленная страна — сохранила главные черты традиционного общества, сумев «закрыться» от Запада; а плантации в Зимбабве были очагами уклада современного общества. Степень индустриализации не служит критерием для отнесения общества к тому или иному типу.

Утверждение, будто метрополии выполняли модернизаторскую миссию в колониях, — идеологический миф. Они создавали анклав капиталистического хозяйства (плантации, рудники) за счет архаизации труда и быта большинства населения колоний. В условиях неокOLONИализма этот процесс продолжился. В важной книге «Теория формаций» (М., 1997) В.В. Крылов пишет о модернизации хозяйства на периферии: «В перспективе капиталистический путь развития должен привести развивающиеся страны не к такому состоянию, когда капиталистические порядки, вытеснив прочие уклады, покроют собою все общество в целом, как это случилось в прошлом в нынешних центрах капитала, но к такому, когда могучий по доле в национальной экономике, но незначительный по охвату населения капиталистический уклад окажется окруженным морем пауперизма, незанятости, бедности. Такого взаимодействия капиталистического уклада с докапиталистическими и таких его результатов европейская история

³ Энгельс писал Марксу 7 октября 1858 г.: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно». И это представление Энгельса вполне устойчиво. 12 сентября 1882 г. он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке». Как же эти «буржуазные нации» могут нести демократию в традиционные общества?

в прошлом не знала. Это специфический продукт капиталоемкого, позднего, перезрелого капитализма».

Таким образом, вопреки установкам политологии евроцентризма, традиционное общество не является *косным*, застойным. В особых условиях (прежде всего — достаточной независимости от Запада) оно выполняет проекты быстрого и мощного развития с высоким уровнем инновационной активности (это видно на примере России, Японии, сегодня — Китая).

И гражданское общество может быть духовно больным и выхолощенным, и традиционное, даже тоталитарное, может быть одухотворенным и возвышающим человека. Сам по себе тип общества не предопределяет, будет ли оно в тот или иной исторический момент жестоким или терпимым, деспотическим или свободным. Не станем забывать, что именно гражданское общество развязывало беспрецедентные по жестокости войны, проводило геноцид на огромных территориях, колонизовало и эксплуатировало большую часть мира, в том числе изымая из нее большую массу населения как рабов для вполне современной (для XIX века) капиталистической экономики. Политические институты государств, адекватных этому типу общества, со временем изменялись, но их основания воспроизводятся. Тут не надо питать иллюзий.

Вебер, обсуждая доктрину кадетов в первой русской революции (1906 г.), предупреждал: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, ... избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)».

Заметьте: эти иллюзии *«были бы в высшей степени смешными!»*

Россия сложилась как локальная *цивилизация* на основе христианства, находилась с Европой в интенсивных отношениях и раньше других предприняла программу глубокой модернизации. Тем не менее и она, будучи до середины XX века преимущественно крестьянской страной, относилась к категории традиционных обществ. Сейчас, после быстрого послевоенного развития, многие отрицают характер нашего общества как традиционного. Но по главным признакам — гораздо более инерционным, неже-

ли индустриальное хозяйство и городской быт, — и советское, и постсоветское общество России правильнее относить к категории традиционных, а в ходе нынешнего кризиса даже идет откат к *архаическим* институтам традиционного общества.

Рассмотрим, каковы же основания для такого вывода.

Поскольку понятия «современное» и «традиционное» обозначают такое сложное явление, как *общество*, невозможно дать им короткое определение, оно раскрывается через содержательные примеры. Все признаки, отличающие два типа обществ, мы рассмотреть не сможем. Дадим два образа крупными мазками, выявив главное ядро признаков. Их сравнительное описание — большая область философии и социологии.

М. Вебер объяснял смысл их различий через становление современного капитализма, главным противником которого и был традиционализм. К. Поппер назвал общества обоих типов «открытое общество» и «закрытое», сделал меткие замечания. Он писал: «Закрытое общество в его лучших образцах можно сравнить с организмом». И объяснял, почему гражданское общество не имеет черт организма: «...поскольку ничто в организме не соответствует одной из важнейших характеристик открытого общества — конкуренции за статус его членов».

Обширный материал накопили западные антропологи, изучавшие оставшиеся на Земле «примитивные общества». Любое их наблюдение представляло собой контакт современного и традиционного обществ и включало в себя их сравнение. Нам мало знакомы «обратные» наблюдения, сделанные индейцами или папуасами в отношении западного общества. Редко попадают в доступную литературу даже труды японских и китайских ученых. А то, что появляется, мы почти не читаем. Кто, например, знаком с «Тремя народными принципами» Сунь Ят-сена? А ведь этот его труд, заложивший основы для спасения и развития Китая, содержит важнейшие для нас мысли, почти откровения.

В послевоенные годы сравнительный анализ обществ стал большой программой. В ней приняли участие виднейшие антропологи (К. Леви-Стросс, К. Лоренц, М. Салинс). Они кропотливо снимали шоры евроцентризма. В 1960–1970-е годы появилось много философских работ, в которых для лучшего понимания сути Запада проводилось сравнение с обществом традиционным.

Создавались два портрета в стиле импрессионизма, и они становились все отчетливее.

Обширный материал дало совместное с американцами изучение японского стиля управления. В США надеялись перенять японский опыт, но приемы, эффективные в Японии, на американских служащих часто оказывали совершенно противоположное действие. В этих исследованиях реализовался антропологический подход, давший ценное знание как о современном, так и традиционном обществе.

С необычной стороны освещает нашу проблему исследование рабского труда в США, удостоенное Нобелевской премии⁴. Экономика, основанная на труде рабов-африканцев, стала большим экспериментом по взаимодействию традиционного (даже «примитивного») и современного капиталистического обществ. Этот труд вскрыл много неожиданного и даже вызвал в США скандал. Дело в том, что негры-рабы в США сами создавали сложно организованное предприятие плантации, а рабовладельцы благоразумно не вмешивались в организацию труда и быта рабов. Организовавшись по-своему, африканцы были поразительно эффективнее белых фермеров. Во время уборки хлопка в дополнение к рабам нанимали белых сезонных рабочих. Так вот у них выработка была в среднем вдвое ниже, чем у рабов (и, что покажется странным, у белых наемных рабочих и зарплата была *вдвое меньше*, чем у рабов). Белые протестанты с их индивидуализмом неспособны были освоить сложную организацию коллективного труда, которая имела место у негров. В целом же по хозяйству душевая выработка негра-раба была на 40% выше, чем у фермера. Изредка плантаторы отпускали рабов «на оброк» работать в промышленности, и на заводах труд их артелей был эффективнее труда белых рабочих. Однако это не значит, что в нашей реформе надо двигаться к рабовладельческому строю (хотя такие признаки есть).

О хозяйстве русского общинного крестьянства в сравнении с фермерским укладом, который пытался внедрить Столыпин, надо говорить особо — это заслуживает целого курса.

⁴ Это новаторская работа в области клиометрии — с математической обработкой больших массивов информации самого разного рода.

Помимо науки, над проблемой трудилось *искусство*: оно создало другой, очень обширный запас знания, «записанного» в художественных образах — как, например, в «Войне и мир» Льва Толстого или повестях Лескова, а в японской литературе — в повестях Акутагавы. Когда после освоения основных понятий о традиционном обществе перечитываешь Пушкина, Толстого или Шолохова, Россия открывается совсем с иной стороны, начинаешь видеть новые грани и краски, которых раньше и не замечал.

В целом, два массива знания — *научное* и *художественное* — гармонически дополняют друг друга. Это аргумент, подтверждающий верность научной концепции традиционного общества.

Разумеется, понятия «современное» и «традиционное» общество есть *абстракции*. Эти модели в чистом виде не встречаются. Любое самое примитивное общество в какой-то мере модернизировано, а любое общество Запада несет в себе какие-то традиционалистские или архаические черты — и даже воспроизводит традиционализм в новых формах. Например, гражданская война в США обладала чертами цивилизационной войны «современного Севера» с «традиционалистским Югом». Городское общество Южной Америки, состоящее из иммигрантов из Западной Европы, сосуществуя с сельскими индейскими общинами также обрело многие черты традиционного сословного общества. Парадоксально, но и фундаментализм неолиберальной волны привел к возрождению сословных отношений в лоне буржуазного общества — непримиримого врага традиционализма.

Перечислим главные признаки традиционного и современного обществ, которые составляют ядро, — выдающиеся черты двух «портретов».

Картина мира

В любом обществе *картина мироздания* служит для человека той базой, на которой строятся представления об идеальном или допустимом устройстве общества. Самые первые, фундаментальные различия двух типов общества проявляются уже в том, как человек воспринимает пространство и время. В самом фундаменте современного общества лежит идея свободы в ее новых, вне-

этических измерений. Снятие пространственных ограничений изменило мироощущение людей, породило веру в возможность неограниченной экспансии, важную для идеологии либерализма.

Наука разрушила Космос, представив человеку мир как бесконечный, познаваемый и описываемый на простом математическом языке механизм. Вот штрих: более полувека в мире осуществляются две технически сходные программы, в которых главный объект называется совершенно разными терминами: в СССР (теперь России) — *космос*, в США — *space* (пространство). У нас космонавты, там — астронавты. Космос, в центре которого находился человек, обладает святостью. Десакрализация мира сделала отношение к нему в современном обществе рациональным. В традиционном обществе человек сохранил «естественный религиозный орган», и ощущает глубокий смысл бытия, хотя бы он и был атеист.

Создавая свой искусственный мир, человек традиционного общества «встраивает» его в данное природой пространство, не ищет прямых линий, прямых углов и плоскостей. Сакля лепится к скале, улочки старого города извилисты (сравните с планом Нью-Йорка!). Поражают аэроснимки старинных городов, на которых хорошо видно, как происходило столкновение с новым пространственным мышлением и как это отразилось на архитектуре городов уже в конце XIX века. Взгляните на план Гранады. Средневековый город разрублен, как саблей, прямым проспектом *Gran Vía*, а в конце его начинаются квадраты кварталов современного города. Или взять два сооружения на Рейне, неподалеку одно от другого. Средневековый мост так прилажен к берегам и реке, что кажется частью целого. А вот электростанция — сама река будто встроена в нее...

У всех народов и племен существовал миф о *вечном возвращении*, о том, что время приведет его к родному дому, к утраченному раю. Научная революция разрушила этот образ: время стало линейным и необратимым. Нам кажется, что идея длящегося, устремленного вперед времени и идея прогресса заложены в нашем мышлении изначально. Между тем, это — недавние приобретения культуры. Даже человек Возрождения еще не мыслил жизнь как прогресс, для него идеалы совершенства остались в Античности. В сознании господствовала эсхатологи-

ческая концепция (*сотворение мира — конец света*), дополненная понятием циклического времени. Лишь начиная с XVII века утверждаются линейные толкования истории и вера в бесконечный прогресс, они получили широкое распространение лишь в XIX веке, благодаря эволюционной теории.

Посмотрите как преломилось представление о времени в двух знакомых нам социально-философских учениях современности — *социал-демократии*, получившей распространение на Западе, и *коммунизме*, который укоренился в традиционных обществах России и Азии.

Коммунизм — завершение цикла, конец «этого» света, «возврат» человечества к коммуне как семье. Время коммунистов — циклическое, мессианское. Оно устремлено к некоему идеалу (светлому будущему). Лозунг социал-демократии: «Движение — все, цель — ничто!». Ее время — линейное, рациональное. Социал-демократов толкает в спину прошлое, а коммунистов притягивает будущее.

Глубоко различно отношение к земле. В традиционном обществе в прошлом земля воспринималась как духовное пространство, в котором происходит встреча с мертвыми. Запрет на продажу земли являлся абсолютным, экономические расчеты несущественны. Например, индейцев чаще всего приходилось просто уничтожать — выкупить землю не удавалось ни за какие деньги. Так в 1995 году были поголовно уничтожены два племени в Южной Америке. В России эти квазирелигиозные представления уже вытеснены из сознания, сохранившись в культурном бессознательном. Продажа земли, особенно иностранцам, до сих пор вызывает тревожное чувство.

Народы России в ходе модернизации восприняли научную картину мира, но так, что прежнее мироощущение при этом не было сломано. Научные представления, как инструменты, сосуществуют с космическим чувством.

Представление о человеке

Как уже говорилось, в современном обществе человек — свободный атом (*ин-дивид*). В России смысл понятия «индивид» широкой публике даже неизвестен. Здесь человек в принципе не

может быть атомом — он «делим». Он «разделен» в других и вбирает их в себя. Здесь человек всегда включен в солидарные структуры (патриархальной семьи, деревенской и церковной общины, трудового коллектива, пусть даже шайки воров). Этот взгляд очень устойчив и доминирует в России в самых разных идеологических воплощениях, что и является *важнейшим* признаком для отнесения ее к традиционному обществу. Современное общество требует разрушения общинных связей и превращения людей в индивидуалистов, которые уже затем соединяются в классы и партии, чтобы вести борьбу за свои интересы.

Исходный смысл частной собственности как естественного права — собственность индивида на его *тело*. Как и всякая частная собственность тело становится «средством производства». Э. Фромм писал о человеке Запада: «...его тело должно казаться молодым и здоровым, и он относится к нему с глубоким нарциссизмом, как ценнейшей собственности на рынке личностей». Поэтому охрана его здоровья должна им оплачиваться, а если ее возлагают на государство, то это — завоеванное борьбой социальное право.

В советском обществе здоровье человека было национальным достоянием, а его сохранение — обязанностью гражданина. Реформа в России привела к неожиданному эффекту: еще до перехода к платному здравоохранению резко снизилась обращаемость к врачам, несмотря на рост числа заболеваний. Люди почувствовали себя свободными от обязанности беречь свое здоровье как *национальное* (общенародное) достояние, но еще не осознали свое тело как *частную собственность*.

Из разных представлений о человеке вытекает и разное отношение ко многим правам — прежде всего к праву на жизнь, на пищу. В традиционном обществе сильна *уравниловка* — право на получение некоторого минимума жизненных благ. С первых этапов становления современного общества Запада его социальная философия ищет обоснование *социальному неравенству* (индивидуальное равенство дается неотчуждаемым правом частной собственности на тело человека). Так возник социал-дарвинизм — представление, переносящее принцип борьбы за существование из животного мира в общество людей. Это придает неравенству видимость «естественного» закона. Право на жизнь

обеспечивает только *платежеспособность*. Оно не входит в число *естественных* прав, что бы ни говорили «мягкие» либералы.

Ф. Бродель писал: «Эта буржуазная жестокость безмерно усилится в конце XVI в. и еще более в XVII в. ... В XVI в. чужака-нищего лечат или кормят перед тем, как выгнать. В начале XVII в. ему обривают голову. Позднее его бьют кнутом, а в конце века последним словом подавления стала ссылка его в каторжные работы»⁵.

Эти нормы смягчались по мере усиления социальной борьбы, но «чистая модель» не изменилась — проблему перенесли в сферу *благотворительности*.

В России дело обстояло иначе — здесь «право на жизнь» всегда было *естественным* правом. Человек — просто потому, что он родился в России и есть один из нас — имеет право на жизнь, а значит — на некоторый минимум благ. И это — не подачка, а *право*. Поэтому так болезненно и было воспринято вторжение западного капитализма, в результате которого с конца XIX века стали происходить голодные бедствия как социальное, а не стихийное явление. Российское монархическое государство перестало гарантировать *право на жизнь*, что и завершилось революцией.

В конце советского периода уравниловка в России была вытеснена из рационального сознания в коллективное бессознательное. Но изменения в идеологии быстро не меняют этого подспудного чувства. Даже в период рыночного энтузиазма общественное мнение было жестко уравнительным. В октябре 1989 года на вопрос «Считаете ли вы справедливым нынешнее распределение доходов в нашем обществе?» 52,8% ответили, что оно «несправедливое», а 44,7% — «не совсем справедливое». Что же считали несправедливым 98% жителей СССР? Недостаточно уравнительное распределение благ. 84,5% считали, что «государство должно предоставлять больше льгот людям с низкими доходами» и 84,2% считали, что «государство должно гарантировать

⁵ В 2004 г. Гайдар, ставший приверженцем экономического либерализма, писал: «Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи».

каждому доход не ниже прожиточного минимума». Это — типичная уравнительная программа.

Надо особо подчеркнуть, что такое понимание права на жизнь вовсе не является порождением советского строя и его идеологии. Напротив, советский строй — порождение этого представления о человеке. Согласно ему, угрожающая жизни бедность есть зло, несправедливость, которую можно временно терпеть как следствие бедствия, но нельзя принимать как норму жизни.

Государство

В соответствии с представлениями о человеке и с теми связями, которые соединяют людей в общество, строится *политический* порядок, определяющий тип государства. Имея как образец идеал семьи, традиционное общество порождает *патерналистское* государство (от лат. *pater* — отец). Здесь отношения власти и подданных иерархичны и строятся по образу отношений отца и детей. Ясно, что представления о свободе, взаимных правах и обязанностях здесь принципиально иные, нежели в государстве западного общества, роль которого в идеале сведена к функции полицейского на рынке (государство — «ночной сторож»).

Российское государство (в том числе в образе СССР) было классическим примером такого государства. Сейчас, в переходный период, государственность Российской Федерации еще не устоялась, в ней много «гибридных» форм. Однако после хаоса 90-х годов в нем опять проглядывают черты традиционной для России государственности, хотя и в очень деформированном виде.

Что же происходит в гражданском обществе? Один из основоположников неолиберализма Ф. фон Хайек писал: «Всенародная солидарность со всеобъемлющим этическим кодексом или с единой системой ценностей, скрыто присутствующей в любом экономическом плане, — вещь неведомая в свободном обществе. Ее придется создавать с нуля». Таким образом, на Западе, по мнению философов неолиберализма, «довели всенародную солидарность до нуля» — а теперь ее придется «создавать с нуля».

Напротив, *единство* общества («народность») всегда является идеалом и заботой государства традиционного общества. Един-

ство — главная ценность семьи, поэтому во всех своих ритуалах это государство подчеркивает существование такого единства. Различие двух типов государства хорошо видно при сравнении процедур голосования в *парламентах* и *Советах*. Голосование — древнейший ритуал любой разновидности демократии — от родовой до современной либеральной. Этот ритуал лишь завершает процесс согласования интересов и выработки решения, приемлемого для всех влиятельных групп.

В парламенте голосование есть ритуал, символизирующий *конкуренцию*, в которой побеждает сильнейший (пусть даже с перевесом в один голос). В Советах (любого вида — от совета старейшин племени до Верховного Совета СССР) голосование есть ритуал *согласия*. Здесь стремятся обеспечить единогласность. Этот смысл ритуала голосования в государстве традиционного типа прекрасно изучен в антропологии и культурологии. В оставшихся кое-где на Земле культурах с племенной демократией существуют даже изощренные специальные обряды, в ходе которых люди отставляют в сторону обиды и разногласия (танцы, ритуальные инсценировки боя, омовения и пиры). Лишь после этих обрядов приступают к голосованию, которое должно быть единомышленным.

К. Леви-Стросс подчеркивал: «Почти во всех абсолютно обществах, называемых “примитивными”, немислима сама идея принятия решения большинством голосов, поскольку социальное единство и доброе взаимопонимание считаются более важными, чем любая новация. Поэтому принимаются лишь единомышленные решения».

Тот же смысл имеют выборы в представительные органы власти. В гражданском обществе выборы — это своеобразный политический рынок, на котором партии «продают» свои программы и получают плату в виде голосов граждан. В свободной конкуренции здесь побеждает сильнейший. Выборы в традиционном обществе, как мы это видели в СССР, являются на деле плебисцитом (с ответом типа «да-нет»). Назначение их — явиться и одобрить общую линию политики государства.

Поэтому так важна была в СССР *явка* на выборы, хотя мало кто из избирателей вообще заглядывал в бюллетень — он говорил «да» самим фактом голосования своим неиспорченным бюллете-

нем. Каждый не принявший участие в выборах воспринимался как факт наличия сильного недовольства. Для либерального государства массовое участие в выборах существенного значения не имеет: правомочный кворум сокращается порой до 1/4 граждан, а в некоторых случаях (как, например, в США) — вообще до одного человека, т. е. самого кандидата.

Различны и подходы к наделению граждан «голосом». Возникновение нового типа человека — индивидуума (атома) — привело к «*атомизации*» голоса. Предельным выражением демократии западного типа стал принцип «один человек — один голос». До этого в солидарных коллективах «голос» или часть его отдавались тем, кто считался выразителем разума и воли этого коллектива (например, отцу крестьянской семьи, священнику, старейшинам и т. д.). В любом государстве советского, а не парламентского типа, носителями голоса являются не только граждане, но и коллективы, общности людей.

Первые выборы в Советы в 1923–1924 годы вызвали переполох в партийном руководстве, так как на них явилось всего около 30% избирателей. А причина была в том, что по разумению крестьян (а они составляли 85% населения) идти голосовать должен был только отец — за всю семью. Члены семьи «вручали» ему свои голоса.

Евроцентризм утверждает существование лишь одной «правильной» формы демократии — *парламентской*. Она основана на представительстве главных социальных групп общества через партии, которые конкурируют на выборах. Парламент есть форум, на котором партийные фракции ведут торг, согласовывая интересы представленных ими групп и классов. Равновесие политической системы обеспечивается созданием «сдержек и противовесов» — разделением властей и наличием сильной оппозиции. В зрелом виде эта равновесная система приходит к двум партиям примерно равной силы и весьма близким по своим социальным и политическим программам. Эта система процедурно сложна, так что возникает слой профессиональных политиков («политический класс»), представляющих интересы разных классов и групп в парламенте.

В Советах выразился иной тип демократии: они формировались как органы не классово-партийные, а *общинно-сословные*,

в которых многопартийность постепенно вообще исчезла. На уровне государства Советы были новым типом, но на уровне самоуправления это был традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации, — тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества. Либералы-западники видели в этом архаизацию, даже «азиатизацию» России, возрождение древних форм, лишь прикрытых позднефеодальными и буржуазными наслоениями. В этом нет ничего необычного.

Впоследствии постепенно и с трудом Советы превращались в представительный орган, но при этом они сохранили *соборный* принцип формирования. Депутатами Советов становились не профессиональные политики, а люди из «гущи жизни» (в идеале — представители всех социальных групп, областей, национальностей). С точки зрения парламентаризма, такой «подбор» состава Советов выглядит нелепостью; но когда корпус депутатов состоит из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, риск принятия катастрофических решений гораздо меньше.

В отличие от парламента, где победитель в конфликте интересов выявляется быстро, Совет, озабоченный поиском *единства* (консенсуса), подходит к вопросу с разных сторон. Это производит впечатление расплывчатости и медлительности («говорильня»). Для тех, кто после 1989 года мог наблюдать параллельно дебаты в Верховном Совете СССР (или РСФСР) и в каком-нибудь западном парламенте, разница казалась ошеломляющей. Дело в том, что парламент ищет решение, как на конкурентном рынке при купле-продаже. Совет же «ищет *правду*» — лучший баланс всех интересов. Когда «правда найдена», это подтверждается единогласно. Конкретные же решения вырабатывает орган Совета — исполнительный комитет.

В Советской России народы получили представительство в государстве не как совокупность индивидов, но как целостность (Совет *национальностей*), а каждый гражданин имел «голос» и как представитель своей национальности.

Риторика Совета с точки зрения парламента кажется абсурдной. Парламентарий, получив мандат от избирателей, далее опирается лишь на свое мнение. Депутат Совета, напротив, подчеркивает, что он — *выразитель воли народа*. Поэтому часто

повторяется фраза: «Наши избиратели ждут от нас...». (Этот пережиток сохранился в Госдуме даже через много лет после ликвидации Советской власти.) В Советах имелась ритуальная, невыполнимая норма — «наказы избирателей». Депутат не имел права ставить их под сомнение (хотя ясно, что наказания могли быть взаимосоключающими и несовместимыми).

Судить принципы, процедуры и ритуалы Советов по меркам западного парламента нельзя. На практике Советы выработали систему приемов, которые в условиях *советского общества* были устойчивой и эффективной формой государственности. Как только мировоззренческая основа этого общества дала трещину и оно начало разрушаться, недееспособными стали и Советы, что в полной мере проявилось уже в 1989–1990 годы.

Каждый политический институт государства эффективен лишь в контексте всей системы в целом. Партия заняла в политической системе СССР особое место, без учета которого не может быть понят и тип Советского государства. Необходимость в независимом от Советов «скелете» государства диктовалась типом общества. В традиционном обществе государство *сакрализовано*, оно обладает святостью, которая возникает не из сложения голосов граждан, а из благодати («идеи»). Наиболее распространенным вариантом государства традиционного общества является государство *идеократическое*. В нем источником благодати является набор идеалов, признаваемых как общепринятые и не подвергаемые проверке через выборы. Советская власть была идеократическим государством; идеалы, придающие власти легитимность, выражались на языке «мечты о правде и справедливости». Авторитет государства опирался на небольшое число священных идей.

ВКП(б) (позже — КПСС) имела иной характер, нежели партии гражданского общества, конкурирующие на «политическом рынке»; она была особым «постоянно действующим» *собором*, представляющим все социальные группы и сословия, все национальности и регионы. Здесь и происходило согласование интересов, нахождение компромиссов и разрешение или подавление конфликтов — координация всех частей государственной системы. Понятно, что в такой партии не допускалась фракционность, естественная для «классовых» партий.

Это была авторитетная сила, включенная во все органы власти и управления и следующая не местным, а общегосударственным установкам и критериям. Она и соединила Советы в единую государственную систему, связанную как иерархически, так и «по горизонтали». Значение этой связующей роли партии наглядно выявилося в 1990 году, когда эта роль была законодательно изъята из полномочий КПСС.

Требования многопартийности, которые раздавались с середины 80-х годов, на деле ставили вопрос не об «улучшении» Советского государства, а о смене *типа государственности*. Последствия такой смены прогнозировались как катастрофа, масштабы которой трудно было даже предсказать. Опыт 90-х годов в целом подтвердил эти оценки. Эта конструкция власти необычна с либеральной точки зрения, но она выполняла те же объективно присущие государству функции, что и при парламентской демократии.

Важные различия видны в *средствах господства*. В любом государстве оно осуществляется *принуждением и внушением*. Государство традиционного общества действует *открытым* убеждением и принуждением. Государство гражданского общества породило новый тип господства — через *манипуляцию сознанием*.

Манипуляция — способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении. Это — сложная технология, она возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии. Ведущие американские социологи П. Лазарсфельд и Р. Мертон пишут: «Те, кто контролирует взгляды и убеждения в нашем обществе, прибегают меньше к физическому насилию и больше к массовому внушению. Радиопрограммы и реклама заменяют запугивание и насилие».

Власть монарха или КПСС нуждалась в легитимации, но не в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны, как пишут антисоветские политологи, на «открытом, без маскировки, императивном воздействии — от на-

силы и подавления до навязывания, внушения, приказа — с использованием грубого простого принуждения».

Главный признак манипуляции — *скрытность* воздействия и внушение человеку желаний, противоречащих его главным ценностям и интересам. Ни религия, ни идеология идеократического общества не только не соответствуют этому признаку — они действуют принципиально иначе. Их обращение к людям не просто не скрывается, оно громогласно. В казармах Красной Армии висел плакат: «Не можешь — поможем. Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим». Смысл же манипуляции иной: «Мы не будем тебя *заставлять*, мы влезем к тебе в душу, в подсознание, и сделаем так, что ты сам *захочешь*».

Из истории мы знаем, что традиционное общество проявляет исключительную устойчивость в противостоянии некоторым типам угроз или испытаний, и поразительную беспомощность в преодолении других трудностей. Например, западные социологи поражаются тому факту, что в России и других постсоветских республиках общество и государства не рассыпались в 1990-е годы при спаде производства вдвое и снижении средних доходов в 4 раза (а в Таджикистане — в 11 раз). Современное общество такими механизмами солидарности не располагает. С другой стороны, советское общество легко позволило себя обобрать, не оказав никакого сопротивления. Это тоже поражает западных обществоведов.

Традиционное государство «стыдливо» — в этом и его сила, и слабость. Государство гражданского общества в принципе «стыда не имеет», в нем бывают лишь *нарушения закона*. «Кровавое воскресенье» доконало царизм, а расстрел демонстрации в Чикаго никакого чувства вины в США не оставил. Хрущев пошел на уличные репрессии в Новочеркасске (в масштабах, по меркам Запада, ничтожных), но это тщательно скрывалось. Это был позор, Хрущев его и не пережил как руководитель. А в 1993 году танки в центре Москвы могли расстреливать здание Верховного Совета — полное людей, с показом этого процесса по телевидению на весь мир. И понятие греха при обсуждении этой акции вообще было исключено.

Различия отражает язык: правоохранные органы стали называться *силовыми структурами* — термином, очищенным от

этической окраски. Сила нейтральна, равнодушна к Добру и Злу, она — орудие. В традиционном праве «человек с ружьем» есть или носитель Добра, или служитель Зла.

В традиционном и современном обществах складываются различные, поразительно несхожие системы *права*. Право традиционное настолько кажется странным человеку Запада, что он искренне считает государство этого общества «*неправовым*». Напротив, приложение норм права гражданского общества к традиционному (что происходит в периоды «модернизаций») наносит людям и целым народам тяжелые травмы. В связи с этим возникают конфликты и взаимное непонимание.

Так, слова «правовое государство» житель России воспринимает не так, как на Западе. Там имеется в виду государство, отдающее приоритет *правам индивида* и ограниченное законом. В обыденном сознании России считается, что правовое государство — это то, которое строго соблюдает *установленные* и *известные* всем нормы и всех заставляет их соблюдать. В таком государстве человек может достаточно надежно прогнозировать *последствия* своих действий — он вполне защищен и от преступника, и от внезапного обесценивания своего вклада в банке.

Строго говоря, *неправового* государства не бывает, даже если теократическое или идеократическое право с либеральной точки зрения жестоко или нелогично. Бывают *отклонения* от права, что есть частичная утрата государственности, что выражается в утрате его *монополии на насилие*. Это — нестабильное состояние, которое при углублении кризиса ведет или к революции, или к разрушению государства.

Если монополия сохраняется — государство *правовое*, хотя бы и жестокое. Если в стране легитимированы негосударственное насилие и наказание (например, «суд Линча» в США, который целый век был политическим институтом, параллельным формальному судопроизводству, и который приговорил к смерти больше людей, чем законный суд⁶), то можно говорить о со-

⁶ Последняя казнь по суду Линча состоялась в 1997 г. В.Р. Мединский, приводя в своей статье карту США с числом казней в каждом штате после 1886 г., пишет: «Во главе толпы стояли порой наиболее авторитетные люди: мэры городков, шерифы, полицейские, судьи и даже губернаторы. Большинство должностных лиц прекрасно знали местные порядки и не хотели плыть

стоянии неполной государственности. Если же государство предоставляет оружие и лицензию на насилие неформальным организациям — это государственный терроризм, признак преступного государства⁷.

В России господствовала установка на *упрощение* законодательства, его сближение с господствующими в обыденном сознании представлениями и традиционной моралью — так, чтобы Закон был понятен человеку и делал излишним большое профессиональное сообщество адвокатов.

В повестях Гоголя упоминается *зерцало* — трехгранная призма, которая ставилась на видном месте в присутственных местах. На ней были отображены тексты главных законов — для постоянного напоминания их публике. Зерцала были не просто символом правосудия, они давали ощущение близости, доступности законов. Оно присутствовало в восприятии права и в советское время: обычно люди, столкнувшись с правовой проблемой, тут же покупали в магазине тоненькую книжку с соответствующим кодексом и вполне в нем разбирались. Более продвинутые покупали книжку потолще — комментарии к кодексу. Важным учреждением был Совестью суд, просуществовавший в России с 1775 по 1862 годы. В этом суде разбирали дела «не по закону, а по совести».

За многие десятилетия населению стало привычным советское право (до которого действовало родственное ему *традиционное право* Российской империи). Попытки радикально изменить его по западным образцам часто приводят к драматическим последствиям и углубляют общий кризис.

Например, с введением частной собственности была учреждена новая система государственной регистрации недвижимости (строений и земельных участков). Способность понять ее правила и действовать в соответствии с ними стала фильтром, разде-

против течения» [Цивилизованный самосуд. <http://oko-planet.su/politik/politiklist/174578-civilizovannyu-samosud.html>].

⁷ Тяжелый кризис в России вызвало предоставление вооружения неформальным силам Д. Дудаева в Чечне (1991–1992 гг.) — для ликвидации органов советской власти. Затем для восстановления контроля над территорией вооружили другую группу неформалов — «оппозицию» Дудаеву — и послали на Грозный набранных по контракту военнослужащих без военной формы и знаков различия.

лившим население примерно на две равные части — тех, кто получал доступ к легальной недвижимости, и тех, кто этого доступа лишался⁸.

Типы хозяйства

Сильно различается в традиционном и современном обществах хозяйство — производство и распределение материальных благ. Уже Аристотель разделял два типа хозяйства — *экономию* (натуральное хозяйство), что означает «ведение экоса, дома», и *хрематистику* (рыночную экономику ради наживы). Разным цивилизациям присущи разные конфигурации соотношений между этими двумя «чистыми» типами хозяйства. Содержание экономических понятий настолько различается в современном и традиционном обществах, что нередко представители разных культур, даже специалисты, не понимают друг друга, хотя формально говорят об одном и том же.

Рыночная экономика — недавняя конструкция, возникшая в культуре Западной Европы. В ходе перестройки в СССР рынок был представлен как механизм обратной связи, стихийно регулирующий производство в соответствии с общественной потребностью — как механизм, альтернативный *плану*. Но дихотомия «рынок–план» несущественна по сравнению со смыслом понятия «рынок» как метафоры всего общества.

Рынок *продуктов* появился с разделением труда и существует даже в примитивных обществах. *Рыночная экономика* возникла, когда в товар превратились вещи, которые для традиционного мышления никак не могли быть товаром, — *деньги, земля и труд*⁹.

⁸ Проведенное в 2003 г. исследование привело к такому выводу: «Большей частью населения система государственной регистрации имущественных прав воспринимается либо как совершенно чужая, не имеющая никакого отношения к их жизни, либо как враждебная, способная привести к новым жизненным трудностям. ... Выявленные тенденции ведут к сужению социальной базы этого нового для нашего общества института, соответственно, к снижению его легитимности. Институт, за пределами которого остается более половины населения, не может претендовать на легитимность».

⁹ Например, согласно римскому праву было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром. Там действовала юридическая догма: «Денег

Совместная хозяйственная деятельность и общежитие людей могут быть организованы и без *купли-продажи*. Есть разные способы предоставления друг другу и материальных ценностей, и труда (дарение, услуга, предоставление в пользование, совместная работа, прямой продуктообмен и т. д.). Существуют и типы хозяйства, причем весьма сложно организованного, при которых ценности и усилия складываются, а не обмениваются — так, что все участники пользуются созданным сообща целым. К такому типу относится *семейное* хозяйство, экономически исключительно эффективное при достижении определенного класса целей. Замена его рыночными отношениями невозможна, так как оказывается, что ни у одного члена семьи не хватило бы денег расплатиться по рыночным ценам с другими членами семьи за их вклад. К этому же типу хозяйства относилось и советское плановое хозяйство.

Советский строй породил тип промышленного предприятия, в котором производство было переплетено с поддержанием условий жизни работников и вообще «города» («градообразующее предприятие»). Это идет от общины и настолько прочно вошло в массовое сознание, что казалось естественным. Между тем, Вебер так писал о капитализме: «Современная рациональная организация капиталистического предприятия немислима без двух важных компонентов: без господствующего в современной экономике *отделения предприятия от домашнего хозяйства* и без тесно связанной с этим *рациональной бухгалтерской отчетности*».

Наблюдение за попытками в 1990-е годы отделить производство от создания *условий жизни* позволило увидеть важную вещь: кооперация производства с бытом является источником очень большой экономии. Отопление бросовым теплом, отходящим при производстве электричества на ТЭЦ, — один из примеров. Система хозяйственных связей людей, проникнутых «духом капитализма», настолько отличается от систем других народов, что

же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Катон Старший писал: «А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию четверо. Поэтому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином против вора».

на обыденном уровне западный «экономический человек» часто уверен, что вне капитализма вообще хозяйства нет.

Отношение массового сознания к стяжательству, которое в России олицетворяет «крупный бизнес», не изменилось за двадцать лет реформ. Это отношение настолько негативно, что социологи затрудняются с его измерением. Качественный вывод из общероссийского опроса населения «Россияне о крупном бизнесе» (12–13 июля 2003 г.) таков: «Отношение респондентов к крупному бизнесу во многом определяется тем, что опрошенные в большинстве своем по сути отказывают ему в праве на существование».

Очень грубо различие двух типов общества по ряду признаков можно представить следующим образом (табл.).

Таблица

Сравнительные характеристики традиционного и современного общества

Признак	Традиционное	Современное
Жизнеустройство	«семья»	«рынок»
Государство	патерналистское	либеральное
Власть	«идеократия»	«демократия»
Картина мира	космизм	механицизм
Человек	соборный	индивид
Хозяйство	«экономия»	«хрематистика»

Поведение России оказывается совсем не аномальным и даже несколько не странным, а вполне правильным, если глядеть на нее не через очки евроцентризма, а применить уже хорошо разработанное в науке представление о разных типах общества. Любое решение в государственной политике и управлении должно быть адекватно культурным основаниям общества и структуре составляющих его социокультурных групп. Конечно, любая программа модернизации сопряжена с давлением и культурными травмами, но каждый раз необходимо оценивать силу и упорство сопротивления (явного и латентного), которое они вызывают.

Приложение

Буржуазное общество впервые в истории породило государство, которое сознательно сделало голод нормальным средством политического господства. К. Поляньи в книге «Великая трансформация», посвященной истории возникновения капитализма, отмечает, что когда в Англии в XVIII веке готовились новые законы о бедных, философ и политик лорд Таунсенд писал:

«Голод приручит самого свирепого зверя, обучит самых порочных людей хорошим манерам и послушанию. Вообще, только голод может уязвить бедных так, чтобы заставить их работать. Законы установили, что надо заставлять их работать. Но закон, устанавливаемый силой, вызывает беспорядки и насилие. В то время как сила порождает злую волю и никогда не побуждает к хорошему или приемлемому услужению, голод — это не только средство мирного, неслышного и непрерывного давления, но также и самый естественный побудитель к труду и старательности. Раба следует заставлять работать силой, но свободного человека надо предоставлять его собственному решению».

* * *

Вот выдержка из старого дореволюционного российского учебника по гражданскому праву выдающегося российского юриста:

«Юридическая возможность нищеты и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немислимы. Бесчисленное количество поколений создавало эту атмосферу; все нынешнее общество в целом поддерживает и развивает ее, и нет возможности выделить и определить ту долю в этой общей работе, которая совершается каждой от-

дельной единицей. Пусть доли этих единиц неравны, но доли эти есть и они обязывают все общество к тому, чтобы признать по крайней мере право каждого человека на обеспечение известного минимума необходимых средств на тот случай, если он сам по каким бы то ни было причинам окажется не в состоянии себя содержать. Другими словами, за каждым должно быть признано то, что называется правом на существование.

Мы знаем, что в прежнее время забота о выброшенных за борт экономической жизни лицах лежала на тех или других более тесных союзах — роде, общине, цехе и т. д. Но мы знаем также, что ныне все эти союзы оттеснены, а то и вовсе уничтожены государством; это последнее заняло по отношению к индивиду их прежнее властное место; оно претендует на многие, прежде им принадлежавшие права (например, право наследования); естественно поэтому, что оно должно взять на себя и лежавшие прежде на них обязанности. Только при таком условии вступление на место прежних союзов государства будет подлинным прогрессом, подлинным расширением общественной солидарности. И действительно, как известно, призрение бедных, сирот и т. д. считается одной из государственных забот. Но все это нынешнее призрение построено на идее милости и потому не может не быть недостаточным, унижительным для тех, на кого оно распространяется. Между тем дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование...

Признание права на существование окажет, без сомнения, огромное влияние и на всю область экономических отношений: положение “экономически слабых” станет прочнее и сделает их более устойчивыми в борьбе за цену предлагаемого ими труда и за лучшие условия жизни. Защищенные от опасности голодной смерти, они не так легко пойдут в сети хозяйственной эксплуатации.

Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши соотечественники гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности».

* * *

Профессор Манчестерского университета Теодор Шанин вспоминает:

«В свое время я работал над общинным правом России. В 1860-е годы общинное право стало законом, применявшимся в волостных судах. Судили в них по традиции, поскольку общинное право — традиционное право. И когда пошли апелляции в Сенат, то оказалось, что в нем не знали, что делать с этими апелляциями, ибо не вполне представляли, каковы законы общинного права. На места были посланы сотни молодых правоведов, чтобы собрать эти традиционные нормы и затем кодифицировать их. Была собрана масса материалов, и вот вспоминается один интересный документ. Это протокол, который вел один из таких молодых правоведов в волостном суде, слушавшем дело о земельной тяжбе между двумя сторонами. Посоветовавшись, суд объявил: этот прав, этот не прав; этому — две трети спорного участка земли, этому — одну треть. Правовед, конечно, вскинулся: что это такое — если этот прав, то он должен получить всю землю, а другой вообще не имеет права на нее. На что волостные судьи ответили: “Земля — это только земля, а им придется жить в одном селе всю жизнь”. Возможно, эта русская крестьянская мудрость волостных судей важна и для современной России».

* * *

М. Вебер пишет: «Одним из технических приемов, при помощи которых современный предприниматель стремится повысить интенсивность труда “своих” рабочих и получить максимум производительности, является сдельная оплата труда. Так, например, в сельском хозяйстве наивысшей интенсивности в работе требует уборка урожая, ибо от ее своевременного завершения часто — особенно при неустойчивой погоде — зависит величина прибыли или убытка. Поэтому здесь в определенный период почти повсеместно вводится система сдельной оплаты труда... Однако тут возникают неожиданные затруднения. В ряде случаев повышение расценок влечет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повыше-

ние заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. Так, например, жнец, который при плате в 1 марку за морген ежедневно жнет 2,5 моргена, зарабатывая таким образом 2,5 марки в день, после повышения платы на 25 пфеннигов за морген стал жать вместо предполагавшихся 3 моргенов, что дало бы ему теперь 3,75 марки в день, лишь 2 моргена, получая те же 2,5 марки в день, которыми он, по библейскому выражению, “довольствовался”.

Увеличение заработка привлекало его меньше, чем облегчение работы: он не спрашивал: сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности?

Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы именуем “традиционализмом”: человек “по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег; он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить “производительность” труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление; на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться и по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело».

ЛЕКЦИЯ 6

Глобализация: новые условия для государственной политики России

Уточним понятия. Термином *глобализация* обозначают два разных явления. Чаще всего говорят о новом этапе мироустройства, когда устраняются барьеры, мешающие движению потоков вещей, денег, идей и социальных форм. Эта глобализация идет с момента возникновения человека, причем скачками.

Но в то же время глобализация — это форсированная программа по созданию *Нового мирового порядка*, который торопится установить Запад на волне краха СССР. Эта программа — часть волны *постиндустриализма*, вырастающего из кризиса индустриальной цивилизации. В этом смысле *глобализация* — идеологический штамп, прикрывающий эту программу.

Здесь скажем о том, как глобализация изменила условия политики в мире в целом и в отдельном государстве, какие породила тенденции и угрозы. Это важно для России, выходящей из затяжного кризиса. И это во многом будет определять ее выбор в данный момент. Об этом надо думать и это надо обсуждать.

Итак. Нынешняя глобализация «под эгидой США» относится к разряду *утопий*, она неосуществима. Запад уже не сможет переварить Азию экономически и тем более подавить военными средствами. За 30 лет Китай поднялся с 13-го места и стал второй экономической державой мира. Промышленность бежит с Запада в Азию, там сосредоточено уже 52% мирового промышленного производства.

Это факты; а *теоретически* резкое сокращение разнообразия дестабилизирует человечество — вплоть до катастрофы. Значит, неизбежно сопротивление всеми средствами. Это мы уже видим. Вот парадокс постмодерна: если победит глобализация под эги-

дой США, то «американизация» станет невозможной — американской культуры не будет. Возможен ли такой ход событий? Нет, распад национальных культур — бедствие, которое способно привести к революциям или войнам.

Наше дело — предложить разумный диалог, смягчить столкновения и не дать процессу достичь фатального порога. Чем раньше мы укрепим, тем мягче мир пройдет этот кризис.

Рассмотрим спокойно. Что мы видим в процессах, которые нарастают в последние два десятилетия? Мир столкнулся с программой безжалостной. Западные футурологи (например, Жак Аттали) создают апокалиптические образы будущего для побежденных — «все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной». Эти прогнозы не сбудутся, поскольку опыт усмирять претендентов на мировое господство еще не забыт. Но прогнозы надо знать — они указывают возможный *вектор* событий.

Глобализация породила «новых кочевников». Для них нет *своих стран*, а есть всемирная кочевая каста и всемирные туземцы. Сказано: «деньги — родина безродных». Культуре угрожает реванш *ростовщика*, направленный против всего *небуржуазного* в человеке. Глобальный ростовщик уничтожает духовные структуры человечества. В массовое сознание внедряются алчность и жестокость.

Деньги опять «не пахнут» — исчезли различия между нормальной и преступной экономикой. Глобализация узаконила множество видов «криминальной хрематистики», включая такие сверхрентабельные виды бизнеса, как торговля наркотиками и человеческими органами, работорговля, терроризм по контракту и т. д.

Глобализация привела к всплеску антигуманной философии и морали. Как будто все темные силы, которые прятались в пороках общества, вдруг вышли и атаковали порядок. Как выразился один экономист, это *революция отщепенцев*, революция «*союза париев верха и париев дна*» — союза олигархов и воров. И эта революция *регрессивна*. Ее врагом является любое национальное государство — кроме «империи золотого миллиарда».

Фундаментальный вызов политике — подрыв статуса национального государства

Идет распад права, на котором держалось прежнее мироустройство, когда человечество было организовано в народы, а народы — в государства с их суверенитетом. Вспомним: первыми шагами глобализации были «война в заливе» и бомбежки Югославии — разрушение большой страны в центре Европы, «гуманитарная интервенция». Подрыв идеи суверенитета!

Как сказал Хантингтон, мы «стали свидетелями постепенного отмирания твердого государства — “бильярдного шара”, принятого за норму со времен Вестфальского мира... Возникает сложный разнообразный и многоуровневый международный порядок, который сильно напоминает средневековый». Хабермас также заметил, что «внешний суверенитет государств, как бы мы его не обосновывали, уже стал анахронизмом... Возникает необходимость в создании политически дееспособных учреждений на наднациональном уровне».

В докладе Римскому клубу говорится: «Сама концепция суверенитета, провозглашенная всеми правительствами святыней, является проблематичной... Международное право все в большей степени защищает гуманистические принципы, а не конституционные права и националистический эгоцентризм».

Но это все — шипение змея-соблазителя. Попробуйте подчинить США или Китай «наднациональным учреждениям». Это вопрос силы и воли, а не каких-то «объективных законов». Конечно, глобализация перестраивает политику государств: Интернет изменил информационное пространство, ВТО — взаимодействие государства с хозяйством и наукой, налоги утекают в офшоры, банки набирают на Западе кредиты и увязают в долгах и пр. Приходится создавать новые формы, институты и структуры, но роль больших независимых государств по-прежнему велика.

Глобализация — это всемирный передел богатства, который ведут мировые финансовые клики. Метод — ослабление национального государства через долги, приватизацию и скупку активов и ресурсов, сокращение расходов на социальные нужды, науку и культуру. Государство сокращает свои контрольные функции — и новые богатеи вливаются в глобальную элиту.

После кризиса в Мексике появились 24 миллиардера, а после дефолта 1998 года в России — 38. Происходит отчуждение населения от государства.

Спекулятивный капитал легко идет на союз с *преступным миром*. Этот союз соединил две мощные финансовые и организационные структуры — легальную и теневую, придав им новые степени свободы и маневра. Одним из орудий подрыва национального государства стало втягивание его в *большую коррупцию* «постиндустриального» типа. Мы видим многомиллиардные аферы и в ТНК, и в солидных банках. Коррупция верхов ведет к перестройке и массового сознания — это мировая *информационно-психологическая война*. В ходе ее подорвана культура солидарности, внедрен культ денег.

Это — трудный вызов, к нему почти все не готовы. Надо переходить на новый уровень знания и создавать новые социальные формы и защиты. Их никто за нас не создаст. Если будем пережевывать западные учебники 70-х годов, нас обдерут, как липку. Нельзя забывать: страны, обладающие большими природными богатствами, — особый объект усилий глобальной касты.

Важные функции в программе подрыва государства выполняют разного рода «черные интернационалы». Пример — Аль-Каида. Ее создали против СССР, а теперь придали глобальный характер. Происходит криминализация целых регионов и возникновение «серых зон», из которых вытесняется государство. Так, в Афганистане под крылом НАТО производство наркотиков выросло в 40 раз.

Во многих точках мира структуры национальных государств подрывают, организуя *мятеж-войны* с псевдорелигиозными прикрытиями. Как пишут антропологи, «транснационализация насилия и вызов, бросаемый принципу юрисдикции национального государства, являются особо значительными моментами в развитии глобализма». Иногда внутри государств образуются преступные анклав, приобретающие признаки государственности. Они разрушают государство, провоцируя гражданскую войну, а затем и внешнюю агрессию.

Наши внутренние проблемы, отягощенные глобализацией

Россия слишком открылась Западу как раз в тот момент, когда эта великая цивилизация переживает очень болезненный кризис.

Нынешняя глобализация — это попытка укрепить мировую систему «центр–периферия». И Россию, как и в начале XX века, снова пытаются втянуть в периферию. Но в этой мир-системе жизнеустройство периферии не может быть построено так же, как в центре. Новые технологические уклады возникают в странах периферии в виде *анклавов* — при архаизации труда и быта окружающего их большинства населения. При этом глобальные финансовые потоки *обтекают* те регионы, в которых не гарантирована высокая прибыль. Так в мире возникают зоны, где проживают «общности, которые нет смысла эксплуатировать».

Появление в стране анклавов, изымающих ресурсы из природной и социальной среды для глобального рынка, разделяет общество на «первый» и «третий» миры. Складывается новый тип рынка труда — «гибкий», постмодернистский, с краткосрочными контрактами и «забыванием» профессии, с заменой местного населения мигрантами.

Избежать такой участи нам очень непросто — Россия ослаблена деиндустриализацией 90-х годов и длительным кризисом трансформации. Сильно изношены основные фонды, понижалась квалификация работников. Нужны большие программы консолидации общества и «сборки» нации, создания новых форм межэтнического общежития. Все это осложнено тем, что в нашем экономическом и информационном пространстве орудуют не только недобросовестные конкуренты, но и теневые дельцы. Наши государственные и общественные институты не готовы к работе в такой жесткой среде; утопия «возврата в цивилизацию» демобилизовала и власть, и население. Нам нужны новые, «кризисные» формы управления.

Глобализация изменила положение еще и тем, что была достигнута своеобразная хозяйственная интеграция Запада с Китаем, который взял на себя роль промышленной «мастерской мира». Эта идея вынашивалась на Западе с конца XIX века, но тогда Китай рассматривался как управляемая периферия, зона

пребывания и работы внешнего пролетариата. Парадоксально, но успех этого проекта пришел именно благодаря китайской революции, социалистической индустриализации, современной системе всеобщего образования советского типа.

В результате в конце XX века Китай смог обеспечить квалифицированной, здоровой и дисциплинированной рабочей силой крупномасштабное промышленное производство, удовлетворяющее большую долю мирового спроса на стандартные товары. Запад предоставляет для этого производства технологии, некоторые материалы и компоненты, научную и техническую помощь. При этом он не имеет никаких проблем с многомиллионным внешним пролетариатом — им эффективно управляет КПК и государство КНР.

Сейчас, когда вполне отработано это взаимодействие, избыточной стала и значительная часть трудящихся в самой метрополии — и на Западе возникли «общности, которые нет смысла эксплуатировать». Это подстегнуло глобализацию — элита стремится отстраниться от всякой ответственности перед населением своих стран. Мы наблюдаем разрыв не только с этикой социального государства, но и с прежней этикой буржуазии как части нации. Ужесточилось трудовое законодательство, резко упростился порядок увольнения работников, увеличилась доля краткосрочных контрактов, расширилось использование рабочей силы мигрантов. Происходит деклассирование рабочего класса метрополии, растет безработица среднего класса.

Но ведь и в России идут эти процессы — наш рынок промышленной продукции сдан Китаю. В этих условиях осуществление необходимой России новой индустриализации становится чрезвычайно трудной задачей. Политика России (и политология) столкнулись с совершенно новым и необычным вызовом.

Один из главных инструментов глобализации — **экспорт потребностей**. Потребности обусловлены культурно, а не биологически. Глобальный капитал стремится, чтобы жажда потребления становилась все более жгучей, нестерпимой. Потребности, удовлетворяемые только через Запад, позволяют «вербовать» элиту с ее превращением в антинациональную силу. Глобализация, втягивающая человечество в *общество потребления*, приводит к стрессу и расщеплению сознания. Происходит

«ускользание национальной почвы» из-под фундамента производства потребностей. По замечанию Маркса, такие общества можно «сравнить с *идолопоклонником*, чахнувшим от болезней христианства», — западных источников дохода нет, а потребности — западные. Это порождает фрустрацию и быстрый регресс хозяйства с распадом системы солидарных связей. Растут массовая преступность и теневая экономика. Это национальная трагедия многих народов.

Одной из массовых реакций на кризис в России стала *играизация* — внедрение принципов игры в жизненные стратегии, что позволяет людям как-то адаптироваться к хаосу «переходного периода». Люди непрерывно конструируют для себя виртуальную реальность, при этом реальная жизнь все более приобретает *хаотическое* содержание. Стираются различия между реальностью и ее восприятием, происходит нарушение мира смыслов, размывание идентичностей. Наблюдается сдвиг к более низким, примитивным социальным действиям, к *деструктивности* поведения — раннее употребление алкоголя, табака (потом и наркотиков), тяга к действиям, связанным с рисками и мистикой, невиданный ранее индивидуализм, рост молодежной преступности.

Все это — вызов культурной политике, но мы к нему не готовы. Контент практически всех игр задается фирмами США, а в играх «упакованы» жесткие ценностные установки. Но своих игр мы на рынок не поставляем. Значит, мы не можем пресечь враждебные нам процессы, которые создают в обществе зоны «контролируемого хаоса».

Пессимизм глобализации

Это — важный и опасный фактор. Глобализацию проектировала и осуществляет элита Запада, проникнутая глубоким пессимизмом. Это делает многие шаги непредсказуемыми.

Глобализация была задумана как венец холодной войны. Но эта война носила мессианский характер, победа в ней была названа «концом истории». Лео Страусс, основоположник философии неолиберализма, так определил ее цель: «Полная победа города над деревней или Запада над Востоком». И дал потрясающее сво-

им пессимизмом пояснение: «Завершение истории есть начало заката Европы, Запада, и вследствие этого, поскольку все остальные культуры были поглощены Западом, начало заката человечества. У человечества нет будущего».

В докладе Римскому клубу «Первая глобальная революция» (1991) прогноз таков: «К середине следующего столетия в сегодняшних промышленно развитых странах будет проживать менее 20% всего населения земного шара. Способны ли мы представить мир будущего, в котором кучка богатых наций, имеющая новейшее вооружение, защищается от огромного количества голодных, необразованных, не имеющих работы и очень злых людей, живущих во всех остальных странах?».

У жителей Запада искусственно создается «синдром осажденной крепости», который нередко доходит до состояния психоза. По словам президента Римского клуба, жители Запада «все более превращаются в некое гетто, которое окружают возмущенные, готовые к бунту орды голодных, неграмотных и безработных».

Тяжелое потрясение вызвал и теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Он обнаружил хрупкость и незащищенность постиндустриального информационного общества Запада. С. Жижек сказал по этому поводу: «Ощущение того, что мы живем в изолированном, искусственном мире вызывает к жизни представление, что некий зловещий агент все время угрожает нам тотальным разрушением извне».

К чему же ведет такая мрачная глобализация? В том же докладе Римскому клубу предсказывается: «Приток мигрантов может вызвать резкое усиление “оборонительного” расизма в странах въезда и способствовать установлению в них на волне популизма диктаторских режимов... Технологические нововведения дают преимущества передовым странам **в ущерб** тем, которые находятся на более ранней стадии экономического развития... Таким образом, нашим настоящим врагом является само человечество». *(Выделено автором).*

Вот исторический вызов российской политике — всеми средствами предотвратить скатывание в пропасть войны Запада с «самим человечеством».

У нас много провалов, ошибок и слабостей, но придется совместно с другими народами выполнить долг *удерживающего*.

ЛЕКЦИЯ 7

Риски изменения общественных и политических институтов

Ключевая функция государственной политики и управления — обеспечить адаптацию всей системы политических и общественных институтов в меняющемся мире и динамично развивающемся обществе. И народ (нация), и общество — сложные системы, они не могут пребывать в состоянии застоя, они или развиваются, или деградируют. Следовательно, государство не может ограничиваться стабильным воспроизводством институтов, соединяющих население в социокультурные общности и в общество как цельность. В государственной политике есть особый «срез» — обновление, развитие институтов. И политическое проектирование этого процесса, и государственное управление, организующее этот процесс, должны обеспечить его безопасность и эффективность. Этот процесс сопряжен с большими рисками.

Видный антрополог XX века А. Леруа-Гуран подчеркивал, что для существования народа необходим баланс между *устойчивостью* и *подвижностью* систем его жизнеустройства. Совокупность отношений и материальных средств представляет собой *систему* — устойчивую (и изменяющуюся) часть культуры народа или нации. Эту целостную систему, соединяющую материальный и духовный миры, любая этническая общность оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности».

Важно правильно оценить диалектику противоречия между устойчивостью и подвижностью институтов. Такое умение — ценнейшее качество политика. Большие народы вообще возникли и развивались в периоды правления государей, обладающих этими качествами. Только государство может обеспечить достаточно длительную политическую стабильность, необходимую для

созревания большой этнической общности. А. Леруа-Гуран писал: «Чтобы конституироваться как чистый народ с полным параллелизмом всех его элементов, требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более велик сам народ». Однако далее он поясняет, что история никакому народу не дала столь длительного периода стабильности, поэтому «чистых» народов не существует. Любой народ представляет собой мозаику элементов, возникающих и изменяющихся в результате политических потрясений. Иногда череда потрясений ставит само существование народа под угрозу.

Сохранение человеческой общности достигается лишь при определенном соотношении *устойчивости* и *подвижности* ее институтов (системы принятых и освоенных отношений и норм). Не допускать опасного нарушения этого соотношения — важная обязанность государства. Непосредственная опасность гибели возникает вследствие избыточной *подвижности*, которая нередко появляется после периода застоя.

Леруа-Гуран важное место отводит механизмам, которые он называет *инерцией* и *пережитками*. Это необходимые средства для сохранения народа. Он пишет: «Инерция по-настоящему бывает видна лишь тогда, когда группа отказывается ассимилировать новую технику, когда среда, даже и способная к ассимиляции, не создает для этого благоприятных ассоциаций. В этом можно было бы видеть самый смысл личности группы: **народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам**». (Выделено авт.).

Леруа-Гуран приводит в пример народы («варваров») Китая: «...именно в силу того, что варвары противопоставили инерцию волнам китайских влияний, они остались варварами». Но точно так же и сами китайцы противопоставили инерцию волнам западных влияний. Эти примеры можно множить.

Значение *традиции* как неременного условия сохранения народа доказывали антропологи самых разных школ и направлений. Можно сказать, что они, рассматривая проблему под разными углами зрения, вывели «общий закон» этнологии. Один из основоположников социальной антропологии Б. Малиновский писал о роли традиций: «Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медлен-

ный, неизбежный процесс умирания». Отсюда, кстати, выводится общее правило *уничтожения* народов: хочешь стереть с лица земли народ — найди способ системного подрыва его традиций.

Массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию (рутину), создает угрозу для существования общности. Леруа-Гуран делает совершенно определенный вывод: «Жизнеспособность этноса основывается на рутине, а завязавшийся диалог создает равновесие между рутинной и прогрессом: рутинна символизирует капитал, необходимый для жизнеспособности группы, а прогресс — вторжение индивидуальных инноваций для улучшения жизнеспособности».

Инерция культуры, сохранение традиции, которое часто кажется нерациональным или даже абсурдным, есть выработанный историческим опытом, обычно неосознанный способ сохранить жизнеспособность народа.

Едва ли не важнее для нас другая мысль Леруа-Гурана: именно пережитки («традиция») являются и условием *подвижности* народа. Это тот фонд, который позволяет следующему поколению народа сэкономить силы и средства для освоения главных новшеств и ответить на вызов: «Роль традиций состоит в том, чтобы передавать следующему поколению весь технический массив целиком, избавляя его (поколение) от бесполезных опытов, и эта роль с избытком выполнена, когда сын овладевает всеми средствами отца. Они придают его деятельности ту личность, которая подобает группе, но он не сочтет себя изменником, если станет улучшать полученное наследство».

Для нас важным уроком стал крах СССР, в большой мере вызванный застоём в политических институтах и общественных институтах, — в то время как урбанизация резко изменила образ жизни большинства и объективные параметры культуры. Адекватного изменению внешней среды обновления институтов не произошло, и легитимность политического режима резко ослабла — притом что экономическая система еще работала исправно. Сразу после периода застоя возникло состояние избыточной *подвижности* общества и государства («перестройка»), которая и завершилась распадом страны и нации.

Вслед за этим началась реформа, при которой *подвижность* буквально всех институтов вошла в режим перманентного ли-

хорадоочного потрясения — постсоветская Россия была увлечена неолиберальной волной, и это оказалось фундаментальной ошибкой власти. Такая ошибка тем более необъяснима, что на самом Западе неолиберальная доктрина к тому моменту уже была дискредитирована.

Один из виднейших современных либеральных философов Дж. Грей пишет о последствиях неолиберальной волны на Западе: «Приняв неолиберальную программу непрерывной институциональной революции за основу своей деятельности, современные консерваторы не только отказались от любых претензий на роль гарантов преемственности национальной жизни, они еще и связали свои судьбы с политическим проектом, вне всякого сомнения обреченным на поражение».

Для России эта *непрерывная институциональная революция* стала бедствием. Складываясь *исторически*, а не *логически*, общественные институты обладают большой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные, всегда требует больших затрат и непредвиденных потерь. Люди сопротивляются изменению устоявшихся институтов, особенно тех, которые задают принятый образ жизни (институциональные матрицы). Один из основоположников неинституционализма Д. Норт писал: «Наличие механизмов самоподдержания институциональной матрицы ... свидетельствует о том, что, несмотря на непредсказуемость конкретных краткосрочных тенденций развития, общее направление развития в долгосрочной перспективе является более предсказуемым и с трудом поддается возвращению вспять».

В 1990-е годы дело было не только в непрерывности изменений в институтах, хотя и это само по себе наносило культурную травму населению, но и в том факте, что институциональная революция исходила из радикального отрицания традиции. Ликвидировались государственные и общественные институты, которые просуществовали в России сотни лет, к которым привыкло все население и уже не мыслило без них нормальной жизни.

Приведем пару не самых драматических примеров.

Первый пример — ликвидация Госстандарта. Государственная стандартизация в России берет начало в 1555 году, когда указом Ивана Грозного были установлены размеры пушечных ядер и вве-

дены калибры для их проверки. Прототипы современных промышленных стандартов появились во времена Петра I. Во второй половине XIX века стандартизация стала обязательной службой на промышленных предприятиях почти всего мира. Само отличие фабрики от мануфактуры заключалось прежде всего в стандартизации и единообразии производимых на каждом участке изделий, что и позволило применить в производстве *разделение труда*.

В 1893 году в России было учреждено Депо образцовых мер и весов, преобразованное в Главную палату мер и весов (директором ее был Д.И. Менделеев). Введение единой метрической системы мер началось сразу после установления Советской власти. Это решение было одним из важнейших для хозяйства декретов. Даже во время Гражданской войны для отливки метрических гирь был выделен драгоценный чугун, и торговцы в короткие сроки были снабжены этими гириями.

В 1924 году при ВСНХ было организовано Бюро промышленной стандартизации (с 1925 года — Комитет по стандартизации), при котором работали 120 рабочих комиссий, готовящих промышленных стандарты. К 1928 году было утверждено свыше 300 общесоюзных стандартов, получивших силу государственного закона. Без этого не могла бы состояться форсированная индустриализация 30-х годов. К 1932 году Комитет утвердил 4114 общесоюзных стандартов. С 1940 года общесоюзные стандарты стали называться *государственными* и обозначаться индексом ГОСТ. За годы войны было утверждено более двух тысяч новых стандартов.

Сложилась мощная служба стандартизации и метрологии, которая обеспечила высокую степень единообразия и точности производства изделий на всех предприятиях и на всей территории государства. Это, в частности, позволило создать советский тип ВПК — детали, производимые в гражданском машиностроении, могли непосредственно использоваться при сборке самолетов и танков. Госстандарт, непрерывно изучая множество параметров всей производимой в стране продукции, обеспечивал государственную власть ценнейшей информацией. Вся эта система была условием для рывка в высокотехнологичных отраслях — авиакосмической, судостроении, атомном машиностроении.

Но во время реформы был сделан шаг, которого никто не ожидал, — был ликвидирован *Госстандарт* с массовым сокращением сотрудников и учреждено Российское агентство по техническому регулированию и метрологии, несравненно более слабое по своим возможностям. Зачем?

В 2003 году вступил в силу закон, согласно которому, начиная с 2010 года, ГОСТы *перестают быть обязательными для исполнения*. Закон отменил и всю систему отраслевых стандартов (ОСТов). Госстандарты заменяются Техническими регламентами, которые разрабатываются фирмами для каждого вида продукции и утверждаются Госдумой. Регламенты должны были прийти на смену прежней системе стандартизации и регулировать *только вопросы безопасности*.

В декабре 2009 года президент Д. Медведев внес в Госдуму законопроект, предусматривающий возможность применения иностранных регламентов по желанию производителя. В официальной справке к законопроекту сообщается: «Практика применения Федерального закона “О техническом регулировании” показала довольно низкую эффективность заложенных в нем правовых институтов — за 7-летний период реформы технического регулирования принято всего лишь 11 технических регламентов¹. Механизм принятия технических регламентов оказался крайне неэффективным — согласование документов на межведомственном уровне затягивается на годы. В неудовлетворительном состоянии сегодня находится система стандартизации. Отечественная промышленность лишена возможности ориентироваться на передовые мировые стандарты, что создает серьезные барьеры для технологического перевооружения. Законопроектом предусматриваются ... законодательное закрепление возможности признания и заимствования лучших мировых стандартов в целях их применения в Российской Федерации».

Строго говоря, государственная стандартизация как институт ликвидирована.

Второй пример — лесные пожары 2010 года. Лес — кроме всего прочего — источник опасности и угроз. И государство обязано охранять его прежде всего именно с этой позиции, а не как источник экономической выгоды. Служба лесоохраны была

¹ На самом деле за 2009–2010 гг. были утверждены только четыре регламента.

учреждена в России более 200 лет назад. Вся система охраны леса являлась и государственным, и общественным институтом. В СССР она была модернизирована и оснащена специальной авиацией и средствами наблюдения со спутников. Процесс ее демонтажа начался в 2000 году, когда была ликвидирована федеральная лесная служба. В 2006 году был принят новый Лесной кодекс. Бывший министр лесного хозяйства СССР академик Александр Исаев пишет: «В 2007 году в России наступила эпоха непрозрачной приватизации. Новое лесное законодательство отобрало леса у государства и передало в частную собственность. Сделки стали совершать с землей, а для этого переводили земли из одной категории в другую, например, из лесного фонда — в сельскохозяйственные, а затем приватизировали. На этой территории творили, что хотели: вырубали — продавали, сдавали в аренду...

70 тысяч лесников — охрана, существовавшая в России более 200 лет, Лесным кодексом распущена. Леса оказались брошенными на произвол судьбы... В арсенале специальных служб практически отсутствуют эффективные средства. Хотя в 1992 году на Всемирной конференции в Рио-де-Жанейро Россию неоднократно упоминали во многих докладах как пример разумного, хозяйского отношения к лесу. Но за минувшие годы мы разрушили все, чем так гордились».

Социолог О.Н. Яницкий пишет в большой аналитической работе: «Нынешние пожары — не случай, а тенденция: число пожаров и площадь, пройденная огнем, за последние три года постоянно растут. Площадь леса, охваченная пожаром, за последние 15 лет выросла вдвое, по данным государственной статистики, и втрое — по данным дистанционного мониторинга... Происходит деэкологизация государственной политики и уничтожение в ходе становления рынка соответствующих институтов.

Принятие новых Лесного и Градостроительного кодексов и ликвидация Госкомитета по экологии и охране среды, природоохранных служб, государственной экологической экспертизы в итоге превратили леса и парки из национального богатства в предмет купли-продажи. Фактически в течение 2000-х гг. произошла почти полная деинституализация экологической политики и массового сознания...

Лесоохрана как автономная государственная организация была ликвидирована, а ее функции (без надлежащего материального и законодательного обеспечения) были переданы в разные руки: лесопользователям (то есть частным арендаторам), региональным и местным властям, которые также видели в лесных угодьях, прежде всего, источник дохода, а не экосистему, требующую воспроизводства и защиты. Создававшаяся десятилетиями культура охраны и воспроизводства лесного богатства страны как совокупность норм права и житейских норм была разрушена. Рынок отбросил людей, инфраструктуру лет на 20 назад, а природе — на 40–60, или уничтожил навсегда...

Если институт лесоохраны практически распущен, а его техника устарела или распродана, если люди на местах об этом не предупреждены или не знают вообще, то и никаких приготовлений к предсказанной учеными катастрофе быть не могло».

Катастрофа 2010 года — прямое следствие институциональных изменений.

Но в целом главная проблема даже не в ликвидации целых институтов типа Госстандарта — реформа представляла собой большую программу радикальной *имитации западных институтов*. Она шла под лозунгами «возвращения в лоно цивилизации» и модернизации (на деле — вестернизации).

Выбор за образец для построения нового общества именно Соединенных Штатов Америки — страны, искусственно созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице — не находит рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды нам пришлось бы еще испытать, если бы реформаторы смогли последовательно выполнять свою программу.

Этот выбор поразил западных либералов. Дж. Грей пишет об экономической реформе: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, чего им следует опасаться; это не идеал, к которому они должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях».

Из истории мы знаем, что исключительно травмирующей была программа модернизации Петра I. О. Шпенглер в книге «Закат Европы» описал эту программу как неудачный цивилизационный контакт России с Западом. Он применил для ее описания термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии. Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами. Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Трансплантация западных институтов и технологий произошла не как имитация, а как синтез со структурами русской культуры — так были созданы современные русская армия и флот, государственный аппарат, позже — наука и литература. Все это далось дорогой ценой, но это была первая большая форсированная программа, ее уроки были учтены.

Однако в XIX веке сложилось большое культурное и политическое течение, названное «русским либерализмом» («западники»). Первым западником принято было называть Чаадаева. Установки либералов-западников историк Т.Н. Грановский выразил так: «Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить его?».

Лидер партии кадетов П.Н. Милюков в 2006 году дал С.Ю. Витте совет не пытаться принять «русскую конституцию», а перевести бельгийскую или болгарскую и сделать «основным законом Российской империи. Он же высоко ценил империалистическую политику Англии: «Завидно становится, когда читаешь о культурных методах английской колониальной политики, умеющей добиваться скрепления частей цивилизованными, современными средствами».

Эту же позицию в отношении национально-государственного устройства России занимал П.Б. Струве: «Идеалом, к которому

должна стремиться в России русская национальность, по моему глубокому убеждению, может быть лишь такая органическая гегемония, какую утвердил за собой англосаксонский элемент в Соединенных Штатах Северной Америки и в Британской империи»².

Подход к изменению (модернизации) российских институтов в реформе 1990-х годов носил характер *копирования*, оно заменило проектирование новых структур. Реформы в России стали огромной программой *имитации Запада*. Это было признаком духовного кризиса нашей политической элиты, а затем стало и одной из причин общего кризиса. К имитации склоняются культуры, оказавшиеся неспособными ответить на вызов времени.

Как писал в эмиграции историк и писатель М. Алданов, в начале века «опыт превращения России в Англию не удался» — помешала монархия, а затем — советская революция.

Шанс для реванша был предоставлен «новым либералам» в ходе антисоветской революции 1990-х годов. Тогда ввели в наших городах английскую должность мэра, французскую должность префекта, а в Москве — и немецкую должность статс-секретаря. Затем институциональная революция стала перманентной.

Возьмем административную реформу 2004 года. В марте 2004 года состоялось заседание круглого стола аналитического совета фонда «Единство во имя России». Открывая заседание, президент фонда политолог Вячеслав Никонов так обосновал изменения структуры и функций исполнительной власти («крупнейшие со времен Витте»): «Идет вестернизация, американизация структуры правительства, число министерств в котором почти совпадает с американским». Именно так — «американизация структуры правительства», иных доводов за выделение из министерств «агентств» не приводилось.

Пробегите мысленно все стороны жизнеустройства — везде идет переделка тех систем, которые сложились в России и СССР, по западным образцам. Была, например, в России своеобразная *школа*. Она складывалась в длительных поисках и притирке к социальным и культурным условиям страны, с изучением

² Подробнее см.: Матюхин А.В. Теория государственного управления в истории русского капитализма. XIX — начало XX вв. М.: Изд-во МГОУ, 2008.

и зарубежного опыта. Результаты ее были не просто хорошими, а блестящими, что подтверждалось объективными показателями и множеством исследователей и Запада, и Востока. Нет, эту школу решили кардинально перестроить по шаблону западной школы. То же самое с вузами — присоединение РФ к Болонской конвенции об унификации системы высшего образования в Европе. Зачем? Почему? Какую цель ставят реформаторы? Объяснения, которые дают чиновники, всерьез принять невозможно. В них не вяжутся концы с концами.

Сложился в России, примерно за 300 лет, своеобразный тип современной армии, во многих существенных чертах отличный от западных армий. С точки зрения военных функций, никаких преимуществ западная армия не имеет; российская же армия показала высокую эффективность в оборонительных, *отечественных* войнах — но ее сразу стали ломать и перестраивать по типу западной наемной армии.

Сложилась в России, за полвека до революции, государственная пенсионная система, отличная и от немецкой, и от французской. В СССР она была распространена на всех граждан, включая колхозников. Система эта устоялась, была всем понятной и нормально выполняла свои явные и скрытые функции. Так нет, ее сразу стали переделывать по неolibеральной англосаксонской схеме.

Одна из самых странных попыток имитации — идея переделывать на западный лад унаследованную РФ от советских времен систему *централизованного теплоснабжения*, использующего бросовое тепло от ТЭЦ. В статье «Правительство “децентрализует” теплоснабжение» агентство РБК сообщило (23.01.2003): «Сложившаяся в России структура теплоснабжения должна подвергнуться серьезным изменениям... В поручении Михаила Касьянова указывается на возможность использования при строительстве жилья и производственных объектов локальных источников тепла, упор на которые делается в большинстве стран мира...»

Россия, как и весь бывший СССР и частично страны соцлагеря, перешла на централизованное отопление в соответствии с коммунистической установкой, предполагавшей максимальную зависимость человека от государства... В то же время в странах

ЕС, несмотря на давнюю урбанизацию, и ныне доля центрального отопления составляет немногим более 6% (в РФ почти 40%)».

В своем стремлении «сделать как на Западе» дошли до противопоставления производства электричества и тепла, уничтожая великое преимущество ТЭЦ.

Предпринимались и утопические попытки имитации западной модели одного из ключевых политических институтов — партийной парламентской системы. Представляя государство как машину, которую можно легко перестроить по хорошему чертежу, политологи долго предлагали взять «западный» чертеж — двухпартийную систему с присущими ей «сдержками и противовесами».

Этой идеей был проникнут и закон «О политических партиях», предназначенный для создания многопартийной системы с мощным правым центром и левым центром социал-демократического типа. Не было никогда в России такой системы, а теперь — «приняли закон», и как будто ее будет легко создать, как на Западе. Казалось бы, надо было высказать хотя бы предположения, почему раньше это не удавалось, а теперь удастся. Ведь закон должен опираться на реальные силы и условия.

С 1990 года левый центр социал-демократического типа пытались создать Горбачев, Рой Медведев, Рыбкин, Селезнев и даже Фонд Эберта. Да и с «мощным правым центром» не выходило. Что-то мешает, и это «что-то» должно было быть выявлено.

Да, на двухпартийной матрице собирались политические системы Запада (например, США, где Конституция прямо писалась по схеме механической модели мира Ньютона). Двухпартийная система и в особенности ее «мощный левый центр» — продукт зрелого буржуазного общества. Социал-демократизм — доктрина гуманизации, «окультуривания» капитализма, доктрина сложная, а в социальном плане возможная лишь после того, как буржуазия накопит и завезет из колоний большие средства, чтобы оплатить свой гуманизм.

В России общество и государство «собирались» совсем по другой программе, исходя из иных представлений о человеке. Государство строится не *логически*, как машина, а *исторически* — в соответствии с антропологией, культурой и традицией. Опыт XX века в России дважды показал, что попытка «логически» по-

строить государственность, имитируя западный образец, терпит неудачу. Так, после февраля 1917 года не был принят либеральный проект кадетов, верх взяла исторически сложившаяся форма крестьянской и военной демократии — Советы, в которых поновому преломились принципы и самодержавия, и народности.

Есть ли в РФ условия, в которых был выстроен политический институт «двух партий»? Об этом у политиков, да и политологов, вопрос даже не стоял — сразу взялись конструировать политическую систему. Да, общество переросло советскую политическую систему, но в нем вовсе не возникло зрелого буржуазного «субстрата». Поэтому и сейчас попытка копирования «двухпартийной машины» не удастся, для этого есть устойчивые ограничения.

В данном случае попытка имитации была осложнена и тем, что одновременно осуществляется реформа на основе неолиберальной доктрины, которая как раз ведет к разрушению принятой ранее на Западе двухпартийной системы. Неолиберальная волна просто смела эту систему, так что существенные различия между правыми («либеральными») и левыми («социал-демократическими») партиями исчезли. Тони Блэр совершенно не похож на лейбориста 70-х годов.

Дж. Грей пишет: «Традиционный консерватизм отныне не может считаться реалистическим политическим выбором, поскольку институты и практики, составляющие его наследие, были сметены с исторической сцены теми рыночными силами, которые выпустила на волю или упрочила неолиберальная политика... В то же время и сам неолиберализм сегодня можно рассматривать как политический проект, разрушающий свои собственные опоры»³.

Радикальный постмодерн неолиберализма выхолостил двухпартийную систему Запада — что же нам предлагают имитировать? То, чего нет на Западе и не может сосуществовать с агрессивной новой средой. Уже в 80-е годы западная партийная система получила красноречивое название — *ambi-dextra* — т.е. *двое-правая*. Обе партии, независимо от их названия, проводят одну и ту же неолиберальную политику. Ведь кризис левых партий Запада тем и вызван, что социал-демократия взяла на себя

³ Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис, 2003. С. 163.

задачу демонтировать западное «государство всеобщего благоденствия».

К. Леви-Стросс, изучавший контакты Запада с иными культурами, в «Структурной антропологии» сделал такой общий вывод: «Трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собою. На деле попытки такого переустройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы — или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим».

Авторы доктрины российских реформ этот вывод игнорировали.

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию (2004) В.В. Путин сказал: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения «старого здания»... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала».

Реформа 90-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики. А оказывается, что это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали; ни в одном документе не было сказано, что готовился **демонтаж экономической системы** России.

Хозяйственная деятельность — один из главных механизмов, собирающих людей и их малые общности в народ (нацию). Под видимыми хозяйственными укладами, приемами и нормами лежат мировоззренческие и нравственные основания, устойчивые отношения людей, которые сложились в целый ряд базовых государственных и общественных институтов. Вот уже 25 лет выполняется программа перевода всех сторон хозяйства России на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима *нигде в мире*, хотя на Западе по законам рынка может происходить относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы катастрофой. Смена типа народного хозяйства ведет

к изменениям во *всех* составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

Вера в то, что западная модель экономики является единственно правильной, доходила до идолопоклонства. Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины реформы, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Есть православные страны, которые существуют по полторы тысячи лет. — Почему же их экономику нельзя считать нормальной?⁴

Институты, на которых стоят экономики Запада и России, исторически складывались по принципиально разным моделям. Знаток прусского сельского хозяйства Гакстгаузен в 40-х годах XIX века изучал в России доходность хозяйств в Верхнем Поволжье. Он советовал немцам: «Если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе, — лучше всего будет отказаться от него, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги». А вести хозяйство «не так, как на ферме в Центральной Европе», а *как в России*, можно было прекрасно. И помещики были счастливы, получив поместье в наследство.

Нынешний интеллигент — обычно поклонник Столыпина, он и знать не хочет о причинах неудачи реформы Столыпина. Ясно, что никакой разумный человек не будет вести фермерское капиталистическое хозяйство, которое дает ему прибыль 3 руб. с десятины, если крестьянин платил за аренду десятины 16 руб. У Столыпина не было средств, чтобы «оплатить» переход от одного института (крестьянское хозяйство) к другому (фермерство) при таком разрыве в их эффективности.

Но ведь это непонимание мы видим и сегодня. Подобная попытка превратить колхозных крестьян в фермеров привела

⁴ Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска, и в «Вопросах философии» можно было прочесть: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма, и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

к глубокому кризису сельского хозяйства. Средний горожанин и сегодня не может объяснить, почему колхозы и совхозы вполне обходились 11 тракторами на 1000 га пашни, а средневропейская норма для фермеров в 10 раз больше — 110–120 тракторов. Во сколько же обошлась бы в России покупка тракторов, если бы замена колхозов фермерами произошла в полном масштабе? В ценах 2008 года — в 1,3 трлн долл.⁵

Мысль о том, что хозяйство надо отдать в управление иностранному капиталу, также исходила из того, что само экономическое мышление российских управленцев никуда не годится. А.Н. Яковлев сразу поставил вопрос жестко: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье».

Реформаторы приняли к исполнению программу МВФ, которая была разработана, чтобы вышибать долги из слаборазвитых стран за счет приватизации, сокращения социальных расходов и государственных инвестиций. Дж. Грей еще перед началом неолиберальной реформы в России писал: «Будет жаль, если посткоммунистические страны, где политические ставки и цена политических ошибок для населения несравнимо выше, чем в любом западном государстве, станут испытательным полем для идеологий, чья стержневая идея на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ, где условия их применения были куда более благоприятными».

Тезис о том, что «стержневая идея» неолиберальной доктрины МВФ «на практике уже обернулась разрушениями для западных обществ», подтвержден большим массивом исследований американских ученых. Замалчивание их результатов было серьезным нарушением профессиональной этики.

Даже и такой выбор, который был сделан в 1991 году, можно было осуществлять или с большими, или с меньшими травмами. Был выбран самый радикальный вариант — *шоковой терапии*. Она привела к срыву хозяйства. Академик Ю.В. Яременко писал

⁵ На те 134 млн га пашни, которую в норме использовала Россия до реформы, для фермеров надо купить 16 млн тракторов. В 2008 г. средняя цена приобретения трактора в России составляла, по данным Росстата, 2018,0 тыс. руб. или 84 тыс. долл. Значит, нужное число тракторов стоит около 1300 млрд долл.

о недопустимости либерализации сложившейся в СССР системы цен без ее постепенной структурной перестройки: «Из-за колоссальных технологических перепадов изменение структуры цен при переходе к рынку сразу же приведет к разорению целых секторов экономики». Заметим, так и произошло.

Доминирующей тенденцией в хозяйстве стало *проедание капитальных фондов*. Такой хозяйственный порядок допустим для цивилизации только как *аварийная краткосрочная мера*, с целью пережить катастрофу. Надо ясно понимать, что допустимый интервал времени мы почти исчерпали или близки к этому порогу.

Сейчас уже нельзя отрицать, что доктрина реформ содержала ряд фундаментальных ошибок. Каковы изъяны когнитивной структуры бригады политиков Горбачева и Ельцина и их советников? Один из главных — имитация чужих институтов, которые не могли быть ассимилированы ни населением, ни госаппаратом, ни хозяйственными системами России.

Вот, на лекции 11 мая 2004 года выступает *Симон Кордонский* — член одной из *трех интеллектуальных групп, которые замыслили реформу*. Как же он характеризует политиков и экономистов, разрабатывавших доктрину? Кордонский выделяет такую их главную черту: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства — то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность — вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю».

Присутствовавший на лекции Глеб Павловский, который занимался разработкой реформ в плане политики, добавляет: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности не важны для какого-то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее, как часть ее. С моей точки зрения, утверждения докладчика можно интерпретировать так, что собственно реформаторы были людьми, которые согла-

сились действовать, не имея никаких представлений о реальности, но при наличии инструментов для преобразования, изменения того, что есть, особенно в направлении своих мечтательных предположений. Эти люди делали то, что они делали, и погрузили остальных в ситуацию выживания».

Новое поколение политологов должно освоить методы анализа когнитивной структуры политиков, научиться ставить диагноз и предупреждать своих «пациентов» о вероятных провалах. Это — сложная, но необходимая функция.

Приложение

Академик РАН В.М. Полтерович в одной из своих статей на примере экономических преобразований в России в 1990-е годы рассуждает об «институциональных ловушках» — тупиках в развитии, к которым приводит в том числе механическое заимствование инокультурных структур.

История полна неудачными попытками переноса институтов из одной культурной среды в другую. Не случайно экономические механизмы стран, прежде отсталых, но демонстрировавших в последние десятилетия наиболее стремительный рост — Японии, Южной Кореи, Китая, — принципиально отличаются от своих американских и европейских прототипов. Тем более удивительно, что в процессе российских реформ вопрос о совместимости американских институтов (а именно их пытались имитировать) с российской культурной традицией на государственном уровне практически не поднимался. Между тем культурная инерция не могла не оказать влияния на судьбу насильственно внедряемых институциональных инноваций.

Институциональный конфликт — между укоренившимися и внедряемыми нормами — иногда приводит к появлению нежизнеспособных институтов (таких, как закон о банкротстве в период кризиса неплатежей), но в ряде случаев появляются устойчивые, хотя и неэффективные образования-мутанты, являющиеся еще одной формой институциональной ловушки...

«Самое вредное — это вовсе не невежество, а знание чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны». Это изречение, согласно П. Хейне, принадлежит Ф. Найту. В будущей «Памятке для реформаторов» оно должно быть напечатано на первой странице.

При каждом институциональном преобразовании должны быть предприняты усилия по прогнозированию и избежанию возможных институциональных ловушек. Эти усилия должны стать непременной составной частью подготовки к любой реформе.

Одна из главных опасностей для любой реформы — превращение переходных норм в постоянно действующие и неэффективные в долгосрочной перспективе. Протекционистская политика (или дотации отрасли) может быть необходимой на определенном этапе, однако ее следствием может стать неэффективная неконкурентоспособная структура, поддерживаемая соответствующим лобби. Чтобы предотвратить появление институциональных ловушек такого рода, следует с самого начала планировать постепенный демонтаж института, неэффективного в долгосрочной перспективе, — вводимая норма должна быть временной и предусматривать свою собственную автоматическую отмену.

Другой важный универсальный принцип — поддержание разнообразия институциональных форм. Мы не всегда понимаем, какую именно роль играет тот или иной институт в поддержании институционального равновесия, и далеко не всегда умеем спрогнозировать эффективность той или иной нормы в долгосрочной перспективе. Чем богаче «институциональная фауна», тем больше возможностей для выхода из институциональных ловушек.

Отнюдь не любой институт, эффективный в одной культурной среде, способен эффективно функционировать в другой. Необходимо учитывать культурную инерцию и вероятность возникновения институционального конфликта.

Внедрение любой новой конструкции — в том числе и институциональной — требует времени для ее наладки и адаптации. Для институциональных инноваций, затрагивающих интересы миллионов людей, особенно важно иметь проект переходного режима, включая, возможно, создание промежуточных институтов.

* * *

Французский социолог П. Бурдьё подчеркивает важность сохранения автохтонной культурной матрицы как фундамента для привития импортированных, в том числе экономических, институтов.

Между экономическим развитием и развитием автономной культуры существуют разрыв и несоизмеримость (которые, не

всегда приводят к противоречиям). Совсем необязательно, чтобы все общественные сферы развивались в одном ритме с экономикой...

На заре индустриальной революции культурное своеобразие не являлось препятствием для капиталистического развития. Напротив, культурная интегрированность, обеспеченная, на первый взгляд, разнородными практиками, способствовала консолидации общества и нации, которая помогла пережить конфликты и противоречия, связанные со становлением индустриального общества... Культура является инструментом сплоченности, единства. Индустриальная революция стала возможной в значительной степени потому, что имелись сплачивающие силы, которые уравновешивали деструктивные процессы.

(Bourdieu P. Sur l'Etat. Paris, 2013)

Для заметок

ЛЕКЦИЯ 8

Знание власти

Система знания изначально обладает большим разнообразием. В этой системе одной из ключевых областей является то знание, которое *генерируется* властью и *употребляется* властью. Как осуществление *господства* и воспроизводство его ресурсов, так и осуществление властью других ее функций требуют интенсивного движения информации, ее быстрой переработки с превращением в новое знание, синтеза разных его типов для решения новых проблем в условиях большой неопределенности и дефицита времени.

На картах *социодинамики знания* власть предстает как самый крупный сгусток интеллектуальной активности и узел каналов движения потоков знания. Власть использует в своих целях или прямо организует большое число разнообразных «служб», занятых производством и движением знания. В Новое время и сама политическая деятельность власти становится в своей важной части все более организованной в формах знания, причем присутствующих *науке*. На высших уровнях власти почти все посты заполняются людьми, получившими образование научного («университетского») типа, и совещания этих людей устроены по типу «невидимых коллегий» времен Научной революции, а рассуждения построены по канонам рациональности Просвещения.

В публичной политике дискурс власти следует канонам *идеологии*, но и эта сфера знания родственна науке и апеллирует к ней. В моменты острых кризисов картина может измениться, и власть организует спектакли, активизирующие иррациональные установки в людях, но и это опирается на знание, которым обладает власть. Ближайший пример — технологии «цветных революций».

Сказано: «Язык — главное средство господства» (Маркс, Ницше). Но это потому, что в языке, его терминах и понятиях закодировано *знание* людей. Язык является и инструментом *со-знания*, т. е. соединения поступающей в организм человека информации и ее осмысления — превращения в семантическую информацию, в смыслы и знание. Господство над языком — самое наглядное проявление власти над знанием людей и их общностей (общества и народа). Понятно, что государственная политика влияния на систему знаний населения — это большая сложная система¹.

П. Бурдьё писал: «Собственно политическое действие возможно, поскольку у агентов, включенных в социальный мир, есть знание (более или менее адекватное) об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире. Это действие призвано произвести и навязать представления (ментальные, словесные, графические или театральные) о социальном мире, которые были бы способны воздействовать на этот мир, воздействуя на представление о нем у агентов».

Это — общая обстановка во взаимодействии власти и знания. Конкретное содержание знания власти и его социодинамика определяются исторически данными условиями и задачами.

Перечислим кратко главные типы знания, необходимые для выполнения государственной властью своих функций в политике и управлении. Будем говорить об ареале западной культуры, где выработаны основные категории и теории политологии, воспринятые российским обществоведением и теперь — политологией с большей или меньшей степенью адаптации. Культуру Востока мы пока что, к сожалению, знаем совсем мало.

Знание научного типа

Человек возник, по историческим меркам, за очень короткий промежуток времени, как будто был *створен*. Появление разума резко ускорило эволюцию человека. Он сразу стал осознавать мир и себя в нем, создавать *знание*. Первым упорядоченным знанием о мире и обществе было *мифологическое* знание и родственное

¹ Мы видим, какие баталии разыгрываются вокруг реформы школы и Академии наук — главных институтов, формирующих систему знания общества.

ему *художественное*. Потом — более сложное и рациональное — *религиозное*. Накопление опыта, который систематизировался и передавался из поколения в поколение, создавало массив *традиционного* знания. Философия, этика — тоже типы знания.

Вся эта система развивалась на протяжении жизни человечества, и никакой из видов этого знания не был устранен. Система надстраивается, появление новых типов познания увеличивает ее разнообразие.

Но в XVII веке произошла огромная культурная мутация. В Западной Европе, перетекая одна в другую, произошли четыре *революции*. Религиозная революция — протестантская *Реформация* — изменила представления о Боге, о взаимодействии человека с Богом, а значит и человека с человеком. Затем прошла *Научная* революция, которая создала новое представление о мире, в том числе и о человеке. Она дала человеку совершенно новый способ познания — *науку*. Из нее выделилась особая область знания — идеология.

Наука породила новый тип техники — прецизионную машину, которая стала основой промышленного оборудования. Возникла фабрика как *система машин*, произошла *Индустриальная* революция, которая перевернула организацию общества — и производство, и быт, и социальную структуру. Произошли и *политические* (буржуазные) революции, которые оформили все эти изменения как новый общественный строй. Возникло новое, индустриальное общество, названное *современным* (обществом *модерна*).

Уже в ходе Научной революции возник принципиально новый метод познания общества — *научное обществоведение* и *политическая наука*. Прежние способы господства и управления стали неадекватными новой социальной структуре и новой культуре. Опытного традиционного знания было недостаточно, чтобы управлять новым обществом. Новое знание, полученное с помощью новых методов, требовалось *срочно*. Само управление должно было стать *технологией*, основанной на знании научного типа.

Ряд ученых — родоначальников Научной революции — сразу стали применять новый *метод познания* к человеку, обществу и государству, создавать научные модели. Они стали инструмен-

том познания и в то же время — мощным средством легитимации грядущего общественного порядка. Примером служит Гоббс — уже типичный ученый периода Научной революции, с математическим сознанием. Он разработал модель человека, нового общества и государства. На основе модели человека как *атома* был развит целый подход к объяснению человека и общества — *методологический индивидуализм*, который и до сих пор применяется в западном обществоведении. Как инструмент познания конкретного общества, модель Гоббса эффективно выполнила свои функции, несмотря на то, что аллегория атома в принципе неверна.

Исходя из концепции человека-атома, Локк создал учение об обществе. Его модель *гражданского общества* была эффективной и в идеологии, и в управлении обществом — человек Запада ее принимал.

Для становления этих начал научной политологии были важные предпосылки. В античной философии Древней Греции и Рима уже с IV века до н. э. имелись обществоведческие тексты *протонаучного* типа. «Афинская полития» Аристотеля — это политологические трактаты об обществе, государстве и власти, которые и сегодня воспринимаются как вполне современные. Фундаментальным трудом был «Свод гражданского права» византийского императора Юстиниана (середина VI века). Главная его часть была издана в 50-ти томах. Античная философия, политология и право вошли в культуру и даже в массовое сознание Запада.

Однако появление науки — качественное изменение, разрыв непрерывности. Наука возникла в ходе *развода* знания и ценностей. Ценности были оставлены философии и религии, а наука говорит о том, «*что есть*», не указывая, «*как должно быть*». Иногда она может лишь предупредить: если поступишь так-то и так-то, будет то-то и то-то. Наука дает *объективное* знание, независимо от любви или ненависти исследователя к предмету познания. Иными словами, научное знание не позволяет определить, что есть добро, а что зло — такое знание *беспристрастно*.

Но уже в момент зарождения науки встал вопрос об отношении ее к иным формам знания. Вопрос этот стоял в двух плоскостях: является ли знание, не отвечающее критериям научности,

полезным ресурсом для самой науки? Должна ли наука мирно сосуществовать с ненаучным знанием?

Лейбниц в полемике с Декартом напомнил, что Евклид иногда отказывался от доказательства. Если бы он откладывал разработку теорем и проблем до тех пор, пока все аксиомы не будут доказаны, то геометрии не было бы еще и сегодня. Поэтому отказ от доказательства, нарушение наиболее строгих требований — это условие прогресса в познании. Это значит, что научное ядро знания не может существовать без обширной периферии, состоящей из правдоподобных допущений, которые принимаются на веру на основании интуиции и опыта. Политология нуждается в такой периферии гораздо больше, чем геометрия.

Вывод: важна целостная система знания, обладающая разнообразием когнитивных инструментов.

Научное знание и этика

Невозможность «уловить» ценности научным методом — едва ли не важнейший вывод философии науки. Но поскольку наука завоевала очень высокий авторитет, все политические силы активно привлекают ученых для поддержки именно *ценностных* суждений. Перестройка в СССР дала для этого красноречивые свидетельства — тогда узурпация авторитета науки идеологами породила острый конфликт в среде интеллигенции, вплоть до распада профессиональных сообществ.

Виднейшие философы рационализма подчеркивают, что научное знание никак не может иметь «решающего значения» для жизни общества. Оно занимает в этой жизни свое очень важное, но ограниченное место. Продолжая мысль Канта и Шопенгауэра, Витгенштейн писал: «Мы чувствуем, что даже если даны ответы на все возможные научные вопросы, то наши жизненные проблемы еще даже и не затронуты».

Проблемы политики не являются ценностно нейтральными и не укладываются в формализуемые модели, предлагаемые теориями. Подход к политическим проблемам с чисто научным мышлением может иметь катастрофические последствия. Политология не должна быть «слишком научной».

В. Гейзенберг подчеркивает важную мысль: нигилизм, т. е. резкое снижение статуса этических ценностей, может привести не только к рассыпанию общества, беспорядочному броуновскому движению потерявших ориентиры людей. Результатом может быть и *соединение* масс общей волей, направленной на безумные цели. Ценностный хаос преобразуется «странными» аттракторами в патологический порядок.

А. Бовин, бывший помощником и Брежнева, и Горбачева, в книге-манифесте «Иного не дано» (1988) высказал важную мысль: «Бесспорны некоторые методологические характеристики нового политического мышления, которые с очевидностью выявляют его тождественность с научным мышлением».

Но для государственного деятеля это звучит как страшное обвинение. Научное мышление автономно по отношению к этическим ценностям, а мышление политика должно быть неразрывно связано с проблемой выбора между добром и злом. Он исходит из знания о *человеческих* проблемах. К ним нельзя подходить, отбросив этические ценности. Без них нельзя получить и достоверное знание о предмете.

Однако *этический нигилизм*, игнорирование ограничений, «записанных» на языке нравственных ценностей, было сознательной установкой реформаторов. Депутат и в прошлом работник ЦК КПСС, академик Н.П. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, — безнравственно и, наоборот, что эффективно — то нравственно». Здесь соподчинение фундаментальных категорий — *эффективности* и *нравственности* — вывернуто наизнанку.

Эта дискриминация этики привела к глубокому кризису.

Традиционное и обыденное знание, здравый смысл

Основной массив знаний, необходимых для управления обществом и для конструирования новых социальных форм, по своему типу долгое время относился к *традиционному* знанию, накапливаемому чиновниками, правителями, военачальниками. Однако существенная часть этого знания к XVII веку уже относилась к протонаучному знанию, готовому к совмещению с тре-

бованиями *научной* рациональности. В период Возрождения публиковались труды, в которых систематизировалось знание о политике, начиная с античных философов (например, «Государь» Макиавелли).

Уже в ходе Научной революции ее идеологи отмежевались от *традиции*, от всего корпуса накопленного в ней и выраженного на ее языке знания. Если по отношению к этическим ценностям Научная революция означала *разделение* («развод» между наукой и религией, в ведении которой и оставались моральные ценности), то традиционное знание *подавлялось* как пережиток.

Наука в принципе не может «оторваться» от традиционного знания. Именно длительный опыт жизни в обществе и государстве, формализованный в традиционном знании — обычаях, преданиях, обычном праве и пр., — является для политолога мотиватором и источником его гипотез, задает «повестку дня» его размышлений и проектов. Объем «научно организованных» наблюдений за политикой и общественной жизнью ничтожен по сравнению с тысячелетними непрерывными наблюдениями и размышлениями всего человечества.

Важные рассуждения Вебера о протестантской этике опираются на рассказы сельских хозяев, три века с удивлением наблюдавших за различным поведением жнецов-католиков и жнецов-протестантов. Эти рассказы — свидетельства вдумчивых исследователей, работающих в сфере традиционного знания.

Если бы декларируемый картезианской наукой отказ от традиционного знания был бы действительно реализован, это означало бы катастрофический регресс всей мировой цивилизации, включая Запад. Образованные люди, находясь в «поле» всего накопленного человечеством знания, очень часто просто не могут его оценить. Следуя наивному евроцентризму, они преувеличивают значение той научной и технологической революции, которая началась всего четыре века назад (а некоторые вообще мыслят современный фонд знания как созданный за последние полвека).

Что потеряла система знания, вытеснив на интеллектуальную обочину традиционное знание? Это — один из важных и актуальных вопросов и методологии науки, и общей культурологии.

Вот пример. В течение длительного времени научное мышление опиралось на *механистический детерминизм* — представле-

ние, что мир, общество и государство — это машины, которые действуют по законам, поддающимся познанию и выражению на математическом языке. Центральной догмой этого представления была идея *равновесия* и *стабильности* машины, предсказуемости ее поведения через выявление причинно-следственных связей. Эти идеи были положены в основу и многих фундаментальных моделей, которые восприняты культурой Запада и стали «руководством к действию» (например, модель рыночной экономики или Конституция США, в которые буквально перенесена ньютоновская модель мироздания). Как выразился И. Пригожин, «понятие нестабильности было, в некоем смысле, идеологически запрещено».

Здесь — один из корней конфликта науки с традиционным знанием, ибо последнее изначально представляет мир как борьбу *порядка* и *хаоса*. Это — сложное представление, альтернативное механистическому детерминизму. Издержки такого ограничения, конечно, не ускользали от внимания ученых-мыслителей. Его результатом стала нечувствительность рационального научного сознания к нестабильности, кризисам, хаосу. Сильнее всего это ударило по обществоведению, особенно политологии.

Уайтхед в последней своей книге «Способы мышления» (1938) пишет: «Понятие безусловной стабильности определенных законов природы, а также определенных моральных кодексов представляет собой главную иллюзию, принесшую немало вреда философии. ... Нет оснований считать, что порядок более фундаментален, чем беспорядок».

Переживая в России тяжелый кризис, мы видим неспособность политологии представить его как одну из неизбежных форм бытия — он трактуется как аномалия, которую надо как-то пережить, но которая не поддается нашему разумному контролю. Недаром российские политики уподобляют последнее обострение кризиса «стихийному явлению».

И все же все культуры, включая Запад, выработали свои формы сочетания науки со своим традиционным знанием. Хотя на Западе в Новое время научный рационализм в системе знания был объявлен суверенным господином, под этим ритуалом скрывалось сосуществование — но с дискриминацией. Однако экспансия Запада в другие культуры при модернизации создава-

ла и создает серьезную угрозу местным, самобытным способам взаимодействия рационального и традиционного знания.

Эта проблема актуальна сегодня в России и других постсоветских республиках. Причина в том, что очень большая часть того знания, на базе которого строились политические институты Российской империи и затем СССР, относится к категории *традиционного*. Оно плохо оформлено и часто не было адекватным образом переведено на язык современных теорий западной науки. Самым драматическим образом это проявилось во время реформы 90-х годов, когда шло разрушение структур, принцип действия которых не был вполне понят и был совершенно неизвестен западным экспертам.

Об этом с горечью сказал либеральный философ Джон Грей: «Приоритет культурной традиции в политической жизни — вот истина, которую забыли или постарались забыть все те, кто думает, будто бывшие коммунистические страны должны или могут следовать некоему западному образцу».

К традиционному знанию примыкает особый тип знания, которое вырабатывается *обыденным сознанием*. Оно «записано» на естественном бытовом языке, хранится обычно в виде расхожих выражений и штампов, умозаключения делаются в виде коротких цепочек с упрощенной логикой. Это знание систематизируется и совершенствуется в рамках *здорового смысла*, более развитой и строгой части обыденного сознания.

Здравый смысл консервативен, он не настроен на выработку блестящих оригинальных решений, но надежно предохраняет против *наихудших* решений. Этот консерватизм и осмотрительность и ставятся в вину здоровому смыслу. Действительно, здравый смысл может подавлять дух новаторства, он слишком *уважает историю*. Интеллектуалы Возрождения первыми провозгласили ценность *неопределенности* и отвергли «цензуру» опыта и традиции.

Однако именно в рамках здорового смысла добывается, систематизируется и распространяется самый большой массив знания, которым пользуется человечество. Этот массив взаимодействует с другими массивами знания и перекрывается с ними. При этом наблюдаются и синергический, кооперативный эффект, и конфликты.

В реальной жизни люди, особенно в момент выработки срочных решений, не имеют времени, чтобы делать сложные многоступенчатые умозаключения по большинству вопросов. Они пользуются *здравым смыслом*. Это — инструмент рационального сознания, который, однако, действует иначе, нежели *научная рациональность*. Он служит главным подспорьем логическим рассуждениям и умозаключениям. Речь идет об интеллектуальном инструменте, никак не менее важном, чем научное мышление. Более того, само научное знание становится социально значимой силой только при наличии массовой поддержки здравого смысла. И когда научное мышление стало теснить и принижать здравый смысл, в его защиту выступили философы разных направлений (например, такие как А. Бергсон и А. Грамши).

К несчастью, в обществоведении, которое формировалось в парадигме Научной революции, здравый смысл отрицался как *антипод* рационального сознания идеального индивида, как продукт местных условий, предопределяющих групповую идентичность той или иной «общины». Рационализм Научной революции следовал идеалу универсализма и видел в особенностях местных культур фильтр, отделяющий здравый смысл от достоверного знания. От этого сильнее всего пострадали именно «местные» культуры, воспринявшие с западным образованием эти догмы.

Исходя из этих представлений модерна, резко отрицательную позицию по отношению к здравому смыслу занял Маркс. В системе общественного сознания обыденное сознание у него определенно предстает как *ложное*. Его программа декларирована как «*восстание против господства мыслей*», порожденных обыденным сознанием. Это имело фатальные последствия для системы знания Советского государства. На первых этапах власть и аппарат Советского государства в большой мере опирались на здравый смысл, опыт и традиционное знание. Однако, начиная с 1960-х годов, в подготовке кадров стало превалировать отношение к здравому смыслу, следующее установкам западных идеологов позитивной науки и Маркса. Это кончилось признанием Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем».

Во время перестройки властная команда стала принципиально отвергать рациональные доводы здравого смысла, исходящие

из опыта и традиционного знания. При отсутствии научного теоретического знания об объекте реформирования (Советского государства и хозяйства) это привело к глубокому кризису. В условиях кризиса, когда рушатся догмы и стереотипы, подрываются нормы строгого логического мышления, здравый смысл с его консерватизмом и простыми однозначными понятиями начинает играть исключительно важную стабилизирующую роль. Но этот стабилизатор из знания власти был выброшен.

Художественное знание

Очень коротко скажем о знании, систематизированном и «записанном» в художественных образах. Оно соединяет воображение, эмоциональную сферу и рациональное мышление. Необходимым элементом является знание, с древних времен накопленное в особой отрасли «духовного производства» — устных сказаниях и литературе. С зарождения систематизированного знания и рефлексии над ним литературный текст был способом фиксации и передачи этого знания, а создание такого текста — важным этапом познавательного процесса.

Художественное восприятие настолько сильно и ярко, что часто противостоит рациональному мышлению и расчету. Вспомним горькие слова В.В. Розанова о крахе монархии: «Приказ № 1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже 3/4 века к нему не подготовляла вся русская литература... Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература».

Многие проблемы политики были представлены, почти на уровне научных моделей, в художественных формах (вспомним трагедии Шекспира, романы Достоевского). Таким образом, драмы и театр становятся лабораторией для проведения мысленных экспериментов. Театр позволяет «проигрывать» в особом пространстве сцены прошлые и будущие политические конфликты и драмы, а реальные политики часто превращают реальные драмы в спектакль на площади — с режиссурой, декорациями и ряжеными (вот только кровь льется настоящая!). Театр сыграл важную роль и в развитии русской революции, и в становлении

фашизма и — не меньшую — в зарождении антифашистского движения. Очень активным был «анти-институциональный театр», подрывающий общественные институты; в подготовке перестройки и «бархатных» революций — это большая глава в истории культуры.

Стихи, песни, живопись — мощные инструменты политики. Они или укрепляют легитимность власти, или ее подрывают. Соответственно, власть и сама должна *знать*, что пишут поэты и композиторы, кто их читает и кто поет их песни. Так выявляется структура отношений эмпатии или отчуждения и вражды между властью и социокультурными группами. Исходя из этого вырабатываются доктрины культурной и информационной политики государства.

Познание мира политического через художественные образы приобретает особое значение при наступлении *постмодерна*, с его совершенно новыми, непривычными этическими и эстетическими нормами, новыми концепциями воздействия на общественное сознание. Постмодернизм — это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», «апофеоз беспочвенности». Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Речь идет о важном сдвиге в культуре, о стирании грани между жизнью и спектаклем, о придании самой жизни черт карнавала, условности и зыбкости. Сегодня эти культурологические открытия делают политической технологией. Этот переход накладывается на более широкий фон *антимодерна* — отрицания норм рационального сознания, норм Просвещения, архаизации мышления. Это — постоянные разрывы непрерывности. Художественными средствами создается культурный шок, который эффективно используется в политике, исходя из научного знания об обществе, находящемся в этом аномальном состоянии. Можно вспомнить политические последствия «путча ГКЧП» или атаки на небоскребы в Нью-Йорке в 2001 году.

Одним из тех, кто заложил основы новой политологии, включающей художественное воображение в систему знания, был Грамши. Недаром его имя называют в одном ряду с имена-

ми М. Бахтина в культурологии, М. Фуко и других новаторов — в философии. Грамши — один из первых философов, которые почувствовали новую научную картину мира и перенесли ее главный дух в науку о политике.

Религиозное знание

Имеется в виду не богословие, а то знание о власти и народе, которое накапливалось жрецами и священниками и оформлялось в виде церковных текстов и преданий. В Средние века основной формой общественного сознания была *религиозная*. Рациональная форма знания была сопряжена с религиозными представлениями, в лоне этого мировоззрения и вырабатывались инструменты познания.

Вселенские соборы и диспуты с еретиками, организация монастырей и школ, хозяйственные отчеты управляющих поместьями религиозных (и рыцарских) орденов, разработка больших программ типа Крестовых походов — все это было насыщено проблематикой, которую мы сегодня отнесли бы к политологии. В Средние века схоласты в монастырях и университетах вырабатывали нормы и методы дискуссий, способы постановки задач и средства умозаключений. Они выполняли исключительно трудоемкую работу по созданию познавательных средств, которые были бы приложимы к реальности общества. Масштабы этой интеллектуальной работы были, по меркам того времени, очень и очень велики.

Для нас важно помнить условия, которые уже с конца IV века стали разводить пути развития Восточной и Западной частей Римской империи, в том числе в сфере государства и политики. В Византии сложилась крепкая светская власть императора в единстве с церковью, а на западе с трудом поддерживалось равновесие между христианской и языческой частью общества при постоянных угрозах со стороны варваров.

Е.Н. Трубецкой пишет в своем труде об Августине: «Атомарный индивидуализм разлагающегося общества в то время уже сливается с индивидуализмом пришлых германских элементов, прорвавшихся в империю. Расшатанный до основания государственный порядок уже не в состоянии сдержать анархиче-

ского произвола, и церковь одна стоит против индивидуализированной личности с ее стремлением к безграничной свободе и ненасытной жадой жизни. Привыкшая к разносторонней практической деятельности — не только духовной, но и мирской, — церковь мало-помалу проникается элементами античной культуры, насыщается государственными идеями Древнего Рима. Ее епископы являются представителями не только духовной власти, но и светских преданий, юридических и административных. Ее духовенство вступает в Средние века уже подготовленное долгим опытом в управлении и господстве над людьми, и пастыри ее могли быть для варваров не только наставниками в вере, но и учителями права».

Августин выразил драму общества в момент мировоззренческого и социального сдвига — от языческой древности к христианскому Средневековью и от рабства к новому жизнеустройству. Его «Исповедь» актуальна для нас и для нашей власти.

Религиозное знание стоит на особой системе *постулатов* и *догм*, а также на развитой *логике*, которая позволяет, исходя из постулатов и догм, делать умозаключения, привлекая доводы из реальной жизни. Эти умозрительные выводы являются следствием *теоретизирования* — деятельности в сфере знания, в которой вера остается «за скобками», будучи включенной в постулаты. Насколько сложна эта логика и применяется в рассуждениях мера, видно из того, как часто приходилось созывать совещания и собрания, чтобы обсудить расхождения и согласовать выводы.

Результатом религиозного теоретизирования и согласования выводов становится целостная и достаточно непротиворечивая *картина мира*, которая наполняет смыслом жизнь верующих и консолидирует общество, легитимируя его жизнеустройство и задавая нравственные нормы и основания для права. Частью религиозного знания является *универсум символов*, который упорядочивает историю народа и страны, связывает прошлое, настоящее и будущее. Он служит опорой для коллективной исторической памяти, соединяет поколения. Через него люди ощущают связь с предками и потомками, что помогает человеку принять мысль о своей личной смерти.

Разумеется, религиозное знание, постулаты которого основаны на вере, отличается от знания, выработанного наукой опыт-

ным путем, но это не лишает его признаков *знания*. Оно создавалось, воспринимая многие интеллектуальные инструменты и средства рационального мышления (понятия, логику, меру и пр.) из более ранних систем знания — например, античной философии и математики. В свою очередь, христианская схоластика и религиозная философия внесли важный вклад в методы работы с понятиями и другими абстрактными объектами.

Континуум знания заключен между двумя пределами — наукой и религией. Гейзенберг приводит суждение физика В. Паули «о двух пограничных представлениях, которые оказались исключительно плодотворными в истории человеческой мысли, хотя ни одному из них ничего в реальной действительности не соответствует. ... Где-то посередине между этими двумя пограничными представлениями движется наша мысль; наш долг выдерживать напряжение, исходящее от этих противоположностей».

Антирелигиозная пропаганда позитивистов игнорировала тот важнейший факт, что именно развитое религиозное знание стало фундаментом для *рационализации* мировоззрения. Внутренняя логика развития основных религиозных идей и была логикой рационализации, что показал М. Вебер. Независимо от внутренних задач религии, «картины мира, которые создаются в ходе логического саморазвития основополагающих религиозных идей, воспринимаются *мирянами* как *системы координат*, позволяющих определять основные направления их жизнедеятельности, ее важнейшие цели».

Академик В.И. Вернадский, крупнейший философ и ученый, так высказался в 1920-е годы относительно этой темы: «И философская мысль, и религиозное творчество, общественная жизнь и создание искусства теснейшими и неразрывными узами связаны с научным мировоззрением. Вглядываясь и вдумываясь в ту сложную мозаику, какую представляет научное мировоззрение нашего времени, трудно решить, что из него должно быть поставлено в счет чуждым научной мысли областям человеческой личности и что является чистым плодом научного мышления».

Религиозные философы и Отцы Церкви выработали важные разделы знания, необходимого для *государственной власти и политики*. Это — срез обществоведения, знание о людях, их со-

обществах и способах убеждения и внушения с целью добиться согласия с властью, укрепить или подорвать ее авторитет.

Как пример можно назвать ключевую для власти функцию создания *образа будущего*. Это сложная задача социального проектирования, соединяющая способы исторического анализа (рефлексии), изучения настоящего и предвидения возможных вариантов будущего. Для решения этой задачи необходим поток сообщений особого типа — *Откровения*.

Познавательные ресурсы власти резко обедняются, если в ее интеллектуальном оснащении один тип знания (научный) подавляет или загоняет на обочину знание религиозное. Такой болезненный опыт государство получило в советский период с конца 1950-х годов, когда под давлением официальной идеологии каналы циркуляции религиозного знания были блокированы.

Дж. Кейнс, работавший в 1920-е годы в России, отмечал: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса». Позже немецкий историк В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» писал: «Дефицит религиозности даже в религиозных системах — признак современной Европы. Религиозность в материалистической системе — признак советской России».

В результате конфликта между официальной идеологией Советского государства и той системой знания, которая была адекватна его мировоззренческой основе, возникла раздвоенность, во многом предопределившая «незнание общества, в котором живем» и кризис государственности 80-х годов.

Но сегодня, в преддверии глубокой трансформации структур индустриальной цивилизации, надо преодолеть устаревшие догмы и отбросить оружие старых конфликтов. Надо взвешивать в важное предупреждение Гейзенберга: «Естествознание стремится придать своим понятиям объективное значение. Наоборот, религиозный язык призван как раз избежать раскола мира на объективную и субъективную стороны; в самом деле, кто может утверждать, что объективная сторона более реальна, чем субъективная? Нам не пристало поэтому перепутывать между собой эти два языка, мы обязаны мыслить тоньше, чем было принято до сих пор».

Приложение

Приведем несколько замечаний Анри Бергсона о здравом смысле. В 1895 году он говорил, выступая перед студентами — победителями университетского конкурса.

(Из публикации «А. Бергсон. Здравый смысл и классическое образование» / Вопросы философии. 1990. № 1).

Повседневная жизнь требует от каждого из нас решений столь же ясных, сколь быстрых. Всякий значимый поступок завершает собою длинную цепочку доводов и условий, а затем раскрывается в своих следствиях, ставящих нас в такую же зависимость от него, в какой находился он от нас. Однако обычно он не признает ни колебаний, ни промедлений; нужно принять решение, поняв целое и не учитывая всех деталей. Тогда-то мы и взываем к здравому смыслу, чтобы устранить сомнения и преодолеть преграду. Итак, возможно, что здравый смысл в практической жизни — то же, что гений в науках и искусстве...

Сближаясь с инстинктом быстротой решений и непосредственностью природы, здравый смысл противостоит ему разнообразием методов, гибкостью формы и тем ревнивым надзором, который он над нами устанавливает, оберегая нас от интеллектуального автоматизма. Он сходен с наукой своими поисками реального и упорством в стремлении не отступать от фактов, но отличен от нее родом истины, которой добивается; ибо он направлен не к универсальной истине, как наука, но к истине сегодняшнего дня...

Я вижу в здравом смысле внутреннюю энергию интеллекта, который постоянно одолевает себя, устраняя уже готовые идеи и освобождая место новым, и с неослабевающим вниманием следует реальности. Я вижу в нем также интеллектуальный свет от морального горения, верность идей, сформированных чувством справедливости, наконец, выпрямленный характером дух... Посмотрите, как решает он великие философские проблемы, и вы увидите, что его решение социально полезно, оно проясняет формулировку сути вопроса и благоприятствует действию.

Кажется, что в спекулятивной области здравый смысл вызывает к воле, а в практической — к разуму.

* * *

Антонио Грамши причислял здравый смысл к разновидности рационального мышления. Он писал в «Тюремных тетрадах»:

«В чем же именно заключается ценность того, что принято называть “обыденным сознанием” или “здравым смыслом”? Не только в том, что обыденное сознание, пусть даже не признавая того открыто, пользуется принципом причинности, но и в гораздо более ограниченном по своему значению факте — в том, что обыденное сознание в ряде суждений устанавливает ясную, простую и доступную причину, не позволяя никаким метафизическим, псевдоглубокомысленным, псевдоученым и т. д. ухищрениям и премудростям совлечь себя с пути. “Обыденное сознание” не могли не превозносить в XVII и XVIII веках, когда люди стали восставать против принципа авторитета, представленного Библией и Аристотелем; в самом деле, люди открыли, что в «обыденном сознании» имеется известная доза “экспериментализма” и непосредственного, пусть даже эмпирического и ограниченно-го, наблюдения действительности.

В этом и поныне продолжают видеть ценность обыденного сознания, хотя положение изменилось и реальная ценность сегодняшнего “обыденного сознания” значительно снизилась».

(А. Грамши. Тюремные тетради. Часть I. М.: Изд-во политической литературы. 1991. С. 48)

* * *

Лев Шестов требует освобождения от всяких «догм», от устоявшихся обыденных («анонимных») представлений. Для него неприемлемо то соединение знания и понимания, которого ищет здравый смысл, он считает эти категории несовместимыми:

«Стремление понять людей, жизнь и мир мешает нам узнать все это. Ибо познать и понять — два понятия, имеющие не только неодинаковое, но прямо противоположное значение, хотя их

часто употребляют как равнозначные, чуть ли не как синонимы. Мы считаем, что поняли какое-нибудь новое явление, когда включили его в связь прочих, прежде известных. И так как все наши умственные стремления сводятся к тому, чтобы понять мир, то мы отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современного мировоззрения. ... А потому перестанем огорчаться разногласиями наших суждений и пожелаем, чтоб в будущем их было как можно больше. Истины нет — остается предположить, что она в переменчивых человеческих вкусах».

(Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 174)

Для заметок

ЛЕКЦИЯ 9

Легитимность

Стабильность власти не может быть обеспечена только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для нее необходима *вера* в законность власти. Никколо Макиавелли — политик и мыслитель Возрождения (XV–XVI вв.) — первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на *силе и согласии* (эта концепция получила название «макиавеллиевский кентавр»). Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию активного благожелательного *согласия* подданных.

Прежде всего уточним понятия. *Легитимность* — это и есть то согласие подданных или граждан, которое имел в виду Макиавелли. Это состояние есть *представление* людей о власти, оно, как говорят, «присутствует в сознании граждан». Власть может его только заслужить или, на короткое время, внушить обманом; принудить к нему невозможно. *Легитимность* — это признание *населением* права власти принимать решения, которые граждане должны выполнять. Иными словами, именно *граждане* наделяют государственную власть *легитимностью* — или «забирают» ее обратно.

Вот пара определений понятия *легитимность*. Это — «способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества».

Это — «убеждение в том, что несмотря на все их промахи и недостатки, существующие политические институты являются наилучшими, нежели какие-либо другие, которые могли бы быть установлены и которым следовало бы в результате подчиняться».

Очень часто — а в наше время сплошь и рядом — термином *легитимность* подменяют связанное с ней, но принципиально иное понятие *легальность*. *Законность* (легальность) власти есть ее формальное соответствие законам страны, прежде всего — конституции. А легитимность не отражается в законе. Легальность устанавливают сами институты власти (парламент, центральная избирательная комиссия или конституционный суд). Примеры таких решений нам известны — вспомним хотя бы импичменты президентам. Но формально законная власть еще должна приобрести легитимность, обеспечить свою легитимизацию, т. е. «превращение власти в *авторитет*». И этот приговор выносят не институты власти, а совокупность населяющих страну людей — в их «молекулярном» низовом плебисците — как «мнение народное». Правда, обвинительный приговор редко удается привести в исполнение быстро.

Эта проблема легитимизации власти как ее задачи и функции возникла в Новое время (*модерн*), в процессе становления *гражданского общества* и *национального государства*. В традиционном обществе власть монарха формально легитимировала церковь, уполномоченная толковать Божественное Откровение. Она удостоверяла статус короля как «помазанника Божия», и большую роль в признании его власти играла *вера*, а аргументы, идущие от разума, даже признавались неуместными. Впрочем, и рациональный расчет подсказывал, что стабильность порядка в традиционном обществе была большой ценностью — периодические смуты это наглядно подтверждали. После них население начинало даже *любить* ту силу, которая была способна восстановить государственную власть и порядок.

Таким образом, будем считать, что легитимность — это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во *благо народу* и обеспечивает *спасение страны*, что эта власть сохраняет главные ее *ценности*. Такую власть уважают (разумом), а многие и любят (сердцем), хотя при всякой власти у каждого отдельного человека есть основания для недовольства и обид.

М. Вебер различал три чистых модели легитимности:

— традиционная, обоснованная Откровением высших сил или традицией;

- харизматическая, основанная на культе лидера;
- рационально-легальная (бюрократическая), обоснованная эффективностью государственных институтов.

Современные политологи часто определяют политические системы стран «третьего мира» как «авторитарно-бюрократические». Однако проблема легитимизации власти здесь обычно еще не стала злободневной — политический режим воспринимается большинством населения как нечто естественное. В крайне бедных странах понятие легитимности режима «лишено смысла».

Считается, что традиционная и харизматическая легитимность присущи авторитарным режимам, а в демократических современных государствах власть обеспечивает себе легитимность рационально-правового и бюрократического типа. Но в реальности чистые модели не встречаются. Политика авторитарных режимов бывает в высшей степени рациональной и эффективной, а в общепризнанных демократиях огромную роль играет харизматический лидер. Даже в традиционных монархических режимах есть компонента рационально-легальной легитимности.

Французский социолог М. Доган в своем обзоре типов легитимности разных режимов даже предупреждает: «Применение понятия *харизма* к такому тирану, как Сталин, боготворимому партией-государством, является для большинства людей ошибкой социологической интерпретации». Действительно, культ Сталина возник в тот недолгий период, когда политика и эффективность власти отвечали идеалам и жизненным интересам подавляющего большинства населения, которому угрожали мощные силы.

Строго говоря, в классификации Вебера одним термином обозначается результат разных процессов, а в приложении к разным обществам — и разные состояния общества и власти. Приведенная выше пара современных определений легитимности описывают исключительно третью модель Вебера — рационально-легальную легитимность.

В современных работах, посвященных легитимности, нередки предупреждения такого типа: «Такие понятия, как власть, легитимность, доверие, эффективность не наполнены одинаковым смыслом в Лондоне и Джакарте, в Вашингтоне и Каире. Стремление заключить эти понятия в формулу, обладающую всеобщей

значимостью, несомненно, изобличает грехи западного этноцентризма».

В каждом отдельном конкретном случае легитимность формируется с опорой на все наличные ресурсы. Сравнительно недавно, на рубеже XX века, папа Лев XIII в своей энциклике напомнил католикам всего мира, что «власть тех, кто правит, будучи выражением власти Бога на земле, приобретает особое достоинство, стоящее выше человеческого». Это была существенная поддержка традиционной легитимности власти во многих странах, включая современные государства Западной Европы.

Вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится *бессильной*. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда. Так произошло в феврале 1917 года с российской монархией, так же произошло в октябре 1917 года с Временным правительством. Никого тогда не волновал вопрос *законности* его формирования — Временное правительство не завоевало авторитета и не приобрело *легитимности*. Его попросили «очистить помещение», и в тот вечер даже театры в Петрограде не прервали спектаклей. На наших глазах за три года утратил легитимность режим Горбачева — и три человека собрались где-то в лесу и ликвидировали СССР.

Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность — она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить именно тогда, когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными.

Сейчас не будем углубляться в прошлое и вспоминать, как завоевала легитимность советская власть (как теперь говорят, возникшая в результате «октябрьского переворота»). Хотя было бы полезно. Один штрих: вопреки расхожему мнению, продразверстка укрепила авторитет большевиков среди крестьян. Крестьяне, как пишет американский историк продразверстки Л.Т. Ли (1990), «поняли, что политическая реконструкция [восстановление государства] — это главное, что необходимо для прекращения смутного времени, и что большевики — это единственный серьезный претендент на суверенную власть».

Угроза новой смуты, созданная внутривластным расколом в 20-е годы после смерти Ленина, заставила массы поддерживать (и «полюбить») Сталина, который эту угрозу устранил жестокими средствами. За что люди оценили Путина? За то, что он подморозил разгул «лихих девяностых», завел Великий поход ельцинизма в бюрократическое болото. Болезнь не вылечили, но температуру сбили, и это немало — мы получили резерв времени.

Осваивая смысл понятия легитимности, необходимо принимать во внимание и близкие понятия — *доверие*, *популярность* и *эффективность* власти. Все они частично перекрываются с легитимностью, но не сливаются с нею. Например, непопулярность правительства не означает его нелегитимности. Политологи предупреждают: «Опросы общественного мнения с большей легкостью оценивают явления, схожие с легитимностью, нежели саму легитимность». Чаще всего опросы фиксируют степень доверия и популярности власти, но СМИ пытаются представить их как показатели легитимности.

Полезным индикатором уровня легитимности является *эмпатия* — состояние, при котором социальные акторы идентифицируют себя с политическими лидерами и программами, социальными и политическими институтами. Это социальное самочувствие, которое носит позитивный и конструктивный характер. Степень эмпатии оценивается при социологических опросах.

Очевидно, что в гетерогенном обществе невозможно достичь состояния, при котором все население считало бы существующий режим полностью легитимным. Вот вывод сравнительного исследования степени легитимности современных государств (1988): «Легитимность простирается от всеобщего одобрения до полного отрицания. От согласия с нею и ее одобрения до ее упадка, разрушения и полного краха... Ни один из политических режимов не является легитимным для всех 100% населения, во всех областях его действия, или навечно, но, по-видимому, очень немногие из них являются полностью нелегитимными, построенными исключительно на насилии».

В современных государствах *абсолютное большинство* населения видит многочисленные изъяны в политической системе, при этом режим обладает надежной легитимностью.

Кратко коснемся проблемы эмпирического измерения уровня легитимности. В нее полезно вникнуть и нашим политикам, и особенно молодежи, которая легко принимает желаемое за действительное. В своем обзоре М. Доган приводит методiku, по которой в разных странах регулярно оценивают степень легитимности. Гражданам задают вопрос, предлагающий выбрать один из трех ответов, отражающих мнение о легитимности:

а) «Я признаю существующие законы и современную систему правления»;

б) «Я вижу много недостатков в нашей системе правления, но я верю в возможность постепенного совершенствования существующего режима»;

в) «Я полностью отвергаю законы, нашу систему правления и наше общество и вижу единственное решение в полном социальном изменении».

Как пишет М. Доган, первый ответ предполагает существование веры в легитимность режима. Второй свидетельствует о наличии убеждения в том, что несмотря на все его недостатки, существующий режим является лучшим из возможных и, кроме того, поддается совершенствованию. Третий ответ указывает на то, что существующий режим воспринимается как нелегитимный.

В большинстве стран пропорция граждан, выбравших в 1981 году третий ответ, была невелика: 9% — в США, 3% — в Германии, 7% — в Канаде, 10% — в Австралии. В отдельных странах пропорция таких граждан была относительно велика: во Франции она составила 26%, в Великобритании — 24%, а в Индии достигла такого уровня (41%), который ставит легитимность под сомнение.

Мы видим, что когда даже почти половина населения на словах категорически отвергает политический режим и социальную систему, кризис легитимности еще не вызывает краха политического режима.

М. Доган поясняет: «Враждебность, испытываемая к партии, находящейся у власти, вполне совместима с верой в мудрость режима. Даже случайное нарушение какой-либо конституционной нормы не подрывает легитимности политической системы. Что утрачивается в данной ситуации, так это **доверие** к конкретному институту или же к тем, кто его представляет...

Уровень доверия к институтам не следует смешивать с тем количеством людей, которые одобряют или не одобряют то, каким способом правительство решает различные возникающие проблемы: жилья, безработицы, школьного обучения, налогов, социального обеспечения, пенсий и т. д. Большинство граждан может быть неудовлетворено тем, как правительство руководит страной, и считать, что его политика не является справедливой. Но подобные мнения вовсе не предполагают делегитимации существующих институтов власти. Они лишь указывают на отсутствие **доверия** к людям, которые находятся у руля... Недоверие по отношению к руководителям какого-либо политического института не означает, что сам институт достоин осуждения».

Легитимность без доверия — ситуация не просто возможная, но и частая.

М. Доган приводит такие данные: «Существует ли какая-то критическая точка, отмечающая утрату доверия, точка, когда легитимность режима становится неустойчивой? Италия в этом смысле может представлять собой клинический случай. Здесь, начиная с 1973 г., ежегодно отмечают наиболее высокую пропорцию граждан, заявляющих о своем недовольстве тем, как действует демократия в стране. Так, например, в 1987 г. число недовольных составляло 72%, и лишь 26% заявили о своем удовлетворении режимом. По результатам 25 опросов, проведенных между 1973 и 1990 гг., отрицательное суждение высказали более 70% взрослых итальянцев; лишь в 1987 г. эта пропорция была несколько ниже — 67%.

Однако Италия по-прежнему остается демократией, и ее легитимность оспаривается, очевидно, лишь незначительным меньшинством... За последние 20 лет абсолютное большинство граждан постоянно выбирало путь реформ, косвенно признавая легитимность режима. Число граждан (в процентном выражении), выбиравших «революционное действие», тем самым косвенно ставя под сомнение его легитимность, колебалось от 6% до 10% и только дважды — в 1976 и 1977 гг. оно достигало 12%... Большинство итальянцев считало, что лучше «иметь посредственный парламент, чем совсем его не иметь». В этих же опросах они обличали «многопартийность как источник всех бед», в то же время признавая, что «партии необходимы в свободной стране»...

Теоретически это может быть объяснено тем, что недовольство и протест относятся лишь к действиями режима, а не к его легитимности».

Примерно так же обстоит дело с *популярностью* власти. Популярность дает некоторую прибавку легитимности, но непопулярные правители вовсе не становятся от этого нелегитимными. Вспомним, например, что в русской революции Керенский был чрезвычайно популярным, но легитимности так и не получил.

М. Доган пишет: «Во многих демократических государствах рейтинг президентов или премьер-министров, устанавливаемый при опросах, может оказаться невысоким, их политическая программа не одобряется, и даже сами их личные качества ставятся под сомнение. Этот феномен особенно ярко проявляется во Франции, Соединенных Штатах, Великобритании, Италии. Но невысокая популярность не обязательно означает недоверие к самому институту президентской власти. Когда президент избран в соответствии с конституционными нормами, он выполняет легитимную функцию, даже если и не вызывает доверия как политическая личность».

Гораздо большее значение для легитимности режима во многом имеет его эффективность. Социолог Р. Дарендорф писал, что понятие *эффективность* предполагает, что правительство должно быть в состоянии выполнить как то, что оно *обязалось* сделать, так и то, что от него *ожидает* общество. Легитимность же предполагает общественную поддержку действий властей как правильных, обоснованных, нравственно оправданных. Это значит, что политическая власть должна знать, каковы невысказанные и формально не зафиксированные ожидания, которые бытуют в массовом сознании населения.

Эффективность и легитимность взаимосвязаны, хотя правительства могут быть эффективными, не будучи легитимными (как это бывает в тоталитарных режимах). Однако и первоначально легитимное, но не эффективное руководство быстро утрачивает легитимность (пример — Временное правительства в России в 1917 году). Кризис эффективности обычно выражается в неспособности правительства справиться с инфляцией, безработицей, спадом производства и т. д. Поэтому в мирное время на первый план выходит экономическая эффективность —

качество выполнения государством своей функции как организатора народного хозяйства. В момент военной угрозы и войны приоритетной становится эффективность государственной власти как организатора обороны и военных действий.

В 1917 году Советы, как новый тип государственной власти, продемонстрировали более высокую эффективность, чем либерально-буржуазное Временное правительство, благодаря поддержке фабзавкомов в городе и общины на селе (в деревне Советом был сельский сход), а также поддержке армии. И не только в главных вопросах — мира и земли — брал верх Совет, а и по множеству житейских дел, которые сильно влияли на обыденное сознание. Легитимизация власти в обыденном сознании происходит именно через накопление малых, «молекулярных» оценок. И в октябре 1917-го власть без боя перешла к Советам.

Комиссары Временного правительства, назначенные в губернии и уезды, заявили на совещании в Петрограде, что без опоры на местные советы их власть «равна нулю». Выехав 5 апреля 1917 года на фронт, военный министр Гучков был поражен тем, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров — в то время самую популярную. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

Во время Гражданской войны Советская власть опять оказалась более эффективной, чем «белые» правительства, несмотря на помощь им со стороны Запада. А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро наступать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской табелью о рангах не поспевали за ними».

В русской революции легитимизация и потеря легитимности происходили при наглядном и жестком сравнении слов, решений и действий разных властей под наблюдением всего населения.

Культурная гегемония власти и легитимность

Выше был приведен постулат Макиавелли, согласно которому государство стоит *на силе и согласии*. Наличие согласия — это и есть легитимность.

В начале 1930-х годов Антонио Грамши, развивая идею Макиавелли в приложении к современному урбанизированному обществу, предложил целое учение о завоевании легитимности и ее подрыве (делегитимизации). Оно изложено в большом труде «Тюремные тетради». Это учение Грамши разработал, развивая марксизм и осмыслив опыт протестантской Реформации, Французской революции, русской революции и фашизма.

Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия граждан с властью, Грамши называет *культурной гегемонией*. По его словам, «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения». Более того, гегемония предполагает не просто согласие, но *благожелательное* (активное) согласие, при котором граждане желают того, что требуется власти. Грамши дает такое определение: «Государство — это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых».

К выводам, близким идеям Грамши, совсем иным путем пришли и другие крупные мыслители. Американский философ Дж. Уэйт, исследователь Хайдеггера, пишет: «К 1936 г. Хайдеггер пришел — отчасти ввиду его политического опыта в условиях нацистской Германии, отчасти как результат чтения работ Ницше, где, как мы легко могли убедиться, выражены фактически те же мысли, — к идее, которую Антонио Грамши (почти в это же время, но исходя из иного опыта и рода чтения) называл проблемой “гегемонии”: а именно, как править неявно, с помощью “подвижного равновесия” временных блоков различных доминирующих социальных групп, используя “ненасильственное принуждение” (включая так называемую массовую или народную культуру), так, чтобы манипулировать подчиненными группами против их воли, но с их согласия, в интересах крошечной части общества».

Как достигается или подрывается гегемония? Кто в этом процессе является главным агентом? Гегемония — не застывшее,

однажды достигнутое состояние, а динамичный, непрерывный процесс. Ее надо непрерывно обновлять и завоевывать.

Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность представлений о мире и человеке, о добре и зле, множество символов и образов, традиций и пред-рассудков, знаний и опыта. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка.

Для подрыва гегемонии надо воздействовать не на теории противника и не на главные идеологические устои власти, а на обыденное сознание, на повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия — неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. Это — не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, не какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве».

Главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии в XX веке — *интеллигенция*. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса — главный смысл существования интеллигенции в современном обществе.

Учение Грамши о гегемонии стало важной главой в современной политологии. Исходя из положений этой теории, была «спроектирована» и гласность в СССР как программа по подрыву гегемонии советского строя. Когда «кризис гегемонии» созрел и когда возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции. Особенно эффективны такие операции, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок (типа провокации в Румынии в 1989 году или «путча» в Москве в августе 1991 года). Эти открытые действия по добыванию власти, утратившей культурную гегемонию, ведут, согласно кон-

цепции Грамши (в отличие от Маркса), не классовые организации, а *исторические блоки* — временные союзы внутренних и внешних сил, объединенных конкретной краткосрочной целью свержения власти. Эти блоки собираются ситуативно и имеют динамический характер. Их создание и обновление — важная часть политической деятельности.

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии — процесс «молекулярный». Он протекает не как столкновение классовых сил (Грамши отрицал механистические аналогии, которые привлекает исторический материализм), а как невидимое изменение мнений и настроений в сознании людей. Грамши подчеркивает, что «гегемония, будучи этико-политической, не может также не быть экономической». Но он уходит от «экономического детерминизма» истмата, который делает упор на базисе, на отношениях собственности.

Вершиной «работы по Грамши» была перестройка в СССР («грамшианская революция»). Это была программа по разрушению идей-символов, которыми легитимировалось *идеократическое* Советское государство. Во время перестройки идеологи перешли от «молекулярного» разъедания мира символов, который вели «шестидесятники», к его открытому и очень эффективному штурму.

В послевоенные годы в гуманитарных науках Запада (в основном США) сильно продвинулись в знании духовной сферы человека. Возникли новые технологии дестабилизации и смены власти без прямого насилия (так называемые «бархатные» революции) или с малым насилием. Эти технологии были доведены до надежности и применены в Сербии и в республиках бывшего СССР (в Грузии и на Украине). В них «молекулярная агрессия» была направлена не в сферу рационального, а в сферу чувств и воображения.

Подобный слом произошел в СССР в конце 80-х годов. Поведение масс населения стало на время обусловлено не разумным расчетом, а всплеском коллективного бессознательного. В некоторых частях СССР раскочанное идеологами бессознательное привело к крайним последствиям.

Как видно из учения о гегемонии, любое государство, в том числе прогрессивное, может не справиться с задачей сохранения своей культурной гегемонии, если исторический блок его против-

ников обладает новыми, более эффективными средствами агрессии в культурное ядро общества. Это показали свержения режимов даже больших арабских стран — при практически полном отсутствии рациональных требований социального порядка.

В принципе, теперь для свержения власти требуется лишь сфокусировать на власть все частные виды *недовольства* — превратить тление в кумулятивный снаряд. У каждого человека есть причины для недовольства властью, и оно занимает в его сознании какое-то место, а остальное пространство сознания заполнено лояльными установками. В сумме недовольство одних частично компенсируются положительными оценками у других, и баланс недовольства и согласия сдвигается в пределах безопасного диапазона. Россыпь мелких групп людей, выражающих недовольство по множеству каких-то частных вопросов, не становится политической силой.

Но культурологи и социологи нашли способы «канализировать» недовольство — особенно плохо осознанное — на другой предмет. Так, население СССР, чувствуя с 1987–1989 годов острое недовольство ввиду назревающего кризиса, вдруг сконцентрировало свои негативные эмоции на *номенклатуре*. В ней все увидели коллективного врага, виновника всех реальных и вымышленных бед; и вся россыпь людей и группок, недовольных разными сторонами жизни, сплотилась в политическую силу, направленную против Советского государства.

Мифические льготы номенклатуры были восприняты как такое нестерпимое зло, которое можно было избыть только свержением власти. Эта ненависть не была рациональной — к олигархам ненависти население не испытывает. Причина в том, что нет влиятельных сил, которые дали бы заказ СМИ создать образ олигархов как *зло*, канализировать на них все виды недовольства.

Советское государство и советский народ распались, их осколки пережили социальное и культурное бедствие — ясно, что легитимность прежнего государства была утрачена полностью. Государство не смогло обеспечить сохранения страны (СССР) и народа.

Особые проблемы с легитимностью возникают в ситуациях глубоких кризисов и следующих за ними «переходных» периодов. Именно таков случай постсоветской России после краха советской государственности.

Приложение

В своей статье о легитимности французский социолог М. Доган анализирует веберовскую типологию легитимности и указывает на тот факт, что на сегодняшний день она в значительной степени устарела и требует переосмысления:

«...Сегодня в веберовской типологии сохраняется полноценным лишь тип легально-рационально-бюрократической легитимности. Типология, которая в процессе своей эмпирической проверки суживается до такой степени, перестает быть плодотворной. Она становится неадекватным инструментом, который остается, однако, полезным для исторических исследований. Тот факт, что для обозначения единственного полноценного типа мы используем несколько терминов — власть легально-рационально-бюрократическая, — свидетельствует том, что этот тип является очень неоднородным, своего рода сплавом большого числа разновидностей.

В этом сплаве мы можем выделить по крайней мере четыре разновидности. Прежде всего — это развитые плюралистические демократии, которые признаются большинством граждан как легитимные. Согласно определению, которое мы здесь принимаем, в 1992 г. в мире можно было насчитать от 30 до 35 демократических режимов, чья легитимность прочно признается в течение уже более 20 лет.

Вторую категорию представляют авторитарно-бюрократические режимы, где основные гражданские права соблюдаются лишь частично, и где государственное управление осуществляется либо гражданскими лицами, либо военными. Очевидно существует большое разнообразие таких авторитарных режимов. И вопрос, который следует задать в связи с этим, не в том, являются ли они легитимными или нет, но, избегая такого дихотомического подхода как слишком упрощенческого, выяснить..., насколько широкой поддержкой они пользуются у населения.

Третью категорию составляют режимы диктаторские, деспотические или тоталитарные, ненавидимые подавляющим

большинством населения страны, даже если ему и не удастся открыто выступить против их нелегитимности. Отсутствие открытого возмущения вовсе не означает приверженности режиму (его принятие), так как открытое выступление возможно лишь в определенных исторических условиях, когда режим вынужден нарушить процесс либерализации. В условиях тоталитарных режимов попытка такого выступления может оказаться самоубийственной. Подавляя мятеж на площади Тяньаньминь, коммунистическое руководство Китая попыталось остановить нарождающееся движение либерализации.

Последствия государственного переворота являются самым ярким выражением нелегитимности, как это произошло недавно во многих африканских странах и ранее в Латинской Америке. Существуют различные критерии оценки, применяемые учеными, но нельзя утверждать, что режим является легитимным только потому, что он открыто не оспаривается.

К четвертой категории относятся страны, где не существует ни признания, ни неприятия тех, кому принадлежит власть.... Эти страны относятся к числу самых бедных на планете. В некоторых сельских регионах Африки или Азии, определяемых в качестве таковых Всемирным Банком, и в бидонвиях гигантских метрополий проблема легитимности режима попросту отсутствует в сознании людей. Их нищета не осознается ими как следствие политики властей предрержащих, напротив, она приписывается воле богов или природе. В этих странах власть тиранов воспринимается самыми бедными как неизбежность (судьба). Там, где насилие отсутствует, легитимность также не обязательно присутствует. Понятию “легитимность” не соответствуют многие страны “Третьего мира”.

Полученный итог показывает, что большинство политических регионов лишены легитимности и, следовательно, не могут быть включены в веберовскую типологию; для их характеристики потребовались бы другие типы. Сегодня трудно осуществить четкую классификацию, поскольку режимы все в большей степени строят свою власть на основе многоэлементной легитимности. Итальянская демократия не базируется исключительно на конституции. В какой степени традиция и рациональность отражены в итальянской демократии? Впрочем, Макс Вебер признавал

идею смешанной легитимности, исследуя процессы легитимации и делегитимации. Построенные им идеальные типы представляются антагонистическими лишь в теории. В действительности даже традиционные режимы отмечены в какой-то степени духом рационально-легальной легитимности: китайские императоры и русские цари соблюдали некоторые правила игры.

Итак, веберовская типология оказывается в некотором роде анахронизмом. Она больше не годится для исследования современных режимов, поскольку сегодня немногие из них построены на основе традиционной власти; а с другой стороны, харизматический феномен становится чрезвычайно редким — Хомейни являет собой его последний пример. Два из трех элементов веберовской типологии оказываются почти лишенными своего содержания. Отныне приходится почти все страны, а их около 170, распределять в рамках третьего типа, смешивая их многочисленные разновидности. При рассмотрении теории Вебера необходимо принимать во внимание и близкие друг другу понятия «доверия, популярности и эффективности».

(Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия / Социс. 1992. № 5)

ЛЕКЦИЯ 10

Кризис легитимности

Как было определено еще в XVI веке Маккиавелли, власть держится на *силе* и *согласии*. Развивая эту тему, А. Грамши добавил, что согласие должно быть активным. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то этого достаточно, чтобы организованные заинтересованные силы сменили социальный строй и политическую систему.

Нынешняя Россия (РФ) — система переходная, находящаяся в неустойчивом равновесии. Сегодня в ней одновременно идут процессы распада и укрепления. Куда качнутся весы — зависит и от власти, и от всех нас. Главным фактором здесь является *легитимность* государственной власти. Самая непосредственная угроза для России заключается в том, что утрата легитимности может достичь критической, пороговой точки, за которой начнется лавинообразный процесс разрушения власти.

В эти моменты возникает опасность свержения самой власти и глубокого изменения типа государственности. Это совсем не то же самое, что «дворцовые перевороты». При наличии противоречий внутри самой правящей верхушки иногда возникают нештатные ситуации и происходит замена одной группировки на другую (как, например, при снятии Н.С. Хрущева в СССР в 1964 года), но они практически не затрагивают общества. Проблема возникает, когда «правлящие силы» решают целиком заменить существующую властную команду на другую, с иной программой, более подходящей этим «правлящим силам».

Когда смена властной команды мало затрагивает интересы конфликтующих сил и при этом удается найти компромисс, она проходит относительно гладко. Особенно легко это происходит в президентских республиках, ибо с одним человеком можно до-

говориться или же его можно запугать. Для его замены не требуется дорогостоящих операций типа «революция». Впрочем, при современных технологиях и революции производятся за сравнительно небольшую цену, а эффект дают большой (как мы это видели в Грузии, на Украине или в Ливии).

Эпоха Ельцина

Новое государство, возникшее на территории РСФСР после краха СССР, должно было обрести свою легитимность, продемонстрировав способность обеспечить выживание и развитие страны и народа. В политологии переходного периода утверждается, что вопрос о легитимности в такие периоды является наиболее важным, ибо без политической стабильности осуществляемые реформы успешными быть не могут.

Этой задачи государство РФ в 1990-е годы решить не смогло. Выживание держалось «на ниточке», а процессы угасания систем жизнеобеспечения были на виду. Люди заботились о том, как пережить актуальное бедствие.

Ситуация в России в 90-е годы была аномальной и ее трудно характеризовать той или иной степенью легитимности власти. Сложилось особое положение — *согласие без легитимности*.

В результате культурной травмы, которую пережило население, произошла столь глубокая дезинтеграция общества, что было невозможно собрать организованную силу, способную стать альтернативой группировке Ельцина. Поэтому население России, принимая власть «демократов Ельцина», вовсе не наделяла ее легитимностью (в смысле Вебера) и даже не поддерживала ее как меньшее зло по сравнению с другими возможными политическими режимами. Вопрос стоял так: режим Ельцина — или хаос. В этой дилемме режим Ельцина все же выглядел меньшим злом (это до сих пор ставят себе в заслугу поклонники Гайдара: ведь он мог уморить население России голодом, но не стал этого делать).

Авторы исследования 1995 года делают вывод: «Динамика сознания элитных групп и массового сознания по рассматриваемому кругу вопросов разнонаправленна. В этом смысле *ruling class* постсоветской России — *маргинален*». Можно ли говорить о ле-

гитимности режима, если ценностная система господствующего меньшинства по всем существенным позициям антагонистична населению — т. е. страной правит этически враждебная и маргинальная группа? Нет, это чрезвычайная ситуация.

В 1990-е годы правящая элита России была объектом интенсивных исследований социологов (и криминологов). Можно посоветовать, что до глубокого анализа дело тогда не дошло, но было выявлено большое число частных показателей, из которых составляется образ. Во всяком случае, большое число исследователей сходятся в своем восприятии, а восприятие для социальной практики — главное.

А.А. Галкин писал в 1998 году: «Трудности трансформационного периода, помноженные на идеологическую зашоренность, некомпетентность и коррумпированность властей и общую дезориентацию общественного сознания, породили массовое социальное недовольство, уровень которого, по ряду оценок, приближается к пределу, за которым обычно наступает разрушение стабильности политических институтов.

Широкое распространение получил, например, пессимизм в оценке перспектив развития. Показательны в этом смысле данные социологических опросов, проводимых ведущими исследовательскими центрами России. При всех различиях в методологии, в формулировке вопросов и в целевых установках выявляемые тенденции демонстрируют высокую степень сходства. Доля респондентов, дающих негативную оценку ситуации, сложившейся в стране, и пессимистически оценивающих ее перспективы, составляет большинство, которое, несмотря на конъюнктурные колебания, за рассматриваемые годы, по меньшей мере, не проявляло заметной склонности к сокращению».

Можно утверждать, что правительства РФ в 1992–1998 годы обладали очень слабой легитимностью и еще более низкой эффективностью (если исходить из интересов целого, а не отдельных миноритарных групп типа олигархов). Но ведь государство просуществовало целый исторический период! Как это объяснить?

Здесь можно высказать такую гипотезу: бывают ситуации бедствия, когда о легитимности и речи не идет, но политический режим таков, что он, заведомо не обеспечивая выживания народа и страны, *притормаживает* процесс деградации. И население,

рассмотрев наличные варианты конфигурации власти, приходит к выводу, что данный режим хотя и ведет страну к гибели, но *медленнее*, чем это сделали бы другие властные команды — возможно, даже гораздо более справедливые и патриотичные, чем данный коррумпированный антинародный режим. Он оказывается все же более *эффективным*. Не дай бог попасть в такую ситуацию, когда выбирать приходится из двух вариантов: сразу умереть или помучиться. Конечно, «желательно помучиться».

Деградация легитимности режима Ельцина имела целый комплекс причин. Наименее вескими, видимо, были в тот момент действия оппозиции — она не успела выработать ни языка, ни доктрины действий в сфере культурной гегемонии. Свой авторитет подрывали сами реформаторы. Не будем описывать всю эту историю, заметим один фактор, который надо иметь в виду. Программа свержения прежнего режима обладает инерцией, и погасить ее — важная задача новой власти, иначе она продолжает подпиливать основы уже своей легитимности. В советской революции этому придавали большое значение, и все равно переход от разрушения к государственному строительству был очень трудным и длительным. Он был сопряжен с фракционной борьбой альтернативных стратегий, в ходе которой был заложен ряд конфликтов, закончившихся репрессиями 30-х годов.

После 1991 года о программе такого перехода даже не думали — подрыв государственности продолжался по нарастающей. Большой антигосударственной программой стала уже перестройка. Ее надо вспоминать и изучать. По своей крайней *антигосударственности* это была небывалая операция. В программе перестройки была поставлена цель *разгосударствления* — всего и вся. Одним из главных мотивов в программе манипуляции сознанием была ненависть к работникам госаппарата. Не отрицалось, конечно, что в любом государстве есть бюрократия, но по умолчанию считалось, что наши чиновники хуже западных.

Крайними антигосударственниками были «младореформаторы» ельцинского призыва. Е. Гайдар представляет историю России как сплошное «красное колесо» (1994): «...в центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок

старой системы. Эта система называлась по-разному — самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название “державность”. Но сущность всегда была одна — корыстный хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией».

И это пишет премьер-министр!

После 2000 года антигосударственное чувство используется для подрыва легитимности уже нынешней государственности России. В своем практически последнем интервью А.Н.Яковлев указал врага: «Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, оно ненавидит свободу человека... Я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей».

Реформаторы 90-х годов подорвали и другое основание своего авторитета — дискредитировали идею *демократии*. Они быстро скатились к авторитарным формам правления при антисоциальной направленности. Согласно опросам, в 1989 году 38% студентов верили, что демократия — это власть народа. В 1990 году таких осталось 28%, а в октябре 1991 года — 9%. На вопрос «Куда движется наше общество в настоящее время?» самые частые ответы среди студентов были такие: «к гражданской войне» — 17%; «к капитализму» — 15; «к катастрофе» — 14%.

А вот что сказала академик Т.И.Заславская в 1995 году: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что “дела идут в правильном направлении”, в то время как по мнению 2/3, “события ведут нас в тупик”. Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести».

Легитимность политической системы Российской Федерации

В 90-е годы постсоветское государство России переживало *острый* кризис легитимности. Это были годы неявной граждан-

ской войны, в которой подавляющее большинство населения («старые русские») потерпело поражение и было обобрано победителями. Большинство ввергли в бедность и страх, поломали жизненные планы, трудовую этику, систему легальных доходов. Повредили и те институты, которые воспроизводили народ, — школу, медицину, армию, науку. Народ был в большой мере «разобран» и парализован как субъект политики.

Тогда государство выступило на стороне «новых русских», что к середине 90-х годов стало очевидно абсолютно всем. Это выразилось в беспрецедентном падении доверия к президенту (рейтинг 2%) и в столь же беспрецедентной попытке парламента объявить ему импичмент с обвинением в «геноциде народа собственной страны».

Настоящий момент В.В.Путин определил так: *мы живем в условиях, созданных развалом великой страны*. Российская Федерация — государство *постсоветское*. Значит нельзя говорить, что оно уже сформировалось, приставка «пост-» означает, что мы пребываем в переходном периоде и действуем в рамках ограничений, заданных катастрофой краха СССР. Современная Россия и в формационном плане является государством переходного типа, ее общественный строй еще не устоялся, возникшие в 1990-е годы производственные отношения с большой натяжкой можно отнести к капитализму; в социальной системе законсервированы многие структуры советского типа, хотя в сильно подорванном и деформированном состоянии.

Российское государство еще не «готово» — замораживать нашу государственную систему рано. Она строится, и возникающие на стройплощадке зоны хаоса обладают творческими потенциями, хотя и таят в себе угрозы. В этих условиях *легитимизация* есть чрезвычайная и актуальная задача государства.

Актуальность определена тем, что Россия слишком долго, уже двадцать пять лет, живет в состоянии нестабильного равновесия, испытывая давление извне в геополитических целях — при наличии внутри страны влиятельных сил, также заинтересованных в дестабилизации. Предпосылки для этого имеют системный характер, они представляют собой взаимосвязанные «дремлющие» (латентные) кризисы социальных и национальных отношений, деградацию систем жизнеобеспечения, безопасности и культу-

ры, быстрые изменения в массовом сознании и смену поколений в условиях культурного и социального кризисов.

Созревание всех частных кризисов и соединение их в систему с переходом в качественно новое состояние есть результат стратегического политического выбора, принятого властной бригадой Б.Н. Ельцина. Маховик разогнали так, что он и после 2000 года продолжает крушить государство постсоветской России.

Новая властная верхушка РФ попыталась «приподнять» страну в рамках коридора, заданного вектором «рыночной» реформы. То есть, не входя в серьезный конфликт ни с порожденным реформой слоем «новых собственников», ни с Западом. В результате произошло некоторое перераспределение собственности и национального богатства, некоторое увеличение потока ресурсов, направляемых в экономику России и на потребление граждан. Величины эти не слишком большие, но улучшение ряда показателей очевидно.

Вот динамика некоторых показателей. На рис. 1 показаны индексы инвестиций в основные фонды (базу экономики), годового ВВП (производства товаров и услуг), уровня совокупного потребления населения, отраженного в розничном товарообороте. На двух других рисунках — индексы объема производства промышленности и сельского хозяйства.

Рис. 1. Индексы физического объема оборота розничной торговли, капиталовложений (инвестиций) и валового общественного (внутреннего) продукта в РСФСР и РФ (1950 г.=1)

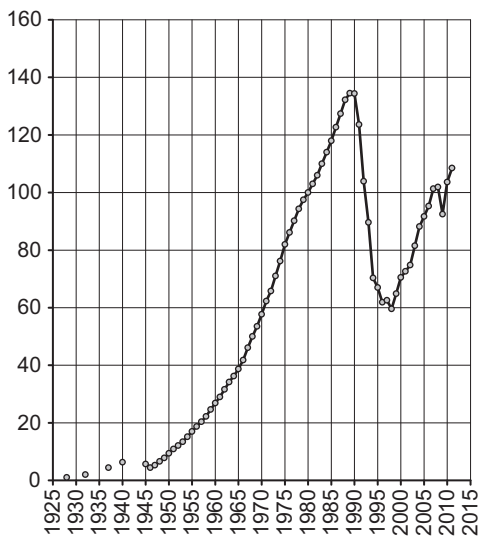

Рис. 2. Объем производства промышленной продукции в РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1980 г.=100)

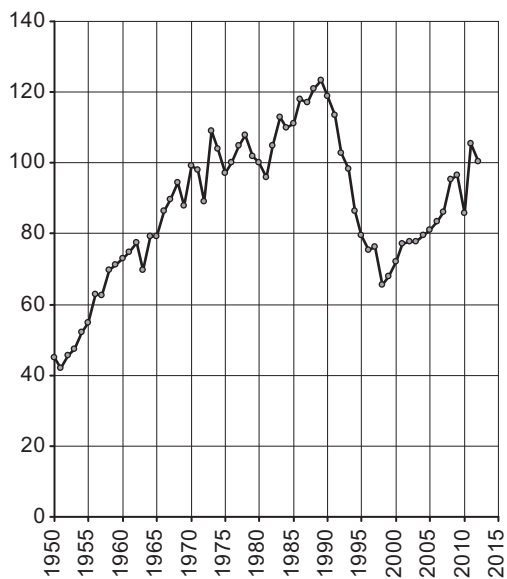

Рис. 3. Индексы физического объема продукции сельского хозяйства РСФСР и РФ (в сопоставимых ценах, 1980 г.=100)

После провала 90-х годов наблюдается рост всех показателей, особенно потребления. Хотя выйти на дореформенный уровень пока не удалось, этот рост имел большой положительный эффект — он успокоил людей, сказался на здоровье, пробудил оптимизм, что само по себе есть важный фактор в преодолении кризиса. Однако улучшения в «потоке» (годовое производство) не были сопряжены с улучшениями в «базе». Более того, улучшения во многом были достигнуты через проедание «базы» — проблемы перекалдывались на плечи следующего поколения. В результате переломить ход событий и преодолеть кризис легитимности не удалось — даже при очень высоком рейтинге самого В.В.Путина.

Известно, что мобилизующее воздействие символического ресурса (скажем, харизмы президента), не соединившееся до определенного срока с «материальным» организующим действием, начинает угасать. Те, кто «поверил» в Путина, ожидали от государства действий, которые надежно блокировали бы возникшие и нарастающие угрозы России. Такие действия были разрозненными и не соединились в программу, а динамика угроз была неблагоприятной.

Задержка с началом программы реальных действий размыла созданный за первый срок «сгусток» легитимности, и это стало все больше и больше затруднять выработку и реализацию программы развития. Симптомом был тот факт, что президент обладал личным авторитетом, но правительство, т.е. орган выработки и реализации реальных программ, авторитета, в общем, не приобрело. Схема «добрый царь, злые министры» — средство аварийное и кратковременное. Его отказ вызывает лавинообразное падение авторитета власти. Строго говоря, уже и «национальные проекты» были двинуты как резерв главного командования, но «фронт они не удержали». Положение осложнил кризис 2008 года, и влияние его на состояние легитимности в общем негативно.

Проблема в том, что успех В.В.Путина на символическом фронте маскировал тот факт, что на «реальном» фронте продолжалось отступление. От ельцинизма в наследство главные системы жизнеобеспечения страны были получены в изношенном и даже полуразрушенном состоянии — ЖКХ и школа, промыш-

ленность и сельское хозяйство, наука и армия. В 90-е годы их пытались демонтировать и эксплуатировали на износ, а пороговый момент этого износа наступил уже после ухода Ельцина. Темпы деградации получили ускорение примерно к 2005 году, и процесс этот приобрел массивный, неумолимый характер.

Масштабы потерь и дыр, которые надо затыкать в чрезвычайном режиме, несравнимы с теми средствами, которые может мобилизовать государство при нынешней хозяйственной системе. Попробуйте прикинуть, сколько стоит сегодня капитально отремонтировать ветхий и аварийный жилищный фонд страны! Сколько стоит срочно переложить полностью изношенную часть теплосетей! Сколько стоит восстановление изношенного тракторного парка страны или вырезанного на 2/3 стада скота? Сколько стоит приобретение заново всего морского флота? Люди не представляют, каковы масштабы этой задачи, но чувствуют, что они неподъемны. Труднее оценить, но, судя по всему, в том же темпе идет и эрозия кадрового потенциала страны.

Никто и не ставил это в вину власти после 2000 года, поскольку страна провалилась в такое состояние уже к середине 90-х годов. А вот нахождение способа вылезти из этой ямы считали обязанностью новой властной команды. И когда обществу стали представлять «стратегические программы» развития, написанные то ИНСОРОм, то ГУ–ВШЭ, с их беспомощными и антисоциальными установками, легитимность власти пошла вниз.

Еще одна проблема заключается в том, что структура распределения ресурсов после 2000 года соответствовала доктрине «анклавного» развития территории России. Иными словами, предполагалось не восстановление хозяйства как целостной системы, а создание островков «модерна и постмодерна» в море архаизации. Мы видим, как регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Считается, что разница между регионами, составляющая в среднем доходе на душу 12 раз, означает распад страны, даже если она формально не расчленяется. Да, положение улучшается — в середине 90-х годов эта разница была почти 16 раз. Но ведь стабилизация происходит на уровне, несовместимом с единством страны.

Из этого как следствие вытекает, что вектор событий последних 15 лет не ведет к системе социального жизнеустройства, которое обеспечивает выживание народа и страны. В РФ после 2000 года преодоление кризиса легитимности затруднено тем, что не удалось разорвать пуповину с ельцинизмом. В символической сфере «режим Путина» остается заложником этой зависимости.

Отягчающим фактором стало то, что государственность России резко ослаблена *коррупцией*. В своем обзоре М. Доган пишет: **«Всеохватывающая коррупция является симптомом делегитимации режима.** Падению режимов часто предшествует широкий размах коррупции (приобретающей всеобщий характер). Последним оплотом режима является сопротивление коррупции, которое ей оказывают судьи. Когда же общая зараза поражает и их, для обычных граждан не остается больше никакой надежды. В таком случае полный кризис легитимности можно считать предрешенным».

Во времена Ельцина коррупция считалась временным явлением революционного хаоса, а в 2000-е годы была буквально «введена в рамки закона», стала, как теперь принято говорить, системной и даже *системообразующей*.

Коррупция подрывает легитимность власти и потому, что вызывает не только недовольство и населения, и предпринимателей поборами, но вызывает еще и *презрение*. Оно разрушает авторитет власти, раз за разом приводит к наихудшим решениям, которые оплачиваются падением уровня жизни людей. Особенно губительны для легитимности власти разоблачения коррупции в ее высших эшелонах, а также в правоохранительной системе. Эта тема используется практически во всех «виртуальных революциях». В России возможности эксплуатации этого фактора очень благоприятны — одни только события в станице Куцевской нанесли тяжелый удар по легитимности власти.

Крупный российский капитал, верхушку которого представляют «олигархи», был создан в ходе программы приватизации через залоговые аукционы (1995 г.). Эта программа стала важным шагом в углублении коррупции и огосударствлении преступного мира. Сам А. Чубайс говорил о залоговых аукционах так: «Что такое залоговые аукционы 95-го года? Это было формирование

крупного российского капитала искусственным способом. Далеко не безупречным... Мы действительно получили искажение равных правил игры, давление на правительство с целью получить индивидуальные преимущества, к сожалению, нередко успешное. Получили мощную силу, зачастую ни во что не ставящую государство».

Вопиющей стала безнаказанность должностных лиц, допускающих громкие провалы или даже злоупотребления в своей работе. Происходят невероятные по масштабам и сходные по своей структуре чрезвычайные события, каждый раз выявляется халатность или прямое пособничество должностных лиц — и никакой реакции со стороны верховной власти. Это возможно только при круговой поруке во властной верхушке, и она парализует нормальные действия руководства.

Как говорилось, разгул господствующего меньшинства в «лихие девяностые» подорвал легитимность великой идеи демократии, которую использовали как дымовую завесу для прикрытия произвола. Но что мы видим на новом этапе? Организация выборов такова, что половина граждан разуверилась в этом основном институте демократии. Выборы 4 декабря 2011 года были оплачены потерей еще скольких-то градусов легитимности.

Авторитет власти ронял образ Совета Федерации, сложившийся в середине 2000-х годов. Непонятно было, чей это орган, кого он представляет. Бывший министр внутренних дел Ингушетии стал сенатором от Агинского Бурятского автономного округа, а бывший вице-президент Ингушетии — от Республики Алтай. Наоборот, сенатором от Ингушетии назначили бывшего вице-президента Татарстана, а Л. Невзлин из ЮКОСа, прежде чем скрыться в Израиле, представлял в сенате Мордовию. Чувашию представлял Владимир Слуцкер (как писала пресса, «президент Российского еврейского конгресса, известный предприниматель, сенатор»).

Таким образом, начавшийся с перестройки кризис легитимности удерживается в состоянии неустойчивого равновесия. Людям хочется верить власти, но никак не складывается ощущение, что строй жизни, к которому она тянет, — во благо народу и спасение страны гарантировано.

Справедливость жизнеустройства

Одним из главных факторов легитимности государственной власти является восприятие ее в массовом сознании как *справедливой*. Это грубая оценка в общем, а не в частностях.

Проблема справедливости возникла с появлением государства, когда власть начала осуществлять распределение выгод и тягот в обществе. Это распределение создавало противоречия, поэтому категория справедливости стала одной из важнейших в политической философии. Первые систематические выводы сделал Аристотель. Он сформулировал категорический вывод: «Главной причиной крушения политий и аристократий являются встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости».

Если так, то установки государства Российская Федерация нарушают аксиомы справедливости, известные уже в Древней Греции. Это и предопределяет кризис легитимности.

Вот, власть утверждает, что главная задача государства — обеспечить экономическую свободу *собственников* и конкурентоспособность их *самой ловкой* части (ясно, что все они не могут победить в конкуренции). Напротив, у Аристотеля высшая ценность в праве — не экономическая свобода и не конкурентоспособность, а именно *справедливость*. Все остальные ценности действуют во благо лишь при условии, что они не противоречат справедливости.

Каждая власть должна постоянно нащупывать критический уровень несправедливости в массовом восприятии — ту «красную черту», которую нельзя переходить без недопустимого ущерба для легитимности. Для этого велись замеры. Они раз за разом показывали, что устроенный в 90-е годы тип жизни противен интересам и совести большинства. Население терпело, поскольку не имело инструментов, чтобы изменить положение без катастрофы — «*крушение нашей политики и аристократии*» казалось более страшным злом.

В Докладе Института социологии РАН так пишут о «самом распространенном по частоте его переживания чувстве **несправедливости всего происходящего вокруг**»: «*Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого ми-*

ропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто».

Нас убеждают, что принятые в РФ законы справедливы по определению, уже потому, что они — законы. Это довод негодный, *легальность* законов и их *справедливость* — разные категории. Аристотель предупреждал: «Законы в той же мере, что и виды государственного устройства, могут быть плохими или хорошими, основанными или не основанными на справедливости». Да, несправедливые законы — меньшее зло, чем беззаконие. Но они непрерывно подрывают легитимность власти.

Курс, заданный у нас в 90-е годы, поражает своей несправедливостью. Наша низовая культура пока что смягчает ее, но потенциал доброты и сострадания, присущий любому цивилизованному обществу, быстро иссякает.

Глубокий раскол в понимании критериев справедливости созрел в нашем обществе в конце 80-х годов. Население разделилось на большинство, которое следовало традиционным взглядам, и меньшинство, которое эти взгляды отвергало. Большинство, например, считало резкое разделение народа на бедных и богатых несправедливостью, т. е. *злом*. Элита сделала иной выбор и приняла неолиберальное представление о справедливости. Бедность рассматривалась не как зло, а как механизм господства. Исходя из этого, в доктрине реформ было *предусмотрено* массовое обеднение.

В России была создана невиданная в мире бедность *работающих* людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляли лица, имеющие работу. Это — не проблема экономики, это свойство *политической системы*. У многих граждан зреет ощущение, что они лично при таком устройстве страны не нужны ей и даже нежелательны.

Власть нарушает волю большинства, выраженную на выборах. Академик Н. Петраков пишет: «Ситуация складывается парадоксальная. В декабре 2003 года при выборах в Госдуму народ высказался против проводимой правыми экономической политики. По принятым во всем мире правилам люди, которые проводили экономический курс, отвергнутый избирателями, из правительства уходят. А у нас они все остались на своих местах. Все чиновниче

ядро экономического блока в правительстве осталось правым. И именно они создают погоду в экономической политике».

Фундаментальный факт: нынешний тип расслоения населения России по множеству показателей несовместим с длительным существованием страны. Пока он воспринимается как временная аномалия, люди готовы его перетерпеть. Но есть риск, что народ разойдется на две уже антагонистические части, их сосуществование станет невозможным.

Государство не может порвать с ельцинизмом и его теневой интеллектуальной и социальной базой. Это и делает хроническим кризис легитимности.

Гражданская безопасность

В ряде выступлений Д.А. Медведев предлагал сделать *качество жизни* главным критерием для легитимизации государства. Тем самым фокус внимания перемещался с бедной части населения на средний класс. Эта попытка была неудачной — для населения России, даже независимо от доходов, главным показателем качества жизни является *безопасность*. Человек ощущает все больше угроз, за последние 15 лет их вес ползет вверх безостановочно. Они вошли в атмосферу повседневной жизни большинства, а привычные системы защиты от них ликвидированы реформой. В Москве 75% жертв разбойных нападений не заявляют о них в правоохранительные органы — считают это бесполезным.

Вот угроза — преступное насилие. С ним за годы реформ столкнулась уже едва ли не каждая семья, и это оставляет рубец, который ноет постоянно. Масштабы насилия огромны. Появились новые виды преступного насилия, которые еще недавно не были даже предусмотрены Уголовным кодексом, — похищение людей, взятие заложников, убийства по найму, едва прикрытое рабовладение. Говорят о становлении в лоне России *постмодернистской криминальной цивилизации*. Она энергична, склонна к экспансии, является частью глобальной сети и активно вырастает во власть.

Никто в зрелом СССР не боялся и насилия на национальной почве, а теперь оно у всех перед глазами. Даже в Москве ты можешь оказаться перед дилеммой — влезать или не влезать в драку,

чтобы защитить какого-нибудь индуса, таджика или русского, на которого напали возбужденные иноплеменники. Качество жизни в таких условиях объективно является низким. От массового психоза страну выручает лишь исключительная культурная устойчивость населения. Трудно сказать, насколько вообще правомерно в такое время обычное понимание самого термина «качество жизни». В целом большинство населения считает опасности для личности в России неприемлемо высокими и мириться с таким положением не собирается.

Конечно, обеспечить безопасность страны и лично граждан при глубокой дезинтеграции общества — слишком тяжелая задача. А вот то, что власть сумела расколоть на враждующие части народ, в котором давно уже утихли распри и взаимные обиды, составляет историческую вину политиков.

Государственный патернализм

Важной позицией идеологии российских реформ был принципиальный отказ от *государственного патернализма*. Установка на искоренение патернализма — едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В основном это представлялось как изменение одной из сторон *социального* порядка. В действительности, патернализм — понятие гораздо более широкое. Буквально — это отеческое отношение, выполнение всей совокупности миссий и обязанностей *отца*. В семье отец ведь не только накормит сына и подбросит ему денюжат.

Декларация об отказе новой российской власти от принципов государственного патернализма есть заявление о резком сокращении всей системы обязанностей государства перед страной и народом, только говорится это как-то вскользь. Приучают к новому языку: *государственные услуги...*

Говорилось, что политика государственного патернализма сегодня *экономически невозможна и политически нецелесообразна*. Это искажает суть понятия. Патернализм *всегда* экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Во время Гражданской войны Советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн пайков и тем самым спасло от го-

лодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении — у одного сына отнимешь, а другого, совсем голодного, подкормишь. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем в 1919 году, но при этом 43% рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания. Ну, стандарт государственной услуги роженицам теперь такой...

Ошибочно и утверждение, будто государственный патернализм «политически нецелесообразен». В чем же тогда сама *цель* государства, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным? «Адресная помощь» как альтернатива патернализму неэффективна. Добиться ее даже в богатых странах удается немногим (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25% от тех, кто имел на них право). Проверка «прав на субсидию» и ее оформление очень *дороги* и требуют большой бюрократической работы. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни навыков, ни сил для того, чтобы добиться законной субсидии.

Как говорил премьер-министр Швеции Улоф Пальме, если доля нуждающихся велика, для государства *дешевле* оказывать помощь всем на уравнительной основе (например, через цены или дотации отраслям). Но еще более важна другая его мысль: само оформление субсидии есть символический акт — на человека ставится *клеймо бедного*. Это — узаконенное признание слабости (и *отверженности*) человека, которое само усугубляет бедность и раскол общества. Напротив, всеобщий патернализм государства соединяет общество связями «горизонтального товарищества» и значительно снижает противостояние по линии «бедные — богатые».

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество — государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (и с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе, но даже они не могли бы обойтись без *отеческой* заботы государ-

ства. Государственный патернализм — это и есть основание *социального государства*.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью. Вне Запада так было и раньше — о торговле хлебом в империи Чингис-хана можно прочитать у Марко Поло — уроки XIV века для нас и сегодня актуальны.

В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции *ежедневно* получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном — с оплатой груза). Если нехватка зерна затягивалась, в городе производились обыски и учитывалось все зерно, вводился уравнильный минимум.

Если нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это — один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм *«политически нецелесообразен»!*

Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям — или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других». При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют *половину расходов населения на питание*. А в отдельных странах (например, в Японии) дотации в иные годы составляют 80% расходов на питание. И это именно *политически целесообразно*.

Западные консерваторы видят в государственном патернализме заслон против разрушительного «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». Один из зачинателей инсти-

туциональной политической экономии Алан Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно».

Говорят, что отказ от патернализма включит стимулы развития, раскрепостит потенциал человека. Это неолиберальная *утопия*. На деле все наоборот! Государственный патернализм освобождает человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суета убивает силы, выпивает жизненные соки. Стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности — и потенциал человека съезживается. Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку отдаться творческой работе и воспитанию детей — вот тогда и раскрывается его потенциал. Это не только советский опыт, по этому пути пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

В СССР люди чувствовали себя под надежной защитой государства, хотя и ворчали на него (или даже тяготились этой защитой, утратив ощущение угроз). Это чувство надежности — следствие государственного патернализма. Произошло «большое» разделение труда между человеком и государством, оно взяло на себя множество тягостных, суетных функций, создало для них специализированные структуры и считало это своей обязанностью. Это было историческим достижением России.

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как *иждивенчество*. Это нелогично. Как может быть народ иждивенцем государства? Представляют государство великаном, который пашет землю, добывает уголь — кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь «проблемы решает» именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство.

Дискурс власти сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства и населения. На деле от государства ожидают *отеческого* отношения ко всем системам жизнеустройства России — к армии и школе, к промышлен-

ности и науке. Всем им требуется забота государства. В этом плане отношений государства и общества произошел разрыв, нанесший населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли — все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как разных этических систем.

Уход государства от выполнения спланирующей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая обеспечивает легитимизацию власти.

Холодная война ценностей

Обсуждая кризис легитимности, мы говорили в основном о выполнении государством тех функций, которые гарантируют жизнь страны и народа. При этом упор делался на массивных обязанностях государства, которые поддаются рациональной оценке и даже ее количественному измерению.

Но в формуле легитимности есть и вторая часть: «легитимность — это убежденность большинства общества в том, что данная власть *сохраняет главные ценности культуры*».

Все тяготы можно перетерпеть и простить власти, если они согласуются с совестью. Посмотрим, как с этим обстоит в постсоветской России?

И в ведении хозяйства всегда есть трения — приходится искать компромисс между противоречивыми групповыми интересами. Но еще труднее согласовать действия, связанные с *не-соизмеримыми* ценностями, — равенством и свободой, этикой и эффективностью и пр. Но эти трудноизмеримые показатели сильно влияют на авторитет государства и сдвигают баланс легитимности.

Принципиальный дефект той мировоззренческой структуры, на основе которой производилось целеполагание реформ в 1990-х годах, — *этический нигилизм*, игнорирование тех ограничений, которые «записаны» на языке нравственных ценностей. Реформа привела к важному провалу в культуре, о котором не

принято говорить. Он как камень на шее — пока не сбросишь, не выплывешь. Речь о том, что правящая элита присвоила себе *право на ложь*.

Есть «пиратские страны», стоящие на принципе «Не в правде Бог, а в силе». В проекте Просвещения этот принцип был скрыт круговой порукой гражданского общества — ложь была направлена вовне, а не против своей же нации. В Общественном договоре был сформулирован принцип, который следовал золотому правилу нравственности. Кант назвал его основным *моральным законом*: «Поступай так, чтобы максима твоей воли в то же самое время могла иметь силу принципа всеобщего законодательства». Его следствием является *запрет на ложь*, он был заложен в основу *права* Нового времени. Было принято, что Общественный договор (в принципе, как и любой контракт) не может быть реализован, если одна сторона заранее готовится обмануть другую сторону.

Но доктрина перестройки и реформ в России изначально строилась на лжи, и сейчас уже невозможно делать вид, что «мы не знали». Поскольку власть не открестилась от этой доктрины, доверие к ней было существенно подорвано, а доверие — один из важных ресурсов легитимности.

В 2009 году были опубликованы результаты большого исследования «Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества». В нем речь о духовном состоянии общества на пике благосостояния (перед кризисом 2008 года). Коротко сказано так: «Какова же социальная напряженность в российском обществе? Каждый пятый россиянин (21%) считал в сентябре 2008 года, что она возрастает существенно; более трети наших сограждан (36%) исходят из того, что напряженность возрастает не существенно; почти 40% населения, напротив, полагают, что ее уровень либо снижается, либо остается примерно таким же, как раньше».

Почему же такое состояние? Ведь в течение восьми лет в обществе в целом возрастал уровень потребления материальных благ — объем розничного товарооборота вырос с 2000 по 2008 годы почти в три раза. Почему же большинство считает, что напряженность растет, а остальные не уверены, что она снижается?

Социологи уточняют: «Острота переживания социальной несправедливости в последние годы несколько притупилась. Во всяком случае, в 1995 г. большинство населения (58%) жило с практически *постоянным* ощущением всеобщей несправедливости, а в 2008 г. оно превратилось преимущественно в *ситуативное* чувство, испытываемое иногда».

Значит, вот какую травму пережили люди: «большинство населения (58%) жило с практически постоянным ощущением всеобщей несправедливости». Как это легло на весы легитимности? Чего не хватает нашему среднему классу? Миллиардеры и нищие не в счет, они успокоены: одни — сытостью, другие — голодом.

Вывод социологов: «Еще одно выраженное негативно окрашенное чувство — это чувство собственной беспомощности повлиять на происходящее вокруг. С разной степенью частоты его испытывают 84% взрослого населения, в том числе 45% испытывают часто. Примечательно, что чувство беспомощности очень тесно связано с ощущением несправедливости происходящего, образуя в сочетании поистине “гремучую смесь”, изнутри подрывающую и психику, и физическое здоровье многих россиян. Ведь жить с постоянным ощущением несправедливости происходящего и одновременным пониманием невозможности что-то изменить, значит постоянно находиться в состоянии длительного и опасного по своим последствиям повседневного стресса. Сочетание это достаточно распространено: каждый пятый россиянин пребывает сейчас именно в таком состоянии при том, что лишь 4% населения никогда не испытывают обоих этих чувств».

Организовать такое качество жизни для 96% населения на пике нефтяных цен — такую власть трудно назвать эффективной. Уходя от диалога по этой проблеме, власть углубляет отчуждение населения от государства, и в этом приближается к критическому порогу. Психологическое состояние общества — фактор фундаментальный не только для успеха реформ, но и для преодоления кризиса.

Вот результаты исследований *эмпатии* (О.А.Кармадонов, 2012 г.) — психологического восприятия государства. В отчете сказано: «При исследовании отношений между государством и гражданами было предложено выбрать из пары: “граждане должны обладать возможностью влиять на государственную

политику / влияние граждан на государственное управление necessarily». Выяснилось, что 88% соотечественников разделяют первое мнение, противоположное суждение поддержали 12% опрошенных... После фиксации доминантной нормы, был задан вопрос: «С учетом данного Вами ответа, являются ли отношения между государством и гражданами в сегодняшнем российском обществе *нормальными*?». 93%, считающих нормой возможность граждан влиять на государственное управление, ответили на этот вопрос отрицательно».

Примерно такие же ответы были получены, когда вместо государства в целом граждан спрашивали об отношении с властью. Вывод таков: «Задавался вопрос: «Какие отношения между народом и властью являются, с Вашей точки зрения, нормальными?». Была предложена пара: «взаимная ответственность и уважение / власть — должна управлять, народ — обязан подчиняться». Норму «взаимная ответственность и уважение» выбрали 87%. На вопрос: «Являются ли отношения между народом и властью в сегодняшнем российском обществе нормальными?», — дали отрицательный ответ 88%.

Таким образом, мы фиксируем более чем полный консенсус и по данной сфере общественных отношений в современном отечественном социуме. Нормой в коллективных представлениях здесь все еще является принцип взаимной ответственности и взаимного уважительного отношения между властью и народом, реальность, однако, представляет картину совершенно обратную — налицо еще один мощный диссонанс».

Государство и преступность

Раскол общества, который сразу стал углубляться, был порожден историческим выбором, сделанным пришедшей к власти группировкой в конце 80-х годов, — привлечь в реформу в качестве дееспособной социальной силы *организованную преступность*. Перераспределение национальной собственности, нелегитимное и даже нелегальное, требовало огромного объема «грязной работы», которую можно было возложить только на преступный мир, это подпольное «государство в государстве».

Его и стали укреплять и тренировать прямо с 1985 года — и передав ему производство и торговлю алкогольными напитками, и отменив монополию на внешнюю торговлю, и разрешив обналичивание денег из безналичного контура, и начав разгон и дискредитацию правоохранительных органов. Даже культуру подключили, развернув интенсивную кампанию по внедрению уголовной лирики и языка, переориентировав кино и телевидение на показ и романтизацию преступного мира.

В разных выражениях социологи и криминологи пишут об одном и том же процессе. Вот несколько выдержек.

«В постсоветскую эпоху наблюдается экспансия экономических преступлений в разные неэкономические институты общества — в сферу политики, правоохранительных органов, в финансовые учреждения, службы таможни, налоговую полицию, в учреждения культуры (музеи, библиотеки, хранилища) и т. д. Именно эта экспансия и означает, что экономическая преступность становится фактором криминализации не только экономики, но и общества.

Этот процесс был облегчен повсеместно проводившейся приватизацией. Она вовлекла в операции с собственностью миллионы людей, расширила социальную базу экономической преступности по сравнению с эпохой СССР».

«Наиболее деструктивным из факторов, влиявших как на состояние общества в целом, так и на криминальную ситуацию в стране, стал неоправданно высокий темп концентрации капиталов и средства производства в руках частных лиц. Это не только углубило социальное неравенство и антагонизм между отдельными группами населения, но и ожесточило борьбу за сферы влияния среди новоявленных бизнесменов, обладающих криминальным опытом или связями с преступным миром. В результате наблюдается активный процесс криминализации экономики с одновременным усилением альянса экономической и общеуголовной преступности в наиболее опасных формах. Отсюда — заказные убийства банкиров и крупных коммерсантов; серии банкротств и разорений банковских и иных финансовых структур, подконтрольных менее влиятельным криминальным группировкам».

Легко криминализировались и подконтрольные перестроечной номенклатуре СМИ. В прессе открыто констатируется такое по-

ложение: «СМИ с середины 90-х в соответствии с рыночной формулой, по которой спрос рождает предложение, стали продавать свои полосы и эфирное время под черный пиар. Расценки на эти неофициальные услуги периодически вывешиваются на сайте www.compromat.ru, и желающие могут ознакомиться с ними сами. К началу третьего тысячелетия в России не осталось СМИ как средств массовой информации, они практически поголовно превратились в шантажистские конторы по выколачиванию денег из бизнеса... Давно известно, что компромат в центральных СМИ сегодня можно публиковать по рекламным расценкам так же легко, как рекламу сникерсов и тампаксов».

15 марта 2000 года в статье «Сколько стоит компромат» сообщались расценки крупных изданий. В частности, было сказано: «Самое дорогое российское издание в плане размещения черного пиара — это “Аргументы и факты”. Полоса этого многомиллионного еженедельника стоит более 18 000 долларов».

Мы здесь не говорим о прямых потерях, которые несут общество, государство и народ России от сложившейся конфигурации власти и теневой деятельности ее компаньонов. Наша тема — тот нравственный разрыв, который произошел между основной массой населения и властью, посадившей на ее шею такую «элиту». А ведь это — массивный инерционный фактор, подгрызающий легитимность власти Российской Федерации.

Что же изменилось за время, прошедшее после 2000 года? Вот вывод психиатра, зам. директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (2010 г.):

«Затянувшийся характер негативных социальных процессов привел к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда — тревожная напряженность и развитие “кризиса идентичности личности”... Развиваются чувство неудовлетворенности, опустошенности, постоянной усталости, тягост-

ное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных».

Когда в 1990–1991 годы впервые перед людьми предстали эти «усиливающиеся жестокость и хамство сильных», они поразили многих. Речь шла не о несправедливости, не об эксплуатации и даже не о неравенстве, что само по себе вызывало возмущение, а именно о *хамстве* как особом культурном оформлении наступившего на человека социального зла. Произошла гибридизация антисоветской культуры и сословного чванства номенклатуры с уголовными приемами унижения человека. Власть 90-х годов к этому культурному течению примкнула и им воспользовалась, а власть 2000-х годов не стала с этим бороться, не встала на защиту населения.

Упорядочивая первые признаки этого открытия, можно вспомнить такие появления этой будущей элиты на общественной сцене.

А.Н. Яковлев представлял основную массу трудящихся не иначе как паразитов, поражая западную общественность заявлениями о «тотальной люмпенизации советского общества», которое надо «депаразитировать». Даже приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других». Это рабочие и крестьяне сами себя не кормят, а паразитируют на других? На ком?.. И ведь это было типичным в дискурсе реформы!

В концепции закона о приватизации (1991 г.) главное препятствие виделось так: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнилельные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам (многие отказываются признавать накопления кооператоров честными и требуют защитить приватизацию от теневого капитала); противодействие слоя неквалифицированных люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Может ли власть, соблюдающая минимум приличий, позволить себе такую фразеологию в *официальном* документе! Мыслимо ли в государственном документе заявить, что *большинство*

соотечественников якобы имеют «мировоззрение поденщиков и социальных иждивенцев»! Рабочие в этом государстве — люмпены, которых надо гнать с «насиженных мест». Такой фразеологии не потерпела бы политическая система ни одной мало-мальски цивилизованной страны, даже в желтой прессе подобные выражения вызвали бы скандал — а у нас ее применяли в законопроектах.

Сплотить общество вокруг такой власти было невозможно. Эта задача легла на новую команду. Но к середине десятилетия начатый удачно демонтаж самых одиозных структур «ельцинизма» забуксовал. Власть не пошла на откровенный диалог с оскорбленным обществом. Достигнутый к 2005 году уровень легитимности оставался неустойчивым, а новый виток трудностей с 2008 года усугубил ситуацию.

Как обстоит это дело в данный момент?

В массовом сознании особое значение приобрела проблема ценностной несовместимости с тем культурным типом, который стал в России властвующей элитой. Похоже, «сильные мира сего» в своем хамстве идут на прорыв, пытаясь прижать В.В. Путина к стенке, — мол, пора определяться...

Вот что пишет, уже в 2010 году, Лев Любимов, заместитель научного руководителя Высшей школы экономики — «мозгового центра», главного разработчика программ: «У нас все сильно не в порядке с сельской местностью... Эти местности — а их число несметно в Центральной России — дают в российский ВВП ноль, но потребляют из него немало. А главное — они отравляют жизнь десяткам миллионов добропорядочных россиян. Вдобавок эти местности — один из сильнейших источников социального загрязнения нашего общества.

Создавать в таких местностях рабочие места накладно и бесполезно — эти самобезработные, как уже говорилось, работать не будут “принципиально”. А принудительный труд осужден на уровне и международного, и национального права. Что же делать? Или мы вновь в культурной ловушке, из которой выхода нет?

Одно делать нужно немедленно — изымать детей из семей этих “безработных” и растить их в интернатах (которые, конечно, нужно построить), чтобы сформировать у них навыки цивилизованной жизни, дать общее образование и втолкнуть в какой-

то уровень профессионального образования. То есть их надо из этой среды извлекать. А в саму среду всеми силами заманивать, внедрять нормальные семьи (отставников, иммигрантов и т. д.), создавая очаги культурной социальной структуры””.

Да ведь это объявление войны!

В среде новых земельных собственников также произошли сдвиги. Фермерство, которое мыслилось как система трудовых хозяйств, породило слой латифундистов. Совершенно неожиданно сельские жители оказались под властью прослойки людей разрушительного типа.

Вот как директор холдинга, в который превращен колхоз кубанской станицы, объяснял работникам перспективы: «Будет прусский путь! А вы знаете, что такое прусский путь?... Да это очень просто: это я буду помещиком, а вы все будете мои холопы!».

Государство содержит огромную армию социологов. Они неустанно исследуют установки людей из всех социальных слоев и регионов. В тысячах докладов и статей почти в одних и тех же выражениях они сообщают власти один и тот же вывод: господствующее меньшинство попирает ценности, права и интересы большинства. Оплаченные этим меньшинством СМИ непрерывно оскорбляют большинство — при полном невмешательстве власти.

Ценностный конфликт структурировался как самостоятельный фактор российского кризиса, он осознан как особый фронт противостояния. В 90-е годы это противостояние маскировалось материальными бедствиями обедневшего населения, так его трактовали даже левые силы. Исследования последних лет развели эти взаимосвязанные, но автономные плоскости, и это сразу показало, что положение гораздо серьезнее.

В статье директора социологического центра РАГС при Президенте РФ В.Э.Бойкова сказано: «48,3% — чувствуют полную незащищенность перед преступностью; 46% — полагают, что, если в стране все будет происходить как прежде, то наше общество ожидает катастрофа. Заметим, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям всех слоев и групп населения, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее. ...

При таком состоянии государственной машины невозможно не только формирование гражданского общества, но и более-менее приемлемое соблюдение элементарных прав личности — гражданских, социальных и экономических прав. Население и организации не имеют возможности получать от органов государственной власти и муниципального управления жизненно необходимые услуги, вынуждены приспосабливаться к непредсказуемым их действиям».

Что важно в первом абзаце — то, что *тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям всех слоев и групп населения*. Это уже курс на катастрофу.

Не менее тревожен вывод второго абзаца: *при таком состоянии государственной машины невозможно не только формирование гражданского общества, но и более-менее приемлемое соблюдение элементарных прав личности*. Значит государственная машина не создает структуры, необходимые для выхода из кризиса, а разрушает их зародыши.

Легитимность такого государства находится под угрозой!

Приложение

М. Доган. Какова степень легитимности режима? (Из статьи М. Догана «Легитимность режимов и кризис доверия». Социс. 1992. № 5).

Нет ни одной страны в мире, где бы все население считало существующий режим полностью легитимным. Уровень легитимности определяется по степеням. Распределить режимы на воображаемой оси по возрастанию степени легитимности от ее минимума к максимуму — задача весьма полезная для сравнительного анализа политических систем... Никогда легитимность не достигает уровня ее единодушного признания, различные группы и индивиды не признают одинаково авторитета политической власти. Существуют слои населения, относящиеся к ней апатично, и сопротивляющиеся ей субкультуры, мирные оппозиционеры и вооруженные террористы, а между этими крайними полюсами находится большинство, лишь частично признающее притязания на легитимность властей предрежащих....

Опросы общественного мнения с большей легкостью оценивают явления, схожие с легитимностью, нежели саму легитимность. Например, непопулярность правительства не означает его нелегитимности.

Тем не менее, понятие легитимности может быть проверено эмпирически. Для ее оценки неоднократно в разных странах задавался вопрос, предлагающий людям выбрать один из трех ответов, отражающих существо споров о легитимности: а) «Я признаю существующие законы и современную систему правления»; б) «Я вижу много недостатков в нашей системе правления, но я верю в возможность постепенного совершенствования существующего режима»; в) «Я полностью отвергаю законы, нашу систему правления и наше общество и вижу единственное решение в полном социальном изменении».

Первый ответ предполагает существование веры в легитимность режима. Второй свидетельствует о наличии убеждения в том, что, несмотря на все его недостатки, существующий режим является лучшим из возможных и, кроме того, поддается совер-

шенствованию. Третий ответ указывает, что существующий режим воспринимается как нелегитимный...

Важный для теории легитимности вывод основывается на том факте, что во многих демократиях абсолютное большинство населения видит многочисленные изъяны в политической системе, и лишь его меньшинство принимает режим безоговорочно.

Теоретически, чем ниже уровень легитимности, тем сильнее принуждение. Чтобы произвести операционализацию понятия «легитимность», необходимо принять во внимание некоторые показатели степени принуждения, такие как отсутствие политических прав и ограничение основных свобод, а также существующую свободу выступлений, объединений или манифестаций, свободу религиозных институтов, независимость правовых институтов, вмешательство военной силы в политические дела и т. д. ...

Всеохватывающая коррупция является симптомом делегитимации режима. Падению режимов часто предшествует широкий размах коррупции (приобретающей всеобщий характер), как это было в периоды краха императорской династии в Китае, правления шаха в Иране и советской номенклатуры. Многочисленные свидетельства обнаруживают существование институциональной коррупции на всех уровнях государственного управления в Африке. Последним оплотом режима является сопротивление коррупции, которое ей оказывают судьи. Когда же общая зараза поражает и их, для обычных граждан не остается больше никакой надежды. В таком случае полный кризис легитимности можно считать предрешенным.

Как ни парадоксально, но все скандалы, связанные с коррупцией, не обязательно являются симптомами делегитимации, поскольку они могут обнаружиться лишь в том случае, когда существует определенная свобода выражения (слова). Можно даже утверждать, что те режимы, где могут разразиться скандалы, не являются абсолютно нелегитимными. В некоторых исключительных случаях скандал может даже стать доказательством демократического и легитимного функционирования системы. Дело Дрейфуса, скандалы «Уотергейт» и «Ирангейт» являются величественными монументами, венчающими французскую и американскую демократические системы. В немногих странах

демократия оказывается настолько сильной, чтобы какая-либо политическая ошибка могла бы быть исправлена вопреки воле армии, или чтобы глава государства мог оказаться вынужденным подать в отставку, как это было, например, с президентом Леоне (Италия, 70-е годы), замешанным в скандале, связанном с коррупцией.

ЛЕКЦИЯ 11

Нации и нациестроительство

В последние четыре века нация и принадлежность к ней (национальность) были важным признаком социальной классификации. Возникновение наций повлекло формирование *национального государства*. Оно стало главной формой политической организации — самой устойчивой и многосторонней по своим функциям. Национальное государство показало исключительную эффективность в сплочении населения страны. Можно сказать, что национальное государство выработало качественно новую матрицу сборки народа, введя новое измерение для идентичности и самоосознания людей — *гражданственность*. Именно потребность государства в интеграции населения положила начало идеологии национализма. Как отмечал Хобсбаум, «не нация создала государство, а государство породило нацию».

«Национализм не есть *пробуждение* наций к самосознанию: он *изобретает* их там, где их не существует», ... «нация возникает с того момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть».

Нации как новый тип сообществ, в которых этничность сопряжена с гражданством (или даже преобразована в гражданство), — порождение Западной Европы в эпоху Нового времени. Этот тип сообществ резко повысил эффективность государства. Поэтому и в незападных странах *нациестроительство* стало одной из важнейших составляющих модернизации. Примеры: проект строительства новой китайской нации в XX веке, начатый Сунь Ятсеном; создание индийской нации (Махатма Ганди и Неру); сборка советского народа в проекте «национал-большевизма» Сталина.

Понятие нации стало ключевым как в отношениях населения со своим государством, так и в международных отношениях между государствами. Это понятие лежит в основе и международного права, и политической практики (национальный суверенитет, право наций на самоопределение, Организация Объединенных Наций — осью здесь является понятие нации).

Это понятие многозначно. При его употреблении надо иметь в виду, в какой контекст оно встраивается. Это слово очень нагружено идеологически.

Два главных смысла нации таковы:

— нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;

— нация как этничность, сообщество тех, кого связывают общие язык, история или культурная идентичность.

Ранние представления о нации были, как мы сказали бы сегодня, проникнуты *примордиализмом*. В нации видели природное явление, чей рост объясняется действием естественных законов, а государства объявляли искусственными образованиями. Сегодня доминирует представление о нациях в стиле *конструктивизма*. Гражданское и этническое, конструктивистское и примордиалистское представления о нациях вырабатывались параллельно, в двух ведущих диалог парадигмах.

Б. Андерсон дает радикальное определение: «Нация — это воображаемая политическая общность... Но человек вообще живет в воображаемом мире, его воображение создает реальность. Поэтому нация есть реальная общность. Ведь, несмотря на неравенство и противоречия внутри нее, принадлежность к нации порождает реальное «горизонтальное товарищество»».

Понятно, что сделать память и культуру общими для всего населения территории, т. е. создать гражданскую нацию, можно лишь в том случае если будут ослаблены различия разных групп, составляющих это население. Таким образом, строительство нации не может быть «бесконфликтным» — «иных» надо преобразовывать в «своих». Вот формула Запада: «несогласные элементы сначала должны быть сделаны различимыми, а затем подвергнуться ассимиляции или устранению». Более сложный тип, к которому относится и Россия, предполагает построение общей территории и общего культурного ядра при *сохранении* этничности

разных групп населения. Это удастся, если есть большой национальный проект и общие интересы (особенно в безопасности) поверх этнического партикуляризма.

Состояние народа России до 1917 года

К концу XIX — началу XX века народы и народности Российской империи находились на разных стадиях этногенеза. В Польше и Финляндии уже было развито национальное самосознание. На другом краю спектра были родоплеменные этнические общности.

Империя отказалась от политики ассимиляции нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, здесь не создавался «этнический тигель», сплавляющий этносы в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах. Не вела активной деятельности по христианизации и православная церковь — на Кавказе и в Средней Азии она практически отказалась от проповеди. В России не было понятия метрополии, не было юридически господствующей нации. Окраины обладали большими льготами (например, по всей Сибири и на Севере не было крепостного права), неправославное население было освобождено от воинской повинности. Управление и суды приравнивались к «вековым народным обычаям». В результате возникла очень сложная государственная система с множеством укладов, норм и традиций.

Во внешнем мире Россия в конце XIX века понималась именно как *нация*. Общероссийское сознание зрело и в массе населения. Государство обеспечило народам России два важнейших для их национальной консолидации условия — защиту от угрозы внешних нашествий и длительный период политической стабильности. Уже это стало источником высокого уровня *лояльности* государству и его символам.

Отказ от политики ассимиляции и веротерпимость государства способствовали укреплению и расширению межэтнических связей народов России. У них был общий *значимый иной* — русские. Даже после распада Российской империи, в ходе Гражданской войны русская Красная армия нигде не воспринималась как армия *иностранная*.

Слово «нация» и не употреблялось, оно подразумевало *национализм* и ассимиляцию народов, которую как раз и отвергала концепция национально-государственного устройства России. Использовали понятие «народность», подразумевавшее идею сохранения народов в единой семье.

Либералы предлагали признать, что население России консолидируется в «обычную» нацию. Эту мысль выражал и П. Струве. Это наталкивалось на почти общее отторжение идеи *национализма*. Считалось, что эта идея противоречит идущей из православия всечеловечности русского мировоззрения. Но реально разговор шел в понятиях *национализма*. Главный водораздел проходил между национализмом имперским, предполагающим сохранение полиэтнического государства, собранного вокруг ядра «большой русской нации», и идеей создания национального русского государства по типу западных.

В условиях кризиса сословного общества и вторжения капитализма горизонтальную солидарность населения стали укреплять социальные угрозы и новый образ *враждебного ино-го* — привилегированного меньшинства и государственной бюрократии. Сознание большинства формировалось уже как *гражданское*, а не сословное. Кульминацией созревания российской нации стала революция 1905–1907 годов, когда возникло «межклассовое единство низов» — система горизонтальных связей солидарности. Крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90% жителей России, стали единым народом, не разделенным сословной и классовой враждой. Этот народ и был *гражданским обществом* России. Оно отличалось от западного тем, что представляло собой *Республику трудящихся*, а ядро западного общества — *Республику собственников*.

Соединение большинства граждан в общины сразу создавало организационную матрицу и для государственного строительства и самоуправления, и для поиска хозяйственных форм.

Демонтаж «имперского» русского народа (в терминах марксизма — «феодальной нации») вели практически все западнические течения — и либералы, и революционные демократы, и социал-демократы. Левая часть образованного слоя разрушала образ монархического государства, подрывая его роль как символа национального сознания.

Русский «имперский» народ стал «пересобираться» в гражданскую (но антибуржуазную) нацию, возник раскол между массой и элитой, которая в сфере общественного сознания была представлена интеллигенцией. Этот раскол приобрел характер разделения на два враждебных народа.

Государство в этом расколе встало на сторону привилегированных слоев, чем и углубило кризис. Начался отход крестьян от государства. Церковь также стала утрачивать свой авторитет, скреплявший национальное сознание. Социальное чувство *тружеников* приобрело в России окраску *национального* чувства угнетенного народа, а такое соединение всегда придает движению силу и упорство.

Началась русская революция, которая была продолжена в других крестьянских странах и стала мировой — но не по Марксу. В революции прошла *пересборка* русского народа, который затем быстро подтянул к себе и другие народы Российской империи.

России удалось пережить катастрофу революции, собрать свои земли и народы, восстановить хозяйство и потом за десять лет совершить рывок в экономическом и научно-техническом развитии. Это стало возможным прежде всего потому, что за десять лет до краха была начата работа по созданию матрицы и технологии монтажа нового народа России (СССР).

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с идеей прогресса привлекло в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так проект революции стал и проектом *нациестроительства*.

Механизмы сборки

В принципе, при строительстве современных наций приходится решать примерно один и тот же комплекс задач во всех сферах общественного бытия. При описании конкретных историй обнаруживается примерно сотня различных *типов связей* между людьми, которые в совокупности и соединяют население в нацию. Для создания таких связей в государстве и обществе

должны действовать, обеспечиваться уходом и ресурсами механизмы («строительные машины»). О сборке советского народа можно сказать, в стиле импрессионизма, следующее.

— Мобилизующим средством стал *исторический вызов* — Гражданская война. Белые и интервенты предстали в ней как *враждебный иной*.

— В Гражданской войне сложился *кадровый костяк* — та управленческая элита, которая действовала в период сталинизма. Это были командиры Красной армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заполнили административные должности в госаппарате. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России.

— Гражданская война собрала *земли (страну)*, народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Эта территория была защищена *границами*. И земля, и ее границы приобрели характер общего национального символа.

— Советский народ был сплочен сильным *религиозным чувством*, как и русская революция. Представление о *благой жизни* вырабатывалось людьми в состоянии *религиозного подъема*. Общинный коммунизм был в большой мере *верой*, а революционное движение — *богоискательским*. В целом, возникла специфическая *центральная мировоззренческая матрица*. На ней все народы СССР собирались в надэтническую общность.

— Общее культурное ядро создавала *единая общеобразовательная школа*, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности. При этом знание русского языка сочеталось с устойчивым сохранением родного языка своей национальности: в 1970 году свой родной язык сохраняли 93,9% населения и в 1979 году — 93,1%. Сложилась билингвистическая национально-русская культура.

— Агентом собирания выступала *армия*. Крупные города стали в СССР центрами интенсивных *межнациональных контактов*. Мощное объединяющее воздействие оказывали СМИ, задающие общую, а не разделяющую идеологию.

— Наконец, все этнические общности СССР были вовлечены в единое *народное хозяйство*. Оно изначально создавалось

как экономическая система, которая позволила бы всем народам СССР избежать втягивания в капитализм. Смысл этой задачи был понятен, как ответ на общий для всех исторический вызов. Советское предприятие, по своему «генотипу» единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР — как единый крестьянский двор.

Степень интеграции советского народа была выше, чем в Российской империи до революции. Этому способствовали модернизация общества, более высокая степень социальной однородности и межрегиональной интеграции, интенсивные миграционные процессы в ходе индустриализации и урбанизации, большие стройки, развитие транспорта и СМИ, а также общий пласт культуры и исторической памяти.

С точки зрения принятых в современном мире понятийных норм следует признать не только реальное существование в СССР «советского народа», но и признать его в качестве обычной полиэтнической нации — советской нации...

Демонтаж советского народа и состояние Российской Федерации

Но процесс не был завершен. С 1960-х годов созрел мировоззренческий кризис, началось ослабление связей народа. Перестройка, реформа демонтировали уже, казалось бы, надежно собранную нацию. Для разрыва связей и порчи механизмов их воспроизводства применялись средства *информационно-психологической* и *экономической* войны.

Экономическая война выразилась в лишении народа его общественной собственности (приватизация земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису и утрате статуса массами рабочих, технического персонала и работников села. Обеднение привело к изменению *образа жизни*, что трансформировало культуру народа и разрушало его мировоззренческое ядро.

Информационно-психологическая война привела к непосредственному разрушению *культурного ядра* народа.

Результатом стала тяжелая *культурная травма*. Это понятие определяют как «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам».

Эта операция велась как ослабление ядра нации, *русского народа*, и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и России. Она повредила связи, соединявшие граждан в социальные сообщества. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации) создано не было. Никакой программы нациестроительства государство не выработало до сих пор. Российское общество впало в состояние тяжелой всеохватывающей *аномии*.

Доктрина демонтажа советского народа предполагала «сборку» нового народа («новых русских») на принципиально иной матрице. Этот небольшой народ должен был выполнять функции *демоса*. Попытка создания этого народа провалилась, сейчас статус демоса приписывается «среднему (или креативному) классу». В целом, попытка превратить какие-то «поднятые» реформой социокультурные группы в системообразующее ядро «нового» народа успехом не увенчалась.

Однако теперь власть признает актуальность проблемы нациестроительства, и эта тема звучит все чаще. Действительно, само выживание России в *любой мыслимой конфигурации* зависит от того, смогут ли общество и государство создать механизмы, способные собрать нацию в новых формах, отвечающих новым условиям. Для этого и нужны нам уроки — как опыта становления советского народа, так и его демонтажа.

Рассмотрим созданные реформой условия, в которых будет выполняться проект нациестроительства. Перечислим основные препятствия для сборки нации.

Символическая сфера

— Разрушено *предание*, на котором собирались российская и советская нация. Началом России объявлены 1990 год и «Декларация независимости», что стерло образ *общей исторической судьбы*. Попытка заменить его образами демократии и рынка наивна.

— Власть представляет *отцами нации* «первых президентов» — Ельцина и Горбачева. Эти *символы разрушения* не приняты и не будут приняты населением как соединяющие.

— Власть навязывает населению образ Запада как *дружественного иного*. Так разрушается хронологический образ России в мире («взгляд с неба»).

— Власть не дает определение *благой жизни (образ будущего)*, подменяя его обещанием комфорта, что неадекватно задаче.

— Власть допускает профанацию через СМИ образа Великой Отечественной войны и Победы, других великих и трагических событий в истории России.

— Власть не идет на общественный диалог о выборе той модели межэтнического общежития, которая должна сложиться в ходе реформ. Пока образ будущего общего дома России не будет понят и принят в массовом сознании, процесс нациестроительства будет буксовать.

И т. д. — список очень велик.

Сфера знания

Нациестроительство требует *знаний*. Но представления о нациях и национализме следует считать *невежеством*, причем упорным. Эти представления проникнуты эссенциализмом и романтическим примордиализмом.

Невозможно строить такой сложный объект, как полиэтническую нацию, если официальная идеология утверждает, что она должна возникнуть *естественным* путем. Проектировщики российской нации излагают свои идеи туманными афоризмами или заклинаниями. При этом самонадеянно отвергается практический опыт и царской, и советской власти.

С задачами нациестроительства несовместима и принятая *идеологическая* доктрина. В основу ее положены социал-дарвинизм и антропологическая модель *индивида*, ведущего *конкуренцию*. Отвергаются культура солидарности и взаимопомощи, а также государственный патернализм. Результатом будет углубление раскола, который пока что рассматривается как временная аномалия переходного периода.

Социально-экономическая сфера

В этой сфере уложены главные пучки связей нации. Здесь и прокатилась машина реформы, которая порвала или ослабила связи советской нации. К ремонту и строительству пока не приступили. Власть лишь ситуативно ослабляет напряженность в «горячих точках».

Последовательно уничтожаются возможности «горизонтального товарищества», которое и есть основа нации. Углубляется кризис легитимности государства — главного агента нациестроительства. Продолжается деградация и распад больших социальных общностей, из которых складывается «тело» нации.

Информационная инфраструктура нации

Известна формула: «нация — это каждодневный плебисцит». Для его ведения требуется определенная культурная, техническая и организационная база. Та, что была создана раньше, разрушена. Грубо нарушены все нормы культуры диалога. Элита и ее СМИ используют риторику социального расизма — и *не замечают* этого! Небывалая по своим масштабам и структуре масса *отверженных* не устаивается от государства даже слова сострадания. Какой уж тут плебисцит!

Сказано: «нацию создал печатный станок». Чтобы демонтировать народ, в самом начале 90-х годов сразу был разрушен «печатный станок» (как общественный институт). Прежде всего была ликвидирована «скелетная» система национальных коммуникаций — центральные газеты, позволяющие одновременно на всей территории страны давать людям пакет важной для всех информации («национальную повестку дня»). Телевидение этой функции выполнять не может. В России общность тех, кто имеет доступ к центральным газетам, сократилась в 15–20 раз.

Спецоперации, подрывающие систему нациестроительства

Сказано: «национализм создает нацию, а не нация национализм». В выборе между *этническим* национализмом (разделяющим нацию) и *гражданским* национализмом (собирающим

нацию) ситуация в России пришла к состоянию неустойчивого равновесия. Судьба России зависит от выявления, собирания и организации всех ресурсов, которые могут направлять ход событий в тот или иной коридор. Каковы перспективы сдвига этого равновесия в сторону гражданского национализма? В данный момент — плохие.

Любая провокация может привести к срыву в этнонационализм, в то время как гражданский национализм надо строить кропотливо, эмоциональные всплески его не укрепляют. Учитывая, какие интеллектуальные и творческие силы мобилизованы сегодня для срыва восстановительного процесса в России, осуществление таких провокаций надо считать неизбежным.

В массовом сознании первый план устойчиво занимают *общегражданские*, социальные проблемы. Люди в массе своей мыслят достаточно рационально, и им не требуется прибегать к понятиям этнонационализма — трактовка социальных проблем *может* быть на языке гражданского национализма. Однако власть, допускающая агрессивную пропаганду СМИ, осознанно или неосознанно подавляет российский гражданский национализм, сдвигая равновесие в сторону этнонационализма.

Надежду внушает устойчивость культуры русских и народов России, унаследованной от предыдущей истории. Этот ресурс дает резерв времени, чтобы общество и государство устранили изъяны в системе знания и понимания проблем нациестроительства, определились с выбором образа будущего и начали серьезный диалог на разных уровнях. Хватит ли этого резерва времени — зависит от ума, совести и воли уцелевших структур общества и государства.

**«Стратегия государственной национальной политики
Российской Федерации на период до 2025 года»:
главные установки**

Стратегию, разработанную в 2012 году, можно считать документом нового поколения. В ней много верных утверждений, и особенным отличием является осторожность этих утверждений. Это документ продуманный, в нем мало постулатов и выводов, которые могут нанести ущерб межнациональным отношениям в России.

Статья 6 Стратегии гласит: «Государственная национальная политика Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах...». Это признание уже обнадеживает. Задача политологов — анализ и конструктивная критика, которая поможет в разработке концепций.

Скажем о главных установках Стратегии. Прежде всего не удовлетворяет первая статья. Она гласит: «Стратегия — система современных приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации».

Отсутствует раздел, без которого нельзя ставить задачи и выбирать «механизмы реализации». В нем должны быть такие подразделы:

- описание и анализ актуальной реальности;
- тенденции ее изменения и динамика процессов;
- «карта» расстановки основных сил и «карта» противоречий между главными акторами процессов.

Скорее всего эти условия не учитываются («не замечаются»). На заседании Совета по межнациональным отношениям В.В. Путин сказал: «Наша базовая задача заключается в том, чтобы ... люди независимо от своей этнической, религиозной принадлежности осознавали себя гражданами единой страны».

Но почему возникла эта «базовая задача»? Какие общности в России и в каком количестве не «осознают себя гражданами единой страны»? Кем они себя осознают и почему? Наконец, почему эта задача названа «базовой»?

Мы помним, что еще летом 1991 года все «люди независимо от своей этнической, религиозной принадлежности осознавали себя гражданами единой страны» — СССР, хотя советский народ был уже бессилён. Здесь, как и в отношении легитимности общественного строя, важно не просто *осознание*, что ты живешь при таком-то строе, и даже не просто *согласие* на его сохранение, а *активное благожелательное согласие* — готовность выступить на его защиту.

Вот существенные данные опроса ВЦИОМ, проведенного в марте 2012 года: «Сейчас самые сильные эмигрантские настроения зафиксированы у граждан, поддержавших кандидата в президенты РФ Михаила Прохорова. 25% “прохоровцев”

заявили, что хотели бы уехать “из этой страны”. По данным ВЦИОМ, покинуть Россию желают также 19% сторонников кандидата Сергея Миронова и 18% сторонников Владимира Жириновского. Еще одни потенциальные эмигранты — студенты. 25% опрошенных в возрасте от 18 до 24 лет тоже заявили, что хотели бы перебраться за рубеж на ПМЖ».

Эти 25% молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, желающих эмигрировать, прекрасно осознают себя гражданами России, но они *не хотят ими быть* — вот что важно. Значит, «наша базовая задача» — гораздо фундаментальнее и сложнее, чем представил Президент России.

Вот оценка ситуации, данная в статье 13 Стратегии: «В результате мер по укреплению российской государственности, принятых в 2000-е годы, *удалось преодолеть дезинтеграционные процессы...*».

Это утверждение не обосновано, не названы индикаторы, критерии оценки и критические точки этих процессов. На наш взгляд, это утверждение *не соответствует действительности*. В контексте Стратегии этот тезис надо понимать как *преодоление дезинтеграционных процессов в человеческих общностях, в обществе в целом, в народах*.

Можно утверждать, что одна из главных причин продолжительности и глубины кризиса как раз заключается в том, что в России произошла глубокая *дезинтеграция* общества. Без того, чтобы действительно остановить эти процессы, планы нациестроительства окажутся утопическими.

Нет оснований и для второго тезиса статьи 13, согласно которому «созданы предпосылки для формирования общероссийского гражданского самосознания на основе общей судьбы народов России, восстановления исторической связи времен, укрепления национального согласия и духовной общности населяющих ее народов».

Когда и каким образом они могли быть созданы, если продолжается курс реформ, которые и привели к разрушению «общероссийского гражданского самосознания на основе общей судьбы»? Что в Стратегии понимается под «общей судьбой»? Мы наблюдаем именно расхождение жизненных судеб — и общностей, и отдельных людей.

Речь идет о процессах социальных, массивных, от которых не может уклониться никакой народ. Везде расходятся пути города и деревни, слоя благополучных и слоя погруженных в бедность, обитающих и работающих в анклав «модерна» или в местности, переживающей деградацию и архаизацию.

В статье 14 так представлен статус этих процессов: «В сфере межнациональных отношений имеются нерешенные проблемы, вызванные как глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России свободного открытого общества и рыночной экономики, так и некоторыми просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации».

Эти массивные процессы названы «нерешенными проблемами», которые пока что «имеются», как нечто второстепенное, наряду с большими успехами. Но ведь это не так! Эти «нерешенные проблемы» на деле являются факторами высшего порядка, и подобраться к их решению пока что не удастся. Их лишь смягчает наличие в России мощного и прибыльного нефтегазового комплекса.

В исследовании уровня эмпатии населения к государственной политике (2012) были затронуты и межэтнические отношения в России. В отчете о результатах сказано: «Для ответа на вопрос: “Какие отношения между различными нациями являются, с Вашей точки зрения, *нормальными*?” была предложена пара: “равенство / каждая нация должна знать “свое место”, потому что равенство наций невозможно”. Соответственно, последовал вопрос о степени “нормальности” данных отношений в современном российском обществе. По данной системе были получены следующие результаты. Отношения между различными нациями должны складываться по принципу равенства (77%), 23% считают, что каждая нация “должна знать свое место”. Отношения между нациями в сегодняшней России *не являются нормальными* по оценкам 82% респондентов. ...»

Неравенство наций в современном российском обществе зафиксировано нашими респондентами, т. е., данная система общественных отношений также являет нам пример нормативного диссонанса — реальность слишком резко расходится с представлениями о ней».

Причинами всех этих проблем в Стратегии названы «глубокие общественные преобразования при формировании в современной России свободного открытого общества и рыночной экономики». Они трактуются как положительные факторы, хотя известно, что большинство считает их причиной бедствия. Как же можно сплотить нацию при диаметрально противоположных оценках ситуации властью и населением?!

Две части России — господствующее меньшинство и большинство населения — уже живут в разных мирах. И эти части расходятся, а власть вместо разрешения этого противоречия пытается сплотить эти две общности риторикой, хотя очевидно, что это уже невозможно.

В статье 14 Стратегии есть фраза: «нерешенные проблемы, вызванные ... некоторыми просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации». Смысл не раскрыт, хотя в документах такого типа обозначение просчетов и ошибок играет роль *ограничений*. Мол, мы совершили такую-то ошибку, мы ее будем исправлять и больше ее не совершим.

Максимально информативной должна была бы быть статья 20 Стратегии, в которой сказано: «Приоритетными направлениями государственной национальной политики Российской Федерации являются ...», — и далее приводится перечень этих приоритетных направлений. Но все это — перечень *пожеланий*. Никаких указаний на то, каким образом это будет достигаться, в Стратегии нет.

Все это — ключевые вопросы, которые определяют вероятность успеха программы нациестроительства.

Приложение

Приведем развернутое рассуждение Г. Павловского о «его народе», интеллигенции.

Русская интеллигенция вся — инакомыслящая: инженеры, поэты, жиды. Ее не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность «республиканских великорусов» едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека.

Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой... Великий немецкий философ Карл Ясперс прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну, когда власть вступает в нечестивый союз с другой частью народа — даже большинством его — пытаясь навязать самой конструкции государства неприемлемый либеральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ...

Что касается моего народа — русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, — ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны — блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная — ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа.

(Павловский Г. Война так война // Век XX и мир. 1991. № 6)

* * *

А.С. Панарин отмечает, что в кризисном обществе РФ отодвинутое от политического волеизъявления большинство не признается народом.

«Технологическая система современной демократии отвергает само понятие народа как устойчивой коллективной лич-

ности, проносящей через все перипетии истории, через все изменения политической конъюнктуры выпуклые национальные качества».

Панарин считает даже, что переход от советского плебисцитарного типа выборов как общего одобрения политики государства к выборам как политическому рынку, на котором конкурируют разделенные группы электората, был вообще невозможен без предварительной атомизации сложившихся в советском обществе социальных структур. Для этого требовалось, по его словам, «максимально возможное дистанцирование отдельных индивидов — особенно из народных классов — от своей социальной группы, от групповой картины мира и групповых (коллективных) ценностей. Персонажем электоральной системы может быть не тот рабочий, который всегда со своим классом, а тот, которого в ходе избирательной кампании можно убедить покинуть классовую нишу рабочих и проголосовать за представителей других партий. Только при условии такого свободного дистанцирования от групп, когда индивиды ведут себя как свободные электроны, покинувшие классовую орбиту, из них можно формировать текучий демократический электорат, меняющий свои очертания от одних выборов к другим. Устойчивые коллективные групповые сущности здесь противопоказаны, а народ как устойчивая коллективная сущность — тем более».

(Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм-ЭКМО, 2006)

* * *

В книге Исход сказано: «В полночь Господь поразил всех первенцев в земле Египетской, от первенца фараона, который сидит на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И сделался великий вопль во всей земле Египетской, ибо не было дома, где не было бы мертвеца... И сделали сыны Израилевы по слову Моисея и просили у Египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу Своему в глазах Египтян: и они давали ему, и обобрал он Египтян».

* * *

Главный раввин Москвы Рав Пинхас Гольдимиidt писал в «Независимой газете» в 1994 году:

«Гематрия, один из разделов Каббалы, где дается объяснение явлениям на основе числовых значений слов и понятий, показывает нам, что сумма числовых значений слова “ицраим” — “Египет” и “СССР” одинаково. Так же и ситуация сейчас во многом сходна».

(Рав Пинхас Гольдимиidt. Символ свободы // Независимая газета. 1994. 26 марта)

* * *

В 1905 году сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов-французов, а нам — от злых кровопийных помещиков».

(Сенчакова Л.Т. Приговоры и наказания российского крестьянства. 1905–1907. Т. 2. М.: Ин-т российской истории РАН, 1994. С. 272)

ЛЕКЦИЯ 12

Дезинтеграция и консолидация общества

Когда речь идет о государственной политике и управлении, за ними всегда возникает образ *общества* — и политика, и управление организуют и регулируют *общественные* процессы.

В учебнике Г.В. Атаманчука «Теория государственного управления» сказано о функциях государства: «Прежде всего, это функция **обеспечения целостности и сохранности** того общества, формой которого выступает данное государство... Конечная цель политики в объективном смысле сводится к созданию условий для спокойного и гармоничного развития общества».

В этом суждении можно усомниться в деталях, но главное верно: государство обязано обеспечить сохранность и целостность общества, это смысл его деятельности. Покой и гармония — это уже как повезет.

Встает, конечно, вопрос, кто кого породил: государство — плод усилий общества или наоборот? Многие считают, что первично общество, оно и создает для себя государство. Например, Г.В. Атаманчук пишет в учебнике: «Государство “идет” от общества и призвано обслуживать его потребности, интересы, цели и волю. Следовательно, государственно-правовые институты, по крайней мере в демократическом государстве, являются институтами самого общества и подлежат его ведению». Не будем спорить о генезисе, но это сомнительно. Общество — сложная система (по структуре сложнее нации), а ведь нацию или народ создает именно государство, а не наоборот.

Надо кратко уточнить представление об обществе. Как и в отношении понятия *народ*, обыденное представление об обществе проникнуто эссенциализмом. Мы думаем о нем как о *вещи* — массивной, подвижной, чувственно воспринимаемой и суще-

ствующей всегда. Это представление было воспринято вместе с механицизмом в проекте Просвещения и укреплено в советское время истматом, в котором общество выглядело как движение масс, организованных в классы, ведущие между собой борьбу.

Это ведет к тому, что социальные группы натурализируются и гипостазируются, наделяются таким же онтологическим статусом, что и «вещи», «субстанции». Современная наука, напротив, рассматривает общество как сложную систему, которая не возникает «сама собой». Ее надо конструировать и создавать, непрерывно воспроизводить и обновлять. Общество находится в процессе непрерывного развития, так что в динамическом взаимодействии переплетаются интеграция и дезинтеграция — как отдельных элементов, так и всей системы в целом.

Субъекты политических процессов — не индивиды, а общности, собранные и воспроизводимые на какой-то матрице. Состояние всей системы общностей, соединенных в общество, и политика их воспроизводства — один из главных предметов политологии. Распад общностей и утрата ими общественной и политической дееспособности — одна из угроз, ставших кошмаром социологии.

А. Турен, тогда президент Международной социологической ассоциации, писал: «Можно утверждать, что главной проблемой социологического анализа становится изучение исчезновения социальных акторов, потерявших под собой почву или из-за волюнтаризма государств, партий или армий, или из-за экономической политики, пронизывающей все сферы социальной жизни, даже те, что кажутся далекими от экономики и логики рынка. В последние десятилетия в Европе и других частях света самой влиятельной идеей была смерть субъекта».

Вывод — трагический для современной цивилизации: *смерть субъекта. Исчезновение социальных акторов*, т. е. коллективных субъектов общественных процессов! Это новое состояние социального бытия, мы к этому не готовы ни интеллектуально, ни духовно, а осваивать эту новую реальность политология должна срочно.

Примем, что в наше время население страны существует, и оно организовано в двух взаимосвязанных системах — *народ* (нация) и *общество*. Функция государства — сохранить общество (обе-

спечить его воспроизводство), а если в ходе какой-то катастрофы оно утратило системную целостность — как можно быстрее его снова «собрать» на обновленной и прочной матрице.

Как выполняет эти функции государство постсоветской России?

С точки зрения социологии, главным следствием реформы 1990-х годов стала *дезинтеграция*, распад российского общества. Кризис, перешедший в 1991 году в острую стадию, потряс всю систему общества, все ее элементы и связи. Период относительной стабилизации после 2000 года сменился в 2008 году новым обострением. Сейчас постановка диагноза состояния системы общностей (социокультурных групп) стала актуальной и срочной задачей. Можно утверждать, что одна из главных причин продолжительности и глубины кризиса заключается именно в глубине дезинтеграции общества. Ее маховик был раскручен в целях демонтажа *советского* общества. Но остановить этот маховик после 2000 года не удалось. Исследователи, изучавшие эту сторону реформы, писали (1999):

«*Социальная дезинтеграция* понимается как процесс и состояние распада общественного целого на части, разъединение элементов, некогда бывших объединенными, т. е. процесс, противоположный социальной интеграции. Наиболее частые формы дезинтеграции — распад или исчезновение общих социальных ценностей, общей социальной организации, институтов, норм и чувства общих интересов. ... Это также синоним для состояния, когда группа теряет контроль над своими частями. Этим понятием часто обозначается и отступление от норм организации и эффективности, т. е. принятого институционального поведения то ли со стороны индивида, то ли со стороны социальных групп и акторов, стремящихся к переменам. Тогда понятие социальной дезинтеграции по содержанию становится весьма близким к понятию “аномия”. Социальная дезинтеграция способствует развитию социальных конфликтов».

А. Тойнби писал, что «больное общество» (в состоянии дезинтеграции) ведет войну «против самого себя». Образуются социальные трещины — и «вертикальные» (например, между региональными общностями), и «горизонтальные» (внутри общностей, классов и социальных групп). Это и происходит в России.

В большой обзорной работе сказано: «В настоящее время в российском социальном пространстве преобладают интенсивные дезинтеграционные процессы, размытость идентичностей и социальных статусов, что способствует аномии в обществе. Трансформационные процессы изменили прежнюю конфигурацию социально-классовой структуры общества, количественное соотношение рабочих, служащих, интеллигенции, крестьян, а также их роль. Судьба прежних высших слоев (политическая и экономическая элита) сложилась по-разному: кто-то сохранил свои позиции, используя имеющиеся привилегии, кто-то утратил. Хуже всех пришлось представителям прежних средних слоев, которые были весьма многочисленны, хотя и гетерогенны: профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие. Большая их часть обеднела и стремительно падает вниз, незначительная доля богатеет и уверенно движется к вершине социальной пирамиды...

Коренным образом изменились принципы социальной стратификации общества, оно стало структурироваться по новым для России основаниям... Исследования подтверждают, что существует тесная связь между расцветом высшего слоя, “новых русских” с их социокультурной маргинальностью, и репродукцией социальной нищеты, криминала, слабости правового государства».

В 1998 году А.А.Галкин писал: «Многие социальные группы, которые теоретически должны были бы составить костяк среднего класса (прежде всего работники нефизического труда, большинство квалифицированных рабочих, ремесленники, часть мелких предпринимателей) в результате издержек трансформации и некомпетентной политики оказались на социальном дне или где-то в его районе. Те, кто с некоторой натяжкой могли бы быть отнесены к среднему классу (основная масса торговых работников и мелких предпринимателей в промышленности и сфере услуг), с трудом держатся на его самой последней, низкой ступени, постоянно подвергаясь опасности соскользнуть вниз...

Расчлененность и внутренняя противоречивость интересов свойственна и другим слоям и группам российского общества».

После 2000 года этот процесс не остановился, инерция его велика. Вот как социологи В.А. Иванова и В.Н. Шубкин характеризуют состояние общества, сравнивая ответы респондентов в 1999 и 2003 годах: «Усиливается ориентация на готовность к социальному выживанию по принципу “каждый за себя, один Бог за всех”. ... Анализ проблемы страхов россиян позволяет говорить о глубокой дезинтеграции российского общества. Практически ни одна из проблем не воспринимается большей частью населения как общая, требующая сочувствия и мобилизации усилий всех».

Примерно так же описывает ситуацию директор Центра социологических исследований Российской академии государственной службы В.Э. Бойков (2004): «Состояние массовой фрустрации иллюстрируется данными социологических опросов различных категорий населения. Согласно опроса 2003 г. ... 81,7% — не планируют свою жизнь или планируют ее не более чем на один год; 67,4% — считают, что они совсем не застрахованы от экономических кризисов, которые опускают их в пучину бедности, и 48,3% — чувствуют полную незащищенность перед преступностью; 46% — полагают, что, если в стране все будет происходить как прежде, то наше общество ожидает катастрофа. Заметим, тревожность и неуверенность в завтрашнем дне присущи представителям всех слоев и групп населения, хотя, конечно, у бедных и пожилых людей эти чувства проявляются чаще и острее».

А вот вывод при взгляде на российскую реформу извне, с обобщающей формулировкой. М. Буравой, ныне президент Международной социологической ассоциации, пишет: «Россия поляризуется... Центр интегрируется в передовые сети глобального информационного общества, провинции бредут в противоположном направлении к неофеодализму... Невероятно глубокое разделение общества по имущественному положению повлекло за собой отчужденность. Разрушительной формой протеста стало пренебрежение к социальным нормам».

Таким образом, распад структуры общества означает исчезновение той социальной среды, которая и обеспечивает выполнение каждым членом социума нравственных и правовых норм. Люди, не связанные с согражданами социальными, информационными и эмоциональными связями, не получают от окружаю-

щих сигналов одобрения или неодобрения и, тем более, не испытывают на себе моральных санкций своей общности.

Рассмотрим кратко типы разломов, которые разрывают связи между людьми и ведут к дезинтеграции общества.

— Первый раскол — между *бедными* и *богатыми*.

Вывод социологов: «Бедные и богатые в России — два социальных полюса, причем речь идет не просто о естественном для любого общества с рыночной экономикой различных уровнях дохода отдельных социальных страт, источников поступления этого дохода и его структуры, но о таком качественном раслоении общества, при котором на фоне всеобщего обеднения сформировалась когорта сверхбогатых, социальное поведение которых несовместимо с общепризнанными моральными, юридическими и другими нормами».

В.Э.Бойков так говорит о задаче консолидации общества по ценностным основаниям (2010): «Достижение ценностного консенсуса между разными социальными слоями и группами является одной из главных задач политического управления в любой стране. Эта задача актуальна и для современного российского общества, так как в нем либерально-консервативная модель государственного управления, судя по материалам социологических исследований, нередко вступает в противоречие с традициями, ценностями и символами, свойственными российской ментальности».

Эта задача пока не находит разрешения. Институт социологии РАН с 1994 года ведет мониторинг субъективной оценки *возможности достижения взаимопонимания и сотрудничества между бедными и богатыми*. В ноябре 1998 года они были максимально скептическими: отрицательно оценили такую возможность 53,1% опрошенных, а положительно — 19% (остальные — нейтрально). Затем от года к году (до октября 2006 г.) доля отрицательных оценок колебалась в диапазоне от 42,1 до 46%. Оптимистическую оценку давали от 20 до 22%. Угроза утраты «коммуникабельности» со временем нарастает.

— Второй раскол — мировоззренческий.

Это массовое разделение проходит по всем группам. Оно даже пересекает пропасти между богатыми и бедными, между русскими и нерусскими, между поколениями.

Л. Радзиховский констатирует в официальной «Российской газете»: «Идеологически страна по-прежнему состоит из “двух Россий”. Одна — за Сталина, русского бога равенства, зависти и садистской жестокости. Другая — за Гайдара, символ неравенства, конкуренции, рыночной жесткости. И договориться этим двум странам никак не возможно... Такая страна — две взаимоисключающие друг друга половинки, с разным прошлым и разными мыслями о будущем».

Исследование социально-политических ориентаций россиян (осень 2009 г.) привело к выводу: «В иерархии ценностных ориентаций ключевое значение имеет “социальная справедливость”. Для большинства опрошенных она по-прежнему означает преимущественно социальное равенство, что проявляется в оценке различий между людьми по принципу получения ими доходов. Во взглядах респондентов на соответствие оплаты труда трудовым усилиям произошел существенный сдвиг в сторону социального равенства... Как показывают данные исследований, распределение мнений о сути социальной справедливости и о несправедливом характере общественных отношений одинаково и в младших, и в старших возрастных группах... Именно несоответствие социальной реальности ментальному представлению большинства о социальной справедливости в наибольшей мере отчуждает население от политического класса, представителей бизнеса и государственной власти».

— Третий раскол — территориальный. На разделение по социально-экономическим параметрам накладывается сетка разделения по региональным основаниям и по типам поселений. Вот выводы исследования 2009 года: «Жители мегаполисов и российская провинция видели совершенно разные “России”. В мегаполисах со знаком плюс оценивают ситуацию в стране 69% респондентов, в российской провинции, районных центрах, поселках городского типа и на селе — от 34 до 38%. Ситуацию катастрофической или кризисной здесь считали свыше половины всех опрошенных, в то время как в мегаполисах — лишь более четверти. Уровень разброса оценок по отдельным городам впечатляет еще больше. Москвичей, довольных жизнью, было свыше 80%, тогда как в Пскове или Рязани — 22% и 26% соответственно».

— Четвертый раскол — этнокультурный. Этнонационализм как идеология начал свое наступление уже в СССР, в годы перестройки. А в 1990-е годы произошло важное изменение во всей конструкции межнационального общежития России — массовое сознание нерусских народов сдвинулось от *русоцентричного* к *этноцентричному*. В некоторых регионах произошла мобилизация этничности на базе русофобии, т.е. агрессивного этнонационализма.

— Пятый раскол — между поколениями.

В последние годы перестройки и в 1990-е годы культурная травма, поразив и старшие поколения, и подростков, вызвала резкие конфликты между поколениями, разрушая традиционные отношения и установившуюся в советское время систему норм взаимной ответственности и уважения. В дальнейшем, в ходе углубления дезинтеграции общества, этот раскол лишь увеличился, становился «системным» — происходило расхождение социальных и ценностных установок, структур потребностей и пр.

Исследование отношений между поколениями (2004) показало: «Наиболее экспрессивное и агрессивное противостояние поколений происходит на макроуровне по проблемам идеологии. ... Негативное влияние на межпоколенные конфликты оказывают такие явления, как социальное неравенство и социальная несправедливость, конкуренция и безработица, этнические, сословные и религиозные разногласия.

Обострению межпоколенных конфликтов способствуют масштабные и динамические изменения в политической и экономической структурах общества, смена бытовых и культурных стандартов, а также сопутствующие им социальные конфликты, такие как, например, семейные, этнические, классовые, профессиональные».

В условиях глубокого кризиса и дезинтеграции общества, когда система расколов, трещин и линий конфликта является *многомерной*, требуется обновление методологического инструментария для составления «карты общностей» и диагностики их состояния. Идентификация общностей уже не может быть основана только на экономических индикаторах, которые делят общество на слои, страты (собственность, доход, обладание товарами длительного пользования и т.д.). Процессы дезинтеграции про-

текают с сильными синергическими эффектами экономических, политических и культурных факторов. Политолог должен видеть *социокультурные* структуры, для чего надо выявлять целые кластеры отношений, соединяющих людей в группы.

В 1996 году социолог и культуролог Л.Г.Ионин сделал замечание, справедливое и сегодня: «Дело выглядит так, будто трансформирующееся российское общество в состоянии адекватно описать и понять себя при помощи стандартных учебников и стандартных социологических схем, разработанных на Западе в 60–70-е годы для описания западного общества того времени...

И западное общество, и российское почти одновременно подошли к необходимости коренной когнитивной переориентации. На Западе она произошла или происходит. У нас же она совпала с разрушительными реформами и полным отказом от приобретенного ранее знания, а потому практически не состоялась. Мы упустили из виду процессы, происходящие в нашем собственном обществе, и *живем сейчас не своим знанием, а тридцатисорокалетней давности идеологией западного модерна*. ... Теории, которые у нас ныне используются, описывают не то стремительно меняющееся общество, в котором мы живем сейчас. Переводимые и выпускаемые у нас ныне учебники социологии описывают не то общество, с которым имеет дело студент».

Насколько беспомощна модель социальной стратификации, показывает поразительная бесплодность концепции среднего класса как главного субъекта истории нынешней России, в том числе как субъекта модернизации. Академик М.К.Горшков (директор Института социологии РАН) пишет (2010): «Практически не происходит осознания устойчивых групповых интересов, основанных на политических, социальных, духовных, профессиональных и других идентичностях. Это препятствует формированию полноценного гражданского общества и утверждению характерных для обществ модерна социальных практик и институтов».

Нынешние социальные страты в России вовсе не интегрированы общими ценностями. Напротив, по ряду ценностей группы складываются по вертикальной оси, пронизывая все страты. И таких «вертикальных связей» много, и они едва ли не сильнее, чем горизонтальные связи в социальных стратах. Можно ска-

зять, что происходит не слоистое членение общества, а вертикальное.

Так под каким углом зрения мы должны «визуализировать» карту социокультурных общностей России, чтобы она служила полезным инструментом для изучения нашего кризиса? Вот минимальное требование: общность как субъект процессов кризисного общества должна быть выделена с помощью как экономических, так и культурных индикаторов и критериев. Для политологии требуется синтез экономико-социологических и культурологических подходов. Это трудная задача, ее решение потребует времени и методологических усилий.

Делая обзор современных западных представлений об изменениях структуры общества, Л.Г.Ионин резюмирует, что в результате «детрадиционализации» классовых состояний, распада классовых идентификаций и нарастающей мобильности происходит распад социальных классов и слоев, соответствующих прежним социоструктурным моделям. Далее Л.Г.Ионин выдвигает сильный тезис о парадоксальном характере структурных изменений российского общества. Приведем некоторые из предложенного им перечня парадоксов.

«Чисто структурные моменты происходящих ныне в России изменений совершенно не соответствуют тому, что происходило в западных странах и привело в конце концов к индивидуализации и плюрализации жизненных форм. Вместо необычайного повышения жизненного стандарта на фоне устойчивого экономического роста, что имело место на Западе, в России происходит противоположный процесс — глубокое падение жизненного уровня большинства населения...

Это, казалось бы, исключает плюрализацию и индивидуализацию жизненных форм и способствует, наоборот, формированию архаичных, с точки зрения современного социокультурного развития, форм социального расслоения.

Однако наблюдение российской реальности демонстрирует и совершенно другие факты:

— Резкое, даже скачкообразное *увеличение количества самых многообразных, абсолютно не сводимых к сословным, классовым или слоевым определениям жизненных форм и стилей, имеющих исключительно культурное происхождение.* Все эти

стили, возникшие в России в течение последних пяти–десяти лет, не корреспондируют непосредственно с категориями демографической, профессиональной или экономической структуры как советской, так и нынешней “капиталистической” России.

— Крайняя условность и подвижность профессиональной структуры в сегодняшней России... Необходимость приработка для содержания семьи часто заставляет индивида осваивать и усваивать жизненные формы и стили, к которым он никогда бы не обратился в благополучной и стабильной ситуации. ... Происходит *релятивизация жизненных стилей* в практике отдельно взятой личности. Разрушаются стабильные классово-культурные и специфически слоевые идентификации, которые уже не могут быть в полной мере восстановлены даже в условиях возможной социальной и экономической стабильности.

— Главным признаком российской политики является практически полное отсутствие социально-слоевой идентификации политических партий. Многочисленные попытки отдельных партий и лидеров установить предполагаемую классическими политологическими учениями “принципиальную координацию” между партией с ее доктриной и соответствующим социальным слоем многократно и красноречиво проваливались. Рабочие отказываются идти в лоно социал-демократии, промышленники не поддерживают ни гайдаровскую партию, ни партию экономической свободы, которые собственно для них и создавались. Нет партии рабочих и партии крестьян, нет партии бедных и партии богатых.

Формирование блоков и движений регулируется не социальной (социально-слоевой) близостью участвующих партий, а именно актуальными политическими темами, по которым может возникнуть временная общность целей, и конкретными политическими ситуациями. Социально обусловленной идиосинкразии политиков разных ориентаций не возникает. И это не неразборчивость и беспринципность, как о том любит шуметь пресса, а принципиальная характеристика политики, в корне изменившейся вместе с ликвидацией и очевидной бесперспективностью восстановления традиционной классово-слоевой структуры общества».

Для нас также полезно данное Л.Г.Иониным описание процесса дезинтеграции российского общества, рассмотренного через призму социологии культуры. Он пишет: «Гибель советской моностилистической культуры привела к распаду формировавшегося десятилетиями образа мира, что не могло не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом...

Болезненнее всего гибель советской культуры должна была сказаться на наиболее активной части общества, ориентированной на успех в рамках сложившихся институтов, т.е. на успех, сопровождающийся общественным признанием. Такого рода успешные биографии в любом обществе являют собой культурные образцы и служат средством культурной и социальной интеграции. И наоборот, разрушение таких биографий ведет к прогрессирующей дезинтеграции общества и массовой деидентификации.

Наименее страдают в этой ситуации либо индивиды с низким уровнем притязаний, либо авантюристы, не обладающие устойчивой долговременной мотивацией... Авантюрист как социальный тип — фигура, характерная и для России настоящего времени».

Наша тема — дезинтеграция общностей, а также выявление и диагностика тех, которые сохранились, хотя бы и в сильно разрыхленном состоянии, и нарождаются в новых условиях.

Мы исходим из умеренного предположения, что российское общество переживает процесс дезинтеграции — происходит разрыв связей между общностями и в то же время разрыв связей между членами каждой общности. То есть идет разрыхление и сокращение в размерах (деградация) самих общностей. Но эти процессы не достигли той глубины, при которой деградация стала необратимой; сопротивление ей сильнее, чем это казалось в 1990-е годы. Более того, идут и процессы интеграции общества — по-новому в новых условиях, иногда в виде «сетей взаимопомощи», нередко в болезненных формах (например, в теневой или даже криминальной экономике, в молодежных сообществах типа фанатов или гопников).

Конечно, динамическое равновесие неустойчиво и может быть резко нарушено, да и деградация, скорее всего, преоблада-

ет и ускоряется по мере исчерпания тающего запаса советских ресурсов.

Как «собираются» социокультурные группы?

В последние десятилетия представления об их формировании были развиты ведущими социологами — в частности, П. Бурдьё. В качестве общеприятного мнения эти представления воспринимаются болезненно. Мы привыкли «видеть» социальные общности как *объективную реальность*, хотя это — продукт нашего мыслительного конструирования образа реальности, а иногда и сложной теоретической работы.

П. Бурдьё сказал в интервью (1992): «Тот особый случай, который представляет собой проблема социальных классов, считающаяся уже решенной, очевидно, чрезвычайно важен. Конечно, если мы говорим о классе, то это в основном благодаря Марксу. И можно было бы даже сказать, если в реальности и есть что-то вроде классов, то во многом благодаря Марксу, или более точно, благодаря теоретическому эффекту, произведенному трудами Маркса».

Для «сборки» менее крупной, чем классы, общности необходима конструктивная деятельность особой группы, которая выстраивает матрицу когнитивной, информационной и нормативной системы будущей общности (поначалу, перефразируя Маркса, «общности-в-себе»).

Подобные группы, «представляющие» общность (*актив*), в разных сферах формируются по-разному. Но именно эти группы видны обществу, и их образ — язык, поведение, ценности и интересы, образ действий — приписывается стоящим за их спиной общностям. Если такая группа не образуется, то общность не видна, а значит ее, как социального явления, не существует, ибо она не имеет канонического образа «самой себя» и не может обрести самосознания.

Так, например, возникают сообщества, которые на карте науки обозначаются как «научные направления» или «исследовательские области». Эти группы и представляют в социальном мире возникающую и развивающуюся общность (за это представительство чаще всего сразу возникает борьба, нередко приобретающая драматические формы, как например, в случае борьбы за представительство научного сообщества генетиков в СССР в 40-е годы).

П. Бурдьё говорит: «Я не устаю напоминать, приводя знаменитое название работы Шопенгауэра, что социальный мир есть также *представление* и *воля*. Представление в психологическом смысле, но еще и в театральном, в политическом, то есть как делегирование, как группа уполномоченных представителей кого-либо. То, что мы рассматриваем как социальную реальность, есть по большей части представление или продукт представления во всех смыслах этого термина. А социологический дискурс входит в первую очередь в эту игру, и с той особой силой, которую ему придает его научный авторитет. Когда речь идет о социальном мире, то говорить авторитетно значит делать: если, например, я авторитетно заявляю, что социальные классы существуют, я в значительной степени способствую тому, чтобы они существовали».

Отношение между этим активом (субститутотом, т. е. «заместителем») и социальной группой подобно отношению между обозначающим и обозначаемым. Об этом отношении Бурдьё писал: «Обозначающее — это не только тот, кто выражает и представляет обозначаемую группу; это тот, благодаря кому группа узнает, что она существует, тот, кто обладает способностью, мобилизуя обозначаемую им группу, обеспечить ей внешнее существование».

Надо уточнить, что эта группа-субститут не представляет собой абстрактную сущность, а возникает на основе существующего в социальной системе материала — того контингента *группы-в-себе*, который и надо мобилизовать и консолидировать дополнительными связями.

Классический случай: Маркс и его соратники смогли не только обозначить, но и *создать* класс пролетариата потому, что произошла промышленная революция и появилась масса людей, ставших наемными работниками на заводах и фабриках. Труды Маркса помогли этим людям узнать, что они существуют как класс, как субъект исторического процесса. Более того, во многих случаях *группа-в-себе* активно выбирает себе группу-субститут путем перебора кандидатов и в большой мере корректирует их доктрины.

Мы говорили ранее, что самым первым объектом демонтажа стал *народ* (*нация*). Эта система структурно иная, нежели обще-

ство, но они взаимопроникают друг в друга, так что повреждение одной сразу сказывается на связях другой. Выполнение политической задачи «разборки» советского народа привело к повреждению или разрушению многих связей, соединявших граждан в народ.

Интенсивные социально обусловленные страхи говорят о том, что люди ощущают себя не защищенными мощной системой народа, что в свою очередь заставляет их сплачиваться в малые группы или даже родоплеменные общности.

В результате дезинтеграции народа сразу же началась деградация *внутренних* связей каждой отдельной общности (профессиональной, культурной, возрастной). Совокупность социальных общностей — структурных элементов российского общества — утратила «внешний скелет», которым для нее служил народ (нация). При демонтаже народа была утрачена скрепляющая его система связей «горизонтального товарищества», которые пронизывали *все* общности — и как часть их «внутреннего скелета», и как каналы их связей с другими общностями.

Прежде всего демонтажу были подвергнуты профессиональные общности, игравшие ключевую роль в поддержании политического порядка СССР. Для советского строя таковыми были, например, *промышленные рабочие* («рабочий класс»), *интеллигенция, офицерство*. После 1991 года сразу были ослаблены и во многих случаях ликвидированы многие механизмы, сплачивающие людей в общности, сверху донизу.

Например, были упразднены даже такие простые исторически укорененные социальные формы сплочения общностей, как *общее собрание трудового коллектива* (аналог сельского схода в городской среде). Были повреждены или ликвидированы инструменты, необходимые для поддержания *системной памяти* общностей — необходимого средства для их сплочения. Политическим инструментом разрушения самосознания и самоуважения профессиональных общностей стало резкое обеднение населения, которое вызвало культурный шок и привело к сужению сознания людей.

В.Э. Бойков писал в 1995 году: «В настоящее время жизненные трудности, обрушившиеся на основную массу населения и придушившие людей, вызывают в российском обществе социальную

депрессию, разъединяют граждан и тем самым в какой-то мере предупреждают взрыв социального недовольства».

В работе этого социолога есть даже целый раздел под заголовком «Пауперизация как причина социальной терпимости». Так политический режим середины 1990-х годов с помощью пауперизации приобрел «социальную терпимость» граждан колоссальной ценой *распада общества*. Под флагом «демократизации» были устранены системы социальных норм и санкций за их нарушение — правовых, материальных и моральных.

Особо надо отметить важную роль в этом процессе государственной информационной политики в годы перестройки, когда СМИ были еще полностью государственными, а в 1990-е годы — под сильным влиянием государственной власти. В ходе кампании СМИ, которую вполне можно назвать *информационно-психологической войной*, «культурными» средствами разрушалось самосознание социокультурных общностей.

Приведем выдержку из большой работы социолога О.А. Кармадонова (2010) о «направленности дискурсивно-символической трансформации основных социально-профессиональных групп в годы перестройки и постсоветской трансформации». Кармадонов пишет: «Как следует из представленного анализа, в тот период развенчивались не только партия и идеология. В ходе “реформирования” отечественного социума советского человека убедили в том, что он живет в обществе тотальной лжи. Родная армия, “на самом деле” — сборище пьяниц, садистов и воря, наши врачи, по меньшей мере, непрофессионалы, а по большей — просто вредители и убийцы, учителя — ретрограды и садисты, рабочие — пьяницы и лентяи, крестьяне — лентяи и пьяницы. Советское общество и советские люди описывались в терминах социальной тератологии — парадигмы социального уродства, которая, якобы, адекватно отображает реалии. Это, разумеется, не могло не пройти бесследно для самоощущения представителей этих общностей и для их социального настроения, избираемых ими адаптационных стратегий — от эскапизма до группового пафоса.

Происходила массивированная дискредитация профессиональных сообществ, обесмысливание деятельности профессионалов».

Рассмотрим подробнее, в качестве *case-study*, как происходил процесс демонтажа общности *промышленных рабочих*. Утрата профессиональной общности промышленных рабочих как угроза *деиндустриализации* России с ее выпадением из числа индустриально развитых стран — особая проблема. Здесь мы рассматриваем это явление через призму политологии. В принципе, методология демонтажа общности рабочих повторялась, с небольшими вариациями, в обработке и общностей в других сферах деятельности. Процессы дезинтеграции общностей крестьян, интеллигенции, офицерства и др. протекали сходным образом.

В советском обществоведении образ общности рабочих формировался в канонических представлениях классового подхода марксизма, с небольшими добавлениями стратификационного подхода. Рабочий класс гипостазировался как носитель некоторых имманентных качеств (пролетарской солидарности, пролетарского интернационализма, ненависти к эксплуатации и несправедливости и т. д.). Такое представление о главной структурной единице советского общества оказало большое влияние на ход событий в СССР — как в сфере сознания, так и в политической практике.

В советской государственной системе «группа уполномоченных представителей» рабочего класса каждодневно и успешно давала представление (в терминах Бурдье) о «социальной реальности», в которой рабочие выглядели оплотом советского строя — сплоченной общностью с высоким классовым самосознанием. В действительности и советские историки, и западные советологи, и неомарксисты уже накопили достаточно материала, чтобы увидеть под классовой риторикой русской революции совсем другое явление, нежели планировал Маркс, и совсем иных социальных акторов. Рабочий класс России был еще проникнут общинным крестьянским мироощущением, которое и определяло его «габитус» — и когнитивную структуру, и образ действий в политической практике. Н.А. Бердяев писал, что в мифе о пролетариате по-новому предстал миф о русском народе: «Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным, реакционным классом».

В советский период этот «рабоче-крестьянский народ» совсем утратил навыки классового мышления и практики (в понимании марксизма) и оказался совершенно не готов к обороне против политических технологий постмодерна, разработанных уже на основе трудов Грамши, Деррида и Бурдьё. Антропология культур традиционного общества за послевоенное время сделала огромный скачок, найдя подходы к разборке и сборке общностей разных типов. Советские рабочие с их мифическим «классовым сознанием» выглядели перед идеологической машиной перестройки, как воины-махдисты Судана против англичан с пулеметами (в 1898 году под Хартумом отряд англичан, вооруженный шестью пулеметами «Максим», уничтожил 11 тыс. воинов-махдистов, потеряв убитыми 21 человека).

Рабочие и стали бульдозером перестройки, который крушил советский строй. На тех, кто сидел за рычагами, здесь отвлекаться не будем.

Ни на одном повороте хода событий в нашем кризисе рабочие не выступили как исторический субъект, как общность, сплоченная развитыми когнитивной, информационной и организационной системами. Как только они лишились уполномоченной *представлять* их и *руководить* ими группы (в КПСС, профсоюзах, министерствах и СМИ), обрушились те связи, которые соединяли их в общность, дееспособную и даже могучую в *советских условиях*. Они вновь стали *группой-в-себе* — рабочие в России есть, а общность демонтирована.

Первый удар, нанесенный всей общности советских рабочих с целью ее демонтажа, состоял в ее *дискредитации*. Приведем большую выдержку из работы О.А. Кармадонова: «В периоды глубоких социальных трансформаций реестры престижных и непрестижных групп могут подвергаться своего рода конверсии. Группы, престижные в “спокойные” времена, могут утратить таковое качество в ходе изменений, а группы, пребывавшие в социальной тени, выходят в центр авансены, и возврата к былому не предвидится.

Собственно, это и есть трансформация социальной стратификации в дискурсивно-символическом аспекте. Понятие “социальной тени” использовано здесь не случайно. Поощрения в данном типе стратификации включают, прежде всего, *объем*

общественного внимания к группе и его *оценочный характер*. Общественное внимание можно измерить только одним способом — квантифицировать присутствие данной группы в дискурсе масс-медиа в тот или иной период жизни социума. Полное или частичное отсутствие группы в дискурсе означает присутствие ее в социальной тени. Постоянное присутствие в дискурсе означает, что на эту группу направлено общественное внимание...

Драматичны трансформации с группой рабочих — в референтной точке 1984 года они занимают максимальные показатели по обоим количественным критериям. Частота упоминания — 26% и объем внимания — 35% относительно обследованных групп. Символические триады референтного года подчеркивают важную роль советских рабочих. Когнитивные символы (К-символы) — “коллектив”, “молодежь” — говорят о сплоченности и привлекательности рабочих профессий в молодежной среде. Аффективные символы (А-символы) — “активные”, “квалифицированные”, “добросовестные” — фиксируют высокий социальный статус и моральные качества советских рабочих. Деятельностные символы (Д-символы) — “трудятся”, “учатся”, “премируются” указывают на повседневность, на существующие поощрения и возможности роста...

В 1985 году резко снижаются частота упоминания и объем внимания к рабочим — до 3 и 2% соответственно... Доминирующая символическая триада более умеренна, чем год назад, К-символ — “трудящиеся”, А-символ — “трудолюбивые”, Д-символ — “работают”...

В конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда разворачивалось рабочее движение, частота упоминания и объем внимания по группе рабочих возросли — 16 и 7% (1989, 1990). В последующие годы показатели в “АиФ” никогда больше не превышали по этой группе 5 и 6% (соответственно) — показатель 2008 года.

Был период почти полного забвения — с 1999 года по 2006 год индексы по обоим параметрам не поднимались выше 0,3%. Снижение внимания к рабочим объясняется отказом от пропаганды рабочего класса в качестве “гегемона”, утратой к нему интереса, другими словами, экономической и символической депривацией данной общности.

Работают символы и символический капитал. Утратив его, рабочий класс как бы “перестал существовать”, перешел из состояния организованного социального тела в статус дисперсной и дискретной общности, вновь превратившись в “класс в себе” — эксплуатируемую группу людей, продающих свою мускульную силу, озабоченных выживанием, практически не покидающих область социальной тени, т.е. лишенных санкционированного поощрения в виде общественного внимания».

Выведение в тень промышленных рабочих произошло не только в СМИ и массовом сознании, но и в общественной науке и даже в статистике¹. При первом приближении обществоведения к структуре социальной системы логично делать объектом анализа наиболее массивные и социально значимые общности. Так, в индустриальном обществе объектом постоянного внимания обществоведения является *рабочий класс*. Обществоведение, «не видящее» этого класса и происходящих в нем (и «вокруг него») процессов, становится инструментом не познания, а трансформации общества.

Именно такая деформация произошла в постсоветском обществоведении — рабочий класс России был практически исключен из числа изучаемых объектов. Между тем, в этой самой большой общности экономически активного населения России происходили драматические изменения. В 1990-е годы страна переживала *деиндустриализацию*, а рабочий класс, соответственно, *деклассирование*. Эти социальные явления, которых не переживала ни одна индустриальная страна в истории, — колоссальный эксперимент, который мог дать общественным наукам большой объем знания, недоступного в стабильные периоды жизни общества. Это фундаментальное изменение социальной системы, в общем, не стало предметом исследований в политологии, а научное знание об этих изменениях и в малой степени не было доведено до общества.

Второй удар нанесла *приватизация промышленных предприятий*. В короткий срок контингент промышленных рабочих

¹ Социолог Б.И. Максимов сообщает: «Обращаюсь в Петербургкомстат за справкой о заработной плате, условиях труда, занятости рабочих. Отвечают: показатель “рабочие” изначально не закладывается в исходные данные, собираемые с мест. Поэтому “ничем помочь не можем”. Даже за деньги».

России лишился статуса и сократился вдвое. Что произошло с 12 млн рабочих, покинувших предприятия? Что произошло с социальным укладом предприятий в ходе такого изменения? Как изменился социальный престиж рабочих профессий в массовом сознании и в среде молодежи? Что произошло с системой профессионального обучения в промышленности? По всему кругу этих вопросов имелись лишь отрывочные сведения, эти изменения выпали из-под контроля государства. Мало того, сегодня государство не имеет ясного представления о том, какие угрозы представляет для страны утрата этой профессиональной общности, соединенной определенным типом знания и мышления, социального самосознания, мотивации и трудовой этики.

М.К. Горшков пишет: «Ситуация с человеческим капиталом работников, занятых в российской экономике, характеризуемая тем, что большая их часть находится в положении либо частичной деквалификации, либо общей деградации, может рассматриваться как крайне опасная с точки зрения перспектив модернизации России. Тревожными тенденциями выступают также постепенная люмпенизация рабочих низкой квалификации, массовый уход молодежи в торговлю при игнорировании индустриального сектора, равно как и практическое отсутствие у большинства молодых людей шансов (куда бы они ни шли работать) на изменение их жизни и профессиональных траекторий».

Сужается *воспроизводство* квалифицированных рабочих. Выпуск учреждений начального профессионального образования сократился в три раза. При этом выпуск рабочих для технoемких отраслей производства все больше уступает место профессиям в сфере торговли и услуг. Вот оценка социолога: «В итоге мы разрушили рабочий потенциал... Так, например, для формирования фрезеровщика, способного обрабатывать сложные поверхности турбинных лопаток, требуется, кроме времени на обучение, 7–8 лет практической работы. А фрезеровщики эти на заводе турбинных лопаток в Петербурге были почти полностью “разогнаны” еще в начале 1990-х годов».

Эта тенденция набрала инерцию, и переломить ее будет трудно — дискредитирована сама профессия промышленного рабочего.

Реформа разрушила прежний образ жизни рабочих, а значит и их культуру и образ мышления. Особенно тяжелую травму нанесла безработица. Вот данные социолога: «Если учесть среднее время поиска работы (“нахождения в состоянии безработного”), замещение одних групп безработных другими, то получится, что прошли через статус незанятого с 1992 г. по 1998 г. примерно по 10 млн каждый год и всего более 60 млн человек; из них рабочие составляли около 67%, т. е. более 40 млн человек».

В другой работе читаем: «Безработица коснулась и тех, кто не терял работы. Из них до 70% испытывали неуверенность в своем положении, страх потерять работу, вынуждены были мириться с ухудшением условий труда, работой не по специальности и др. Закономерный результат — деградация корпуса рабочих кадров и их последующий дефицит...

Государственный контроль за соблюдением социально-трудовых прав практически сошел на-нет. Произошло практически полное отчуждение рабочих от участия в управлении на уровне предприятий, выключение из общественно-политической жизни в масштабах общества... Российские работодатели демонстрировали буквально иррациональную нетерпимость к участию рабочих в управлении. ... По данным нашего опроса, почти половина рабочих прошла через моральные унижения в различных формах.

Таким образом, реформенные преобразования оказали глубокое и разностороннее, как правило, отрицательное воздействие на положение рабочих. П. Штомпка изменения в их положении, социальном статусе охарактеризовал как социальную травму. Происходит “разрушение статуса социальной группы”.

Крайняя степень маргинализации рабочих, длительное время не имеющих работы или измотанных жизнью, — втягивание рабочего в «социальное дно» или в преступную деятельность и осуждение к лишению свободы. Личной катастрофой становится бездомность, чаще всего после возвращения из мест заключения или из-за распада семьи. Вот вывод из исследования социального «дна»: «Основная масса бездомных — лица 35–54 лет... По социальному положению большинство бездомных — рабочие. Более половины из них имеют среднее образование, до 22% — среднее специальное, около 9% — высшее».

В целом, первый этап реформ (1990-е годы) погрузил общность рабочих в состояние социального бедствия, которое в кооперативном взаимодействии с информационно-психологическими ударами оказало разрушительный эффект на связность этой общности.

Процессы, запущенные в 1990-е годы, обладают большой инерцией, и улучшение экономической ситуации после 2000 года само по себе их не останавливает — пережившим социальную травму людям требуется программа реабилитации. «Ремонт» структуры общества и конкретных общностей требует средств и времени, но такая задача еще и не ставилась.

Вот вывод 2003 года: «Последствия [реформы] видны уже сейчас — формирование взаимоисключающих интересов “верхов” и “низов”, “геттоизация” больших групп населения на низших уровнях социальной иерархии без перспектив улучшения их положения.

Россия подходит к новому этапу развития своей социальной структуры, который можно обозначить как **институционализация неравенства** или возникновение прочной иерархии привилегий и лишений в отношении доступа к желаемым благам и ценностям. Это закрепление неравных стартовых позиций для новых поколений, передача раз достигнутого высокого богатства и социального статуса детям и, напротив, лишение “проигравших” и их потомков важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества. ... В процессе снижения уровня жизни из сознания людей вымываются сложные социокультурные потребности, для них становится характерной жизнь одним днем, установка на выживание. Важной проблемой является межпоколенная передача депривации в беднейших семьях».

Такое состояние общества стабилизировалось. Общие выводы подтверждены в 2009 году: «В настоящее время формы социального неравенства структурированы, фактически закреплены институционально, ибо касаются распределения власти, собственности, дохода, других общественных отношений...

Самыми весомыми факторами бедности, по мнению опрошенных, являются: “политика властей, направленная на обогащение одних и разорение других”, и непосредственно связанная

с этим — “невозможность получить хорошее образование и хорошую работу”. По каждой альтернативе доля отметивших эту позицию колеблется от 52 до 68%. Причем, рабочие и непрофессионалы делают больший акцент на “невозможность получить хорошее образование”, а специалисты — “получить хорошую работу”».

Ослабление и распад общностей происходят и при деформации системы ценностей и социальных норм. Общим фоном для этого процесса является резкое снижение тонуса *гражданской активности* всего населения России в целом. Этот фон определяется так (2010): «Оценки жизненных установок россиян в отношении развития в России практик гражданского участия свидетельствуют о том, что массовые умонастроения скорее располагают к уклонению от такого рода участия, нежели свидетельствуют в его пользу. Невысокий уровень гражданского участия предопределяется в нашей стране целым рядом факторов, включая низкую степень доверия людей к институтам гражданского общества, особенно политическим партиям и профсоюзам. ... Общий вектор процессов, протекающих в этой области, указывает не столько на продвижение по пути культурной модернизации, сколько на ренессанс традиционализма».

С начала реформ быстро снижалось место труда в системе жизненных ценностей рабочих, как и удовлетворенность трудом. Если рабочие не включают труд в систему своих жизненных ценностей, рушится этос коллективного труда «прометеевского» типа (промышленность — пространство «огня и железа»). Такой труд превращается для рабочих в каторгу, при этом распадаются нормативные «производственные отношения», которые необходимы для поддержания технологической дисциплины. Вебер подчеркивал, что для промышленного капитализма этика рабочих даже важнее, чем этика предпринимателей; и никакая невидимая рука рынка не может заменить ценности труда как *профессии* — восприятия его как формы служения Богу.

Реформа, походя устранив это восприятие, лишила рабочих тех этических ценностей, которые собирали их в профессиональную общность. Эта культурная деформация едва ли не важнее социальной. Речь идет об особом измерении нового структурирования социальной системы.

На первых этапах реформы бытующие в сознании представления рабочих были противоречивыми («рабочие, как и другие социально-профессиональные группы, находились под гипнозом формулы о прогрессивности и даже неотвратимости (необратимости) реформ, приватизации»). К концу 1990-х годов — подавленность.

Конкретно о проявлении этих тенденций в среде промышленных рабочих сказано так: «Своеобразие реакций рабочих проявляется в восприятии изменений отдельных параметров положения... Объявление кандидатур увольняемых переживается как психологическая травма. Уровень притязаний снижается. Падает чувство солидарности: остающиеся отмежевываются от сокращаемых; увольняемые, в свою очередь, не ждут поддержки ни от кого...

Реакция на депривации носит характер скорее не возмущения, протеста, неприятия, а «*социального смирения*». Смирение и терпение — главные черты реакции на депривации. Подобная рефлексия подпитывается так называемым «новым страхом», имеющим всепроникающий характер. От ощущения страха не избавлены даже самые заслуженные и квалифицированные рабочие».

Мы говорили о воздействии реформы на связность *всей* общности промышленных рабочих. Теперь подойдем с другого края: каково воздействие реформы на группу, *представляющую* рабочих («актив»). В социологии признается безусловная необходимость наличия этого актива для воспроизводства общности. Что произошло в 1990-е годы с этими группами представителей?

Из кого состояла представляющая группа? Вот что говорится о ее составе и ее связи со всей общностью: «Практически на каждом крупном советском предприятии существовал слой так называемых кадровых рабочих, которые составляли как бы рабочую элиту предприятия. Основные социально-производственные характеристики кадровых рабочих: большой производственный стаж, высокая квалификация и профессиональный опыт, стабильность пребывания в коллективе (отражаемая в непрерывности стажа). Из кадровых рабочих складывалось большинство партийных организаций промышленности. Они были наиболее социально-активным слоем рабочих. Само понятие *кадровый рабочий* как бы растворялось среди многих обозначений (передо-

вики, новаторы, ударники и пр.) Соответственно они имели ряд привилегий и занимали высшую ступень в рабочей иерархии на предприятии...

Формальные привилегии — это те, что были закреплены в официальных, чаще всего внутривозводских документах. Типичным примером являются «Положения о кадровых рабочих»... Через таких людей, которые являлись неотъемлемой частью каждого предприятия, рабочие имели возможность какого-то давления на администрацию, возможность «качать права». Этот канал влияния и эта прослойка рабочих исчезли вместе с парткоммами и старой системой привилегий...

Личное мастерство рабочего, к которому персонально, в случае острой необходимости, могли обращаться руководители разного уровня, вплоть до генерального директора, перестало играть сколько-нибудь значимую роль. Значение группы кадровых рабочих падает... Зависимость от коммерческих заказов, отсутствие стабильности в работе не дают им внутреннего удовлетворения и не позволяют им уважать себя за свой труд».

Деградация этой элиты рабочего класса началась уже в годы перестройки — как вследствие социально-экономических условий, так и в ходе «боевых действий» на дискурсивно-символическом фронте. Статус кадровых рабочих изменился уже в первый год реформы вследствие практической ликвидации светов трудовых коллективов, делегатами которых были представители актива рабочих.

Обследование предприятий Самары показало: «Внутри трудового коллектива изменились положение и традиционные статусы социальных групп. В частности, значительно сократилась численность основных производственных рабочих, среди которых немалую часть составляют высококвалифицированные, с большим трудовым стажем, так называемые кадровые рабочие, что свидетельствует о снижении статуса этой ранее привилегированной группы».

«Представлявшие» рабочий класс группы были во время перестройки и реформы 1990-х годов демонтированы и «пересобраны» таким образом, что они полностью перестали выполнять свои функции, необходимые для существования и воспроизводства промышленных рабочих России как «общности для

себя». От общности рабочих были оторваны и даже противопоставлены ей управленческие работники предприятий и госаппарата («рабочих как социальную силу перевели в разряд объектов и даже потенциальных оппозиционеров, каковыми реально они вскоре и сделались»). Затем в новую политическую систему были включены профсоюзы, которые не завоевали легитимности в глазах рабочих и потому не могут быть их доверенными институтами.

О политических партиях и говорить нечего, они сейчас не связаны ни с какими социальными группами. В этом отношении рабочие мало чем отличаются от других социальных групп — политические установки хаотичны и матрицей для сплочения общностей служить не могут. Вот выводы 2004 года: «Сегодня подавляющее большинство россиян (72,4%) либо отказываются, либо затрудняются с самоидентификацией в рамках сложившегося идеологического спектра. С ростом доли россиян, не определившихся в идейно-политическом отношении, снижается число приверженцев всех без исключения течений. Особенно резко выглядит падение популярности идеологии так называемого центра: с 24,6 до 7,6% всего за три года».

Разумеется, очень многие из связей, соединявших ранее рабочих, сохранились, они непрерывно воспроизводятся под воздействием и объективных условий труда и быта, под воздействием памяти, разума и культуры. Однако основные пучки связей, собиравших небольшие локальные группы работников предприятий в организованную профессиональную общность «*рабочего класса России*», были за двадцать лет разрыхлены, разорваны и перепутаны так, что можно говорить о глубокой дезинтеграции этой общности. Если учесть, что рабочие лишились и представлявшей всю эту общность *активной группы* (субститута), а политическая система с помощью СМИ вывела рабочих в глубокую «социальную тень», то можно сказать, что в настоящее время «*рабочий класс-в-себе*» существует лишь латентно, не представляя из себя социальную и политическую силу.

Промышленные рабочие России снова станут профессиональной общностью, когда смогут выстроить, с помощью союзных социокультурных сил, свою новую мировоззренческую матрицу, информационные связи, язык и культурный стиль. Этот

процесс только начинается, но его динамику прогнозировать трудно. Огромную роль будет играть политика государства. Возрождение рабочего класса как сплоченной общности — срочная общенациональная задача.

Судьбу других больших общностей можно было бы представить, следуя той же методологической цепочке, что в описании дезинтеграции общности рабочих.

Стоит напомнить, что мы обсуждаем дезинтеграцию больших общностей *post factum*, их уже не существует. Но для кризисной политологии необходимо описание процесса *дезинтеграции*, поскольку «сборка» и воспроизводство новых общностей требуют знания о внутренних связях. Это знание достигается анализом поломок и разрушений. В технике это удается при изучении аварий или при проведении экспериментов, в обществе — при изучении социальных катастроф как «незапланированных экспериментов».

В учебнике, скелетом которого станет этот курс лекций, опишем процесс дезинтеграции трех других больших общностей — *крестьянства, интеллигенции и офицерства*. В социологической литературе есть данные об изменениях других общностей, в том числе и о формировании новых.

Дезинтеграция общностей — от народа до конкретных профессиональных сообществ — предопределила глубину и продолжительность кризиса, создала ощущение его неизбежности и безвыходности. Отсюда и слабость государства, и отсутствие политики самого общества — нет для нее дееспособных субъектов.

В целом, целенаправленных действий по восстановлению связности прежних больших общностей в общероссийском масштабе пока что не предпринималось ни государством, ни мало-мальски организованными оппозиционными силами. Попытка власти превратить какие-то «поднятые» реформой социокультурные группы в системообразующее ядро «нового» народа успехом не увенчалась. Эту функцию не смогли взять на себя «новые русские»; видимо, ядром общества и социальной базой власти не сможет стать и *средний класс*. Сама доктрина сборки этой гибридной общности еще остается очень сырой, разработка идеологии среднего класса ведется вяло. Попытка взять за

основу этой идеологии классический либерализм была ошибкой: философия либерализма, выросшая из Просвещения, давно неадекватна нынешней реальности. Идея гибридизации остатков либерализма с православием и самодержавием также успеха не имела.

«Инсценировка» создания новых общностей путем имитации стиля оставшихся в прошлом сословных групп (типа дворян или казаков) идет с переменным успехом, но не может заменить структуру здорового общества, которая должна обладать динамичностью и разнообразием. Спонтанная консолидация асоциальных или антисоциальных общностей типа кришнаитов, фанатов или гопников — особая тема, чреватая рисками.

Анализ проблемы дезинтеграции социокультурных общностей, составление их изменчивой «карты», поиск альтернатив их сборки и укрепления — важнейшая задача политологии.

Приложение

С помощью теоретических построений нам удалось избежать чистого физикализма, сохраняя при этом объективистский подход: группы — в данном случае, классы — должны быть «сформированы». Они не являются данностью, присущей социальной реальности. Название известной книги Э.П. Томпсона «Формирование английского рабочего класса» следует понимать буквально. В той форме, которая существует сегодня, с обозначающими его понятиями «рабочий класс», «пролетариат», «рабочие», «рабочее движение», с организациями, выражающими его интересы, с аббревиатурами, секретариатами и знаменами, рабочий класс представляет собой не что иное, как обоснованный исторический артефакт (в том смысле, в каком Дюркгейм говорил о религии как об обоснованной иллюзии). Однако это не означает, что, используя любой способ, можно сконструировать все что угодно, как в теории, так и на практике.

Таким образом, мы перешли от социального физикализма к социальной феноменологии. Упомянутая объективистская «социальная реальность» — это, помимо всего, объект восприятия. Соответственно, в предмет социальной науки должна быть включена как сама реальность, так и ее восприятие, представления о ее развитии, возникающие у субъектов в зависимости от их позиции в реальном социальном пространстве. Непосредственное видение социального мира, изучаемая этнометодологией «народная мудрость» (то, что я называю стихийной социологией), а также научные теории и сама социология, составляют часть социальной реальности и могут, подобно марксовой теории, приобретать совершенно реальную созидательную силу.

Объективистский разрыв с до-понятийными представлениями, идеологиями, стихийной социологией — это неизбежный и необходимый этап научного познания, который нельзя безнаказанно игнорировать... Однако на следующем этапе необходимо пойти на разрыв с объективизмом, введя в поле анализа элементы, которые ранее пришлось исключить, чтобы сконструировать социальную реальность. Социология должна включить

и социологию восприятия социального мира, т.е. социологию формирования мировоззрений, способствующих, в свою очередь, конструированию реальности. Но, учитывая что социальное пространство сконструировано нами, мы понимаем, что любая точка зрения, как показывает само это словосочетание, — это взгляд с определенной точки, т.е. с определенной позиции в рамках социального пространства. Мы также знаем, что могут существовать различные и даже противоположные точки зрения, поскольку они зависят от точки, из которой брошен взгляд, так как представления каждого субъекта о социальном пространстве зависят от его позиции в этом пространстве.

Таким образом, мы отказываемся признавать существование универсального субъекта, трансцендентальное эго феноменологии, к которому апеллируют этнометодологи. Несомненно, субъекты наделены способностью активно воспринимать окружающий мир. Несомненно, они создают собственные представления об этом мире. Но их мировидение обусловлено структурными рамками. Можно объяснить на языке социологии, откуда появляется универсальное свойство человеческого опыта принимать привычный мир «как должное», воспринимать установленный порядок как естественный. Тенденция считать социальный мир очевидным, наделять его, говоря словами Гуссерля, доктринальной модальностью, объясняется тем, что установки и ориентации субъектов, их габитус, т.е. ментальные модели постижения социального мира, возникают в результате интернализации структур социальной реальности. Поскольку в индивидуальном мировосприятии заложено стремление соответствовать занимаемой социальной позиции, даже субъекты, находящиеся в самом неблагоприятном положении, стараются воспринимать установленный порядок как естественный и находить его гораздо более приемлемым, чем можно вообразить, особенно если посмотреть на положение подчиненных субъектов глазами господствующих.

(Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. 1993. Вып. 2)

Для заметок

ЛЕКЦИЯ 13

Организованная преступность как «двойник» власти

Какое место занимает организованная преступность среди угроз для России и, соответственно, как предмет государственной политики?

Виднейший отечественный криминолог В.В. Лунеев сравнил организованную преступность со злокачественной опухолью: «Переносясь по лимфатическим путям, они (раковые клетки) обуславливают новые раковые образования (метастазы) в других органах, однако уже со свойственным им морфологическим своеобразием».

Понятие *организованной преступности* до сих пор является предметом споров — даже в среде криминологов. Есть противоположные точки зрения на то, какие ее признаки являются определяющими. Эта проблема интенсивно обсуждается в законодательной деятельности, поскольку описание в законе признаков организованной преступности в однозначных формулировках — актуальная задача. Невозможно выделить преступления, совершаемые исключительно в рамках организованной преступности, — она «всеядна» и идет на любое преступление. Другие ее признаки (например, устойчивость) присущи и иным видам криминальной деятельности.

Однако для нас важны не тонкости определения организованной преступности, а ее рассмотрение как «двойника» власти — самостоятельной организации различного рода отношений. С.М. Иншаков с коллегами указывает, что «организованную преступность иногда называют государством в государстве. ...В некотором отношении она вступает в конкуренцию с властными структурами, мешает проведению оптимальной государствен-

ной политики, размывает нравственность, отрицает справедливость и правосудие, рекламирует безнаказанность».

Какие причины позволяют в действительности сравнивать организованную преступность с государством?

Многие криминологи видят сходство между организованными преступными группами и «предприятиями» в широком смысле слова. В.В. Лунеев пишет: «Преступное дело представляет собой специфическую систему “производственных” отношений и, как и в любой другой сфере человеческой деятельности, требует адекватной организации. ... Они создаются, как правило, по образцу соответствующих государственных и коммерческих структур той или иной страны».

Любое серьезное «предприятие» подразумевает весьма высокий уровень организованности. Так и для преступлений, совершаемых в рамках организованных преступных групп, основным и фактически единственным групповым признаком является высочайший уровень *криминальной организованности, единства*.

Организованная преступность обладает своей иерархической структурой, нормативной и информационной системами. Известно, что организованная преступность формирует свое собственное *теневое право*, вернее, его разновидность — криминальное право. Теневое право действует в значительном числе случаев вопреки функционирующим в обществе правовым нормам, изданным или санкционированным государством. Выполнение соответствующих теневых норм как в рамках самой организованной преступности, так и во внешних отношениях (с предпринимателями, коррумпированными чиновниками и др.) жестко контролируется, а их соблюдение имеет приоритет перед действующими юридическими нормами. Организованная преступность имеет также собственные статусы и отличия («воры в законе») и символические ритуалы («коронация»).

Фундаментом («бизнесом») организованной преступности является *теневая экономика*. О ней сказано: «Понятие “теневая экономика” появилось в СССР в конце 60-х — начале 70-х годов вслед за новой разрешительной политикой советских властей. В этот период тоталитарная экономика допустила на экономическое поле частную инициативу. ... В 1979 году на сходке воров в законе “цеховики” (нелегальные частные предприниматели)

вступили в соглашение с криминалитетом и обязались регламентировать выплаты в криминальную кассу — «общак» — около 10% своих доходов. Этот акт положил начало организованной криминализации определенного сектора экономики, вернее, вывода ее в «тень»».

Вышеуказанная тенденция с каждым десятилетием усиливалась больше и больше. На сегодняшний день «теневого» сектор экономики России оценивается экспертами в 40–50% ВВП. Однако к этому в конце 80-х — начале 90-х годов добавилась новая тенденция — инвестирование криминалитетом средств в легальную экономику. Чуть позже началось массовое вхождение российской организованной преступности в легальный бизнес, а криминальные лидеры стали переqualificироваться в уважаемых бизнесменов. Возникла особая категория предпринимателей, получивших в правоохранительной среде характерное название — «авторитетный коммерсант».

Пораженность экономики государства лучше всего демонстрируют данные, которые приводятся множеством криминологов и социологов: в 1993–1994 годы в криминальные отношения были вовлечены 40% предпринимателей и 66% всех коммерческих структур. Мафией был установлен контроль над 35 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых — 400 банков, 47 бирж, 1,5 тыс. предприятий государственного сектора.

Легко криминализировались и СМИ. В прессе открыто констатируется такое положение: «СМИ с середины 90-х в соответствии с рыночной формулой, по которой спрос рождает предложение, стали продавать свои полосы и эфирное время под черный пиар... К началу третьего тысячелетия в России не осталось СМИ как средств массовой информации, они практически поголовно превратились в шантажистские конторы по выколачиванию денег из бизнеса... Давно известно, что компромат в центральных СМИ сегодня можно публиковать по рекламным расценкам так же легко, как рекламу сникерсов и тампаксов».

Организованная преступность через оказание незаконных услуг, систему подконтрольных предпринимателей, а позже — и с помощью своего легального бизнеса, обеспечивала существование параллельных с государством финансовых потоков. Фактически речь идет о собственной «налоговой» системе и форми-

ровании бюджета («общака»). Разумеется, для достижения цели необходимы физическое сопровождение бизнеса, слежка и разведка, устранение конкурентов и др. Однако насильственные преступления являются лишь сопровождающими достижение основной цели преступлениями, вторичными по своей природе.

Вместе с тем «крышевание» бизнесменов имело своей целью выполнение организованной преступностью *функций, присущих государству*. Во-первых, предприниматели в условиях «дикого капитализма» без каких-либо этических принципов и самоустранения государства нуждались в физической защите. Организованные преступные группы обеспечивали им такую защиту. Во-вторых, организованная преступность налаживала отношения между бизнесом и коррумпированным государственным аппаратом. В-третьих, обеспечивалась защита бизнеса от конкурентов (через их запугивание, физическое устранение и др.) и правоохранительных органов. В-четвертых, именно организованная преступность была своеобразным «медиатором» между предпринимателем и другими предпринимателями или иными представителями преступного мира.

С.Ю. Барсукова, описывая значение организованной преступности в ходе реформ 1990-х годов, отмечает следующее: «Бандиты становятся заменителем арбитража, страховых компаний, судебных приставов, милиции. Неэффективность такой замены очевидна, если сравнивать с идеальным правовым государством, но эта система была несопоставимо более эффективной, чем Российское государство того времени. Крупные сделки были невозможны, если не подкреплялись гарантиями силовых предпринимателей. Фирмы, не имеющие силового партнера, неизбежно обращались к бандитам с просьбами выступить гарантом сделки или решить те или иные проблемы бизнеса».

Однако было бы неправильным рассматривать организованную преступность лишь как параллельную структуру власти. В 1990-х годах начала проявляться тенденция *сращивания организованной преступности и власти*. Как отмечает А.А. Мухин, в тот период стали частыми факты избрания депутатами различного уровня деятелей, в той или иной мере связанных с криминалом, вхождение криминальных лидеров в состав руководства крупных коммерческих или промышленных объектов или про-

явление с их стороны активной общественной благотворительной деятельности. Таким образом, реформы 1990-х годов создали для представителей криминального мира режим наибольшего благоприятствования. Они послужили «социальным лифтом», который в огромных масштабах поднял преступный мир сначала в экономическую, а после и в другие сегменты «элиты».

Особенностью организованной преступности в России является *коррупционность*, охватившая практически все государственные структуры. Коррупция используется организованной преступностью для получения незаконных возможностей (разрешений, лицензий и др.), недопущения ее раскрытия и привлечения к уголовной ответственности членов преступных групп (коррупция в правоохранительных органах) и др. Коррупция позволила поставить функционирование государственного аппарата под контроль организованной преступности. Изменяется и нормативная основа его деятельности — официальные нормы вытесняются нормами теневого права.

Отметим важнейшие черты организованной преступности как «двойника» и антипода государства, позволяющие нам ставить государство и организованную преступность на одну «панель»:

а) организованная преступность обладает собственной *иерархией и организационной структурой*, системой субординационных отношений, знаками и символами «отличия», информационной системой;

б) организованная преступность формирует свое собственное *теневое право*, вернее, его разновидность — криминальное право. Теневое право действует в значительном числе случаев не параллельно, а вопреки функционирующим в обществе правовым нормам, установленным государством;

в) нарушения норм теневого права наказываются так же, как нарушения правовых норм караются специализированными государственными органами. Иными словами, организованная преступность вступает в конкуренцию с государством, обладающим *монополией на насилие* в обществе;

г) организованная преступность основывается (как и государство) фактически на собственной *«налоговой» системе*, в качестве которой выступает организованный сбор «податей» с предпринимателей. Кроме того, под контролем организованной

преступности функционирует собственный легальный бизнес, также приносящий доход, обеспечивающий развитие организованной преступности. Существует и «бюджет» — «общак»;

д) организованная преступность даже имеет собственную систему *социального страхования* — члены организованных преступных групп, оказавшиеся в местах лишения свободы, обеспечиваются услугами адвокатов, их семьям выплачиваются специальные «пособия» и т. п.

Другой проблемой является *экспансия криминальной культуры* в российском обществе. Через нее организованная преступность обеспечивает для себя стабильный механизм «рекрутирования» кадров, поддержку своей «морали» в широких слоях общества и, наконец, постепенное изменение самой его нормативной основы. Таким образом, распространение криминальной культуры фактически «легализует» организованную преступность в качестве совершенно «нормального» социального актора. Криминалитет вытесняет государство как основного и главного субъекта социализации граждан — на смену нормальным ценностям и нормам, воспроизводство и защиту которых должно осуществлять государство, приходят другие.

Уже в XIX веке осознавалась, в том числе и в России, опасность для общества распространения криминальной субкультуры среди массы граждан. Как пишут криминологи, человек как социальное существо развивается или в группе законопослушных людей, или «в преступной шайке, у членов которой есть устойчивая система ценностей, отличающаяся от системы ценностей, существующей в большом обществе. Личность в такой среде развивается в соответствии с ценностями и нормами своего окружения, не воспринимая ценностей культуры в целом». Академик В.Н. Кудрявцев, говоря о «нравах переходного общества», уже на первом этапе реформ предупреждал, что «преступная субкультура — не экзотический элемент современных нравов, а опасное социально-психологическое явление, способное самым отрицательным образом воздействовать на многие стороны общественной жизни».

Криминолог И.М. Мацкевич пишет об этой стороне реформы: «В последние десятилетия произошли существенные перемены в отношении общества к преступности и ее проявлениям.

Криминальная субкультура, о которой раньше предпочитали не говорить, в настоящее время получила легальный статус наряду с общей культурой. Некоторые утверждают, что это часть общей культуры и нет ничего страшного в том, что общество будет знать некоторые постулаты криминальной субкультуры. Между тем не учитывается самое главное: криминальная субкультура — это не часть общей культуры, а ее прямой антипод. Кроме того, по своей природе она социально агрессивна.

Представители криминальной субкультуры не жалеют ни сил, ни средств для того, чтобы вытеснить лучшие вековые традиции культурного наследия человечества и подменить их суррогатом сомнительных произведений так называемого тюремного искусства. При этом подмена понятий происходит в завуалированных формах, откровенно уголовные песни называются почему-то “бытовыми” песнями, уголовный жаргон и терминология — “бытовым” разговором. Никого не удивляет, что ведущие журналисты разговаривают со своими читателями на страницах газет и по телевидению на полублатном языке... Массовыми тиражами выходят книги, написанные на матерном языке. В игровых фильмах актеры позволяют себе нецензурно выражаться, чтобы, как говорят режиссеры, приблизить экранную жизнь героев к реальной».

И.М. Мацкевич подходит к важнейшему вопросу: каковы механизмы экспансии криминальной культуры? Прежде всего, криминальная культура воспроизводится в местах лишения свободы и получает своих последователей из числа лиц, совершающих преступления впервые.

Известный криминолог В.С. Овчинский сделал следующие наблюдения: «По самым скромным оценкам, сейчас на территории России проживает до 30 миллионов лиц, судимых за уголовные преступления. Из 140 миллионов всего населения 30 миллионов у нас судимы за уголовные преступления, которые прошли через места лишения свободы. У нас есть города, где половина всего мужского населения судимы не просто за преступления, а за тяжкие и особо тяжкие преступления. Такие, как Нижний Тагил, допустим. Там половина мужского населения судима за грабежи, разбои, убийства, рэкет и пр.».

Исследование С.М. Иншакова и его коллег свидетельствует о том, что уровень криминализации населения увеличивается

с каждым годом. Согласно их расчетам, с 2001 по 2009 годы латентными остались около 188 млн преступлений!

Другим важнейшим механизмом, без которого экспансия криминальной культуры стала бы невозможной, являются средства массовой информации и кинематограф. В 1993 году в НИИ киноискусства был проведен контент-анализ фильмов, составлявших репертуар московских кинотеатров. Известно, что фильмы содержат и распространяют определенные социальные и культурные ценности, которые проявляются и тиражируются посредством тем, сюжетов, героев, пафоса кинопроизведений и др. Общий поток фильмов создает некоторое «ценностное поле», оказывающее воздействие на ментальность зрителей. Американские и западноевропейские фильмы, доминирующие сегодня в репертуаре наших кинотеатров, стали каналом широкого проникновения в российское общество, его социокультурную среду «инородных» культурных ценностей и вызвали изменение привычного ценностного содержания функционирующего в обществе кинопоточка.

Большинство героев фильмов текущего репертуара являются представителями периферийных социальных групп и маргинальных слоев культуры. Чаще всего это заключенные, преступники, наемные убийцы, тунеядцы, проститутки и др., иными словами, носители ценностей криминальной микросреды. Соответственно, и социальное окружение героя криминально. Вышеуказанные особенности сегодня свойственны кинофильмам из любой сферы киноиндустрии, не важно — является ли она американской, европейской или российской.

Без *духовного оправдания преступника* не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали — в прямом смысле. В результате сегодня одним из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь стало широкое распространение и укоренение преступного мышления. Это нечто более глубокое, чем сама преступность.

Как взрастили эту угрозу? В 1960–1970-е годы в СССР существовал преступный мир, однако в замкнутом, скрытом и замаскированном виде. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводился без расширения масштабов. Общество — и хозяйство, и нравственность, и органы правопоряд-

ка — не создавало питательной среды для взрывного роста этой раковой опухоли.

В своем походе против государства антисоветские интеллектуалы постепенно легитимировали и опоэтизировали преступный мир. Он всегда играет большую роль в сломах жизнеустройства. Социальный хаос — его питательная среда. С другой стороны, его используют и революционеры в своих усилиях, направленных на подрыв государства. Принявший активное участие в революции преступный мир после этого был с огромным трудом загнан в жесткие рамки в период «сталинизма». Напомним, особо тяжкие преступления (убийства, бандитизм и вооруженный разбой) в советском праве причислялись к числу государственных преступлений. В поздний советский период преступный мир усилился из-за урбанизации и смены привычных укладов жизни. Он насытился интеллектуальными силами, вобрав в себя (или породив) существенную часть интеллигенции. Однако самое главное, что начиная с 1970-х годов он получал *культурную легитимацию*. Без духовного оправдания никакие социальные трудности не привели бы к такому взрыву преступности.

Что же стало ключевой причиной или «спусковым крючком» для разрастания криминальной культуры?

Криминальная субкультура — сложная и «рыхлая» система, воспроизводству которой способствует много факторов. Однако И.М. Мацкевич выделяет самый основной: «Прежде всего, не следует делать поспешных ошибочных шагов в области социально-экономических преобразований, плодами которых пользуются в первую очередь представители криминального мира. При этом надо помнить, что, возникнув однажды, какое-либо негативное явление полностью никогда не исчезает. Ошибки в этой сфере обходятся очень дорого». Особо отметим исследование С.М. Иншакова и его коллег, согласно материалам которого, начиная с 90-х годов XX века, среди лиц, совершивших преступные деяния, стабильно росло число лиц, не имеющих постоянного источника дохода. Так, если в 1990 году их доля составляла всего 16,9%, к 1997 году она поднялась до 52,4% (в 2009 году — 64,4%).

Таким образом, проведенные социально-экономические реформы вытеснили на «обочину» жизни большую часть российского населения, вынудив его совершать преступления и становиться

членами организованных преступных групп. Однако само по себе это не объясняет масштабов поднявшейся волны преступности. От одной лишь бедности люди не становятся ворами и убийцами — необходимо было и разрушение нравственных устоев. Оно было произведено, и сочетание этих причин с неизбежностью повлекло за собой взрыв массовой преступности. В России возникли новые *культурные* условия жизни, в которых множество молодых людей шли в банды и преступные «фирмы» как на нормальную работу. Как пишут социологи, произошедшая социальная катастрофа особенно сильно сказалась на молодом поколении.

С одной стороны, оно в значительной степени потеряло нравственные ориентиры: сначала молодому поколению настойчиво показывали и доказывали тупиковую бесперспективность «строительства самого справедливого общества на земле», после чего данное поколение не могло не увидеть явные изъяны периода первичного накопления капитала. Молодые люди на личном опыте стали все чаще убеждаться, что наибольшего успеха в жизни очень часто достигают отнюдь не те люди, которые имеют твердые моральные принципы, проявляют трудолюбие, старательность, совесть, милосердие, а те, кто вообще не имеет позитивных жизненных установок, кто желает и умеет достигать своих целей любой ценой. Из средств массовой информации быстро исчезли репортажи о «трудовых подвигах», исчез и сам человек труда как таковой. Вместо этого в теле- и радиопередачах стали пропагандировать маргинальные личности, а их умение решать жизненные проблемы выдавалось за образец для всех, и в первую очередь — для молодежи.

Хотя количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, неуклонно снижается, доля тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних составляет ежегодно более 30%. На протяжении последних лет доля выявленных лиц в возрасте 18–29 лет, виновных в совершении преступлений, составляет порядка 45% от общего числа всех выявленных лиц.

Вышеуказанные события протекали параллельно с *разрушением статуса правоохранительной службы* в обществе. О. Грязнова пишет: «В настоящее время такие профессии, как милиционер, работник ГИБДД, налоговый инспектор к числу престижных

причисляют только 1,2% жителей России ... и только 2,5% видят для себя лично приемлемой профессию милиционера или сотрудника органов госбезопасности».

Ключевой причиной, однако, стала вовсе не материальная составляющая профессии (хотя и она имела свое важное значение), а утрата понимания ценности и важности профессии. В результате, пополнение рядов правоохранительных органов достойными кадрами и сохранение «старых» кадров стало невозможным из-за разрыва осознания причастности к общему и значимому для общества делу. Романтизация профессии уступила место ее дискредитации.

Важнейшим следствием экспансии криминальной культуры является невозможность искоренения ее даже в случае возрастания численности и благосостояния «среднего класса». Ее «плоды» заключаются в *изменении культурного кода* новых поколений российских граждан. Свидетельством этого являются происшествия, получившие огромный общественный резонанс и связанные с насилием, совершаемым школьниками в отношении сверстников, пожилых людей и даже инвалидов.

Умудренный жизнью и своим редким по насыщенности опытом человек, прошедший к тому же через десятилетнее заключение в советских тюрьмах и лагерях, — В.В. Шульгин — написал в своей книге-исповеди «Опыт Ленина» (1958) такие слова:

«Из своего тюремного опыта я вынес заключение, что “воры” (так бандиты сами себя называют) — это партия, не партия, но некий организованный союз, или даже сословие. Для них характерно, что они не только не стыдятся своего звания “воров”, а очень им гордятся. И с презрением они смотрят на остальных людей, не воров... Это опасные люди; в некоторых смыслах они люди отборные. Не всякий может быть вором!

Существование этой силы, враждебной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, Аппарат принуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты. Ведь они единственные, что объединены, остальные, как песок, разрознены. И можно себе представить, что наделают эти объединенные “воры”, пока честные объединяются».

Приложение

Организованную преступность иногда называют государством в государстве. Действительно, в некотором отношении она вступает в конкуренцию с властными структурами, мешает проведению оптимальной государственной политики, размывает нравственность, отрицает справедливость и правосудие, рекламирует безнаказанность — одним словом, дискредитирует политическую систему общества. Экономический ущерб от организованной преступности составляет около 10% валового национального продукта страны. Нетрудно представить, какой импульс развитию национальной экономики дало бы избавление от этого паразитического образования. Феномен организованного криминала не любит яркого света, его деятельность носит тайный характер, немало сил и средств его дельцами направляется на создание себе привлекательного имиджа (либо криминальных Робин Гудов, способствующих наведению порядка в стране не совсем чистыми методами, либо сообщества «благородных разбойников», которые действуют в четвертом измерении, никаким способом не затрагивая интересов большей части общества). Именно на эту наживку попадают простые обыватели И некоторые честные политики: народ волнует проблема уличной преступности, а насчет организованной преступности — не до конца еще ясно, существует ли она вообще. В то же время, например, от рэкета (который на первый взгляд посягает только на интересы торговцев) в конечном итоге страдают именно простые обыватели: все выплаченные рэкетирам суммы торговцы компенсируют, повышая цены на товар (от 10 до 30%). Криминологи установили, что ущерб, который причиняет обществу уличная преступность, примерно в 50 раз меньше (он составляет от 1,7 до 2,3% ущерба, причиняемого организованной преступностью).

Перспективы организованной преступности можно прогнозировать, исходя из основных ориентиров ее развития: выживание — богатство — власть. Все эти этапы мафия уже проходила на Сицилии. Захват политической власти Муссолини также произошел благодаря поддержке мафии. Аналогичные схемы мы

можем наблюдать в ряде стран Латинской Америки. Даже «оплот демократии» изрядно подзамарался в сотрудничестве с преступными синдикатами. Госструктуры США не раз прибегали к услугам мафии для решения военных и политических проблем. Впервые за помощью к криминальной конфедерации обратилась военная разведка США. В годы второй мировой войны поиск немецких шпионов в американских портах контролировали мафисты. Они обеспечили успех англо-американского десанта на Сицилию. «Уотергейт» и «Ирангейт» показали, что и президенты США не отказываются от такого сотрудничества (в первом случае президент Р. Никсон пользовался услугами преступного синдиката в ходе предвыборной кампании, во втором — Р. Рейган для свержения просоветского правительства в Никарагуа). В 1996 г. достоянием гласности стали факты финансирования предвыборной кампании президента Колумбии Сампера представителями Медельинского кокаинового картеля наркомафии.

Приход к власти сильных политических лидеров, ориентированных на проведение независимой государственной политики, практически всегда инициировал различные широкомасштабные акции разрушающего воздействия на организованную преступность. Опыт противостояния государства и организованной преступности свидетельствует что последняя малочувствительна к традиционным мерам воздействия. В процессе криминальной эволюции она сумела выработать иммунитет к традиционным системам профилактики преступлений, их расследования, правосудия и исполнения наказания. Подкуп, угрозы и устранение несговорчивых оказались теми универсальными отмычками, с помощью которых можно открывать двери к решению любой проблемы.

Практика жестких мер воздействия на организованную преступность показала, что при их использовании очень велик риск сползания общества в пучину произвола. Такой метод борьбы оказывается не менее опасным, чем то зло, на искоренение которого он направлен (трудно сказать, кто причинил Италии больше вреда: мафия или Муссолини).

Неуязвимость организованной преступности подчас ставит общество в патовую ситуацию: либо трансформировать одну форму зла в другую (преступность в чрезвычайщину и деспо-

тизм), либо смириться с существованием мафии (причем на деле смирение означает подчинение). Последний вариант, вариант сотрудничества с мафией, в США начал практиковаться давно, он нашел и теоретических апологетов. Например, ученый из Гарвардского университета Т. Шеллинг предложил тайно договариваться с боссами преступного мира о сотрудничестве в поддержании преступности на социально терпимом уровне. Нет необходимости доказывать, насколько выгодна такая доктрина преступному миру. На ее утверждение в общественном сознании криминальные бароны не жалеют средств. Сомнительность такой идеи очевидна хотя бы потому, что ни один политик не осмелится публично поддержать ее. Исследователь феномена экономической преступности Бу Свенсон установил, что практически любая мера, эффективная по отношению к разрушению преступности, имеет сопутствующие отрицательные последствия. В связи с этим при конструировании системы воздействия на преступность необходимо достаточно тщательно моделировать все последствия ее функционирования (и положительные, и отрицательные). Система должна быть признана неприемлемой не только в случае превалирования отрицательных результатов, но и в случае отсутствия решающего перевеса положительных.

Анализ феномена «бессмертности» мафии приводит к проблеме более высокого уровня — несокрушимости мирового зла. Эта глобальная проблема была однозначно решена теоретически много веков назад: темные силы онтологически находятся в подчиненном положении у сил светлых. Зло никогда не сможет победить добро. И опыт человечества с древнейших времен до наших дней убедительно подтверждает этот закон. Какие бы формы ни приобретало зло, каким бы сильным оно ни было в отдельные исторические периоды его всегда ждет неминуемый крах. В конечном итоге, белая идея всегда побеждает, светлые силы оказываются сильнее (подчас вопреки всякой логике). И мы можем воочию в этом убедиться: за тысячелетия борьбы добра со злом наш мир не стал сумеречно темным, хотя тучи не раз сгустились над ним. Не является исключением и организованная преступность — это лишь одна из мутаций зла, для разрушения которого должны объединиться все здоровые силы общества.

Сверхзадача общества в противостоянии организованной преступности заключается в разработке таких мер разрушающего воздействия на этот криминальный феномен, в реализации которых удалось бы удержаться от скатывания за опасную грань произвола и беззакония. Даже чрезвычайные меры, без которых кульминация противостояния организованной преступности не обошлась еще ни в одной стране, должны быть контролируемы представительными органами власти, поскольку лишь представительная ветвь власти может быть гарантом от перерастания чрезвычайных мер в тоталитаризм. Задача криминологической науки — поиск максимально эффективных мер разрушения мафии в рамках законности.

Еще в прошлом веке Э. Ферри выработал достаточно универсальный принцип воздействия на преступность: «Силы природы нельзя преодолеть иначе, как противопоставив им другие силы природы, противоположные или отличные от них. Вот почему криминалист-социолог, отбросив бесплодную иллюзию, что преступление рождается из фатума индивидуальной свободной воли, прежде всего старается определить направление и интенсивность сил, производящих преступление, чтобы затем противопоставить им другие естественные силы, охраняющие право, поддерживающие деятельность, согласную с законом, и честный труд».

В соответствии с этим законом (назовем его законом Ферри) необходимо найти социальные закономерности, благодаря которым сформировался механизм чрезвычайной устойчивости организованной преступности. Только на основе их анализа можно выявить тенденции, которые могли бы сыграть роль криминального антипода, закономерности, которые можно было бы использовать для разрушения механизма социальной устойчивости структур мафиистского типа.

(Иншаков С.Н. Зарубежная криминология. М., 1997)

Для заметок

ЛЕКЦИЯ 14

Революции постмодерна

Одна из важнейших тем политологии — революции, т. е. свержение государственной власти с глубокими изменениями в ее структуре и функциях.

Привычное для нашего общества понятие *социальной революции* взято из марксизма. «Философский словарь» гласит: «Революция — коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; форма перехода от одной общественно-экономической формации к другой... Революция — высшая форма борьбы классов».

Это определение приписывает революциям такие черты:

— *прогрессизм*: революция есть «низвержение отжившего и утверждение прогрессивного»;

— *экономизм, формационный подход* к истории. В понятие не включены перевороты, не связанные со сменой общественно-экономической формации;

— революция — явление *классовой борьбы*. Перевороты, вызванные противоречиями между общностями, не подпадающими под понятие класса (национальными, религиозными, культурными и др.), исключены из этого понятия.

Это понятие середины XIX века — фильтр, не позволяющий увидеть важные типы реальных революций, определявших судьбу народов. Так, ортодоксальные марксисты в 1917 году трактовали Октябрьскую революцию как реакционный переворот, так как капитализм в России еще не был «отжившим». В отличие от марксистской теории классовой революции в России была создана доктрина революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран это была революция *цивилиза-*

ционная — она стала средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма.

А в Грузии возникло социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции и вело войну против большевиков. Премьер Грузии Жордания (член ЦК РСДРП) объяснил это в своей речи 16 января 1920 года: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России — к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!».

Через фильтр марксизма не видны даже революции, которые готовятся и происходят у нас прямо на глазах. Тем более незаметно приближение таких революций и не видна суть того исторического выбора, перед которым общество оказывается в момент революции.

За последние двести лет в мире и не было революций, отвечавших данному вышнему определению. Ему отвечают только буржуазные революции XVII–XVIII веков. Зато в XX веке прошла мировая волна революций в сословных обществах «крестьянских» стран, затем волна национально-освободительных революций, а в последние десятилетия — волна постмодернистских «бархатных» революций.

Конфликты на экономической почве являются лишь одним из множества их видов. В последние десятилетия широкомасштабное политическое насилие почти всегда развивалось по линии *культурных* (например, этнических), а не классовых различий. В случае революций, переходящих в гражданскую войну, конфликт на экономической почве вообще не главный. Питирим Сорокин отмечал, что «гражданские войны возникали от быстрого и коренного *изменения высших ценностей* в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей революционеров и контрреволюционеров».

Марксистское определение революции отсылает нас к очень неопределенному понятию *класса*. Споры о нем велись после

Маркса около ста лет. В результате понятие класса усложнилось — в него, помимо отношения к собственности, вошла *культура*.

Если марксистская теория исходила из противоречий в базисе общества (производственных отношениях), в 30-е годы XX века, после изучения опыта всех великих революций прошлого, а также русской революции и фашизма в Германии, родилась принципиально новая теория. Согласно нее, первичным объектом революционного штурма становилась *надстройка* общества, а именно — ее наиболее «мягкая» и податливая часть — идеология и установки общественного сознания.

Дополнение марксистской теории революции учением А. Грамши необходимо для понимания событий последних 30 лет, названных «бархатными» и «цветными» революциями. Их предвестники — мятеж 1956 года в Венгрии, «Пражская весна» 1968 года, «Красный май» 1968 года в Париже. Позже — революция «Солидарности» в Польше, «бархатные революции» в Восточной Европе в 1989 году, а также ставшие их продолжением революции в Сербии (2000) и на постсоветском пространстве (Грузия, Украина, Киргизия). Все они произошли в обществах *переходного* типа и совершенно выпадают из модели Маркса. Их можно назвать *революциями постмодерна*.

Рассмотрение через призму марксизма сужает их смысл до смены политических элит. На деле победы этих революций вели к глубоким изменениям в государстве и обществе. Первое важное отличие — все они призваны решать задачи не столько формационного характера, сколько *цивилизационного*. Для понимания и предвидения хода таких революций необходимо анализировать не только противоречия в базисе, но и процессы, происходящие или возбуждаемые в надстройке общества — в культуре, идеологии и сфере массового сознания.

В последние тридцать лет мы наблюдали революционную трансформацию «обществ советского типа». Организованным движением, которое наиболее последовательно готовило эту революцию, являлась польская «Солидарность». Однако мотивация этой внешне «буржуазной» революции была совершенно не классовой. «Солидарность» представляла собой «ценностно-ориентированный монолит», а не сообщество социальных групп, заинтересованных в достижении конкретных целей. Фронт

между противоборствующими силами пролегал не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, социально-психологической. Идеалы «Солидарности» были далеки от рыночной экономики, частной собственности, западной демократии.

Революции эпохи модерна вызревали и предъявляли свои цели и доктрину на основе рациональности Просвещения. Она задавала ту матрицу, на которой вырастали представления о мире и обществе, о правах и справедливости, о власти и способах ее свержения, о компромиссах и войне групп и классов. Все это происходило в определенной системе координат, установки и вектор устремлений партий и фракций можно было соотнести с утверждениями почти научного типа.

Постмодерн разрушил эти матрицы и произвел, как говорят, их *деконструкцию*. Проблема истины или правильности понимания аксиом исчезла, исчезли и сами аксиомы — они не складываются в системы. Цели и аргументы могут полностью игнорировать причинно-следственные связи и даже быть совершенно абсурдными.

Революции «постмодерна» отличают несколько признаков.

— Они в первой стадии носят *ненасильственный характер*. Модерн представлял общество и государство *машинами*. Происходящие в них процессы виделись как движение масс под действием сил. Соответственно, и угрозы государству власть видела как *массу* противников, накапливающих *силу*, которую они и собираются обрушить на защитные *силовые* структуры государства.

Средства преодоления угрозы виделись в укреплении силовых структур. Рассуждения о «силе идей» воспринимались властью как лирическая метафора, обозначающая второстепенный фактор. Такая власть, как показал опыт, не способна блокировать революцию, *не применяющую «механическую» силу*. Ненасильственный характер революции нейтрализует главную силу, которой располагает государство, — его силу.

Технология «бархатных» и других аналогичных революций использует декларируемую в переходных государствах свободу слова и собраний. Заложенные в праве свободы становятся инструментами революций, а отступление от них карается «ярлыком» тоталитарности политического режима со стороны «миро-

вого сообщества». Именно использование легальных механизмов для нелегальных по своей сути целей обеспечивает возможность для захвата органов власти, бессрочных акций протеста, забастовок и других ненасильственных методов свержения власти.

Ненасильственный характер действий противника обессиливает госаппарат и раскалывает общество. Если власть отвечает насилием, слишком большая часть общества начинает сочувствовать противнику, и государству приходится тормозить, неся большие издержки.

Вот книга Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения» (это учебное пособие для активистов «оранжевых революций» издано в 1993 году). Шарп пишет: «Поскольку ненасильственная борьба и насилие осуществляются принципиально различными способами, даже ограниченное насильственное сопротивление в ходе кампании политического неповиновения будет вредным, так как сдвинет борьбу в область, в которой диктаторы имеют подавляющее преимущество (вооружения). Дисциплина ненасильственных действий является ключом к успеху и должна поддерживаться, несмотря на провокации и жестокости диктаторов и их агентов».

В ходе «оранжевой» революции 2004–2005 годов на Украине немногочисленный митинг на Майдане начался сразу же после голосования во втором туре президентских выборов, однако со дня объявления окончательных результатов лидеры оппозиции призвали к бессрочному митингу. На площади был устроен палаточный городок, хорошо организованный и обеспеченный регулярными поставками продовольствия, одежды, лекарственных средств и др. При рассмотрении иска В. Ющенко об отмене выборов толпа блокировала Верховный суд Украины.

Очевидно, что декларация ненасильственного характера протеста действиями — ширма, прикрывающая фактический захват органов власти, блокирование работы судебных учреждений и др., при неготовности власти использовать имеющиеся силы и средства. Возникает «паралич» власти, обеспечиваемый массивной информационной и политической атакой со стороны внешних сил, угрожающих применением различного рода санкций в случае каких-либо активных действий со стороны власти.

Понятно, что уязвимыми в отношении «оранжевых» революций являются государства с *ущербным суверенитетом*, которые по разным причинам вынуждены сверять свои действия с тем, «что скажут в Вашингтоне». Напротив, реально независимые государства нечувствительны к таким технологиям. Скажем, «оранжевая революция» невозможна в США, поскольку там полиция разгоняет незаконные митинги вне зависимости от реакции «мировой общественности». Если государство способно противостоять «ненасилию» (как в Белоруссии), то спектакль отменяется.

В 1995 году США попытались организовать на Кубе «народные волнения» и послали самолеты разбрасывать над Гаваной листовки. Эти самолеты после всех предусмотренных приказов приземлиться были сбиты кубинскими истребителями. А когда в Майами была организована целая флотилия яхт и катеров «возлагать венки» в море, Куба предупредила, что вся эта флотилия будет потоплена. Причем, все происходило в рамках международного права — и в результате Мадлен Олбрайт дала «задний ход» в ООН. Эту возможность и Белоруссия, и Куба имеют потому, что их властная верхушка действует исходя из обязанностей государства, а не теневых договоренностей.

— *Отсутствие социальных требований.* «Бархатные» и «цветные» революции не могут быть истолкованы в логике разрешения социальных противоречий. Политологи с удивлением констатируют, что «ни одна из победивших революций не дала ответа на вопрос о коренных объективных причинах случившегося ... о смысле и содержании озаменованной этими революциями новой эпохи». «Бархатные» революции организуются так, чтобы использовать накопившееся недовольство масс и едва народившуюся революционную энергию для достижения политических целей, никак не связанных с разрешением социальных противоречий в интересах этих самых масс.

Так, к примеру, «оранжевая» революция произошла в тот момент, когда экономика Украины была на подъеме и доходы населения увеличивались. По темпам роста Украина после 2000 года обгоняла все страны СНГ и считалась самой быстроразвивающейся экономикой Европы. В 2000–2003 годах рост ВВП Украины в среднем составлял 7,3% в год, за 5 месяцев 2004 года реальные

доходы населения выросли на 15%. При Януковиче, в бытность его премьер-министром, за 6 месяцев 2004 года ВВП вырос по сравнению с аналогичным периодом 2003 года на 12,7%, промышленное производство — на 15,9%. Доля машиностроения в экспорте возросла за год с 13,6 до 19,5%.

В Польше у «Солидарности» не было конструктивного проекта, она консолидировалась *отрицанием* (вспомним высказывание польского диссидента Адама Михника: «Мы отлично знаем, чего не хотим, однако чего мы хотим, никто из нас точно не знает»). А движущей силой польской революции стали рабочие, уничтожившие политический строй, наиболее отвечавший их фундаментальным интересам.

«Бархатных» революций, уничтожающих стабильное жизнеустройство с большим потенциалом развития, не могло бы произойти, если бы интеллигенция стран «реального социализма» не восприняла мыслительных норм постмодерна.

Подобный слом произошел в СССР в конце 80-х годов. Поведение огромных масс населения нашей страны стало на время обусловлено не разумным расчетом, не «объективными интересами», а именно всплеском коллективного бессознательного. Перестройка и начальная фаза рыночной реформы в СССР — чистый случай революции регресса, и его совершенно не могло предсказать советское обществоведение.

— *Отсутствие революционного большинства (элиты)*. Как показал опыт, в «цветных» революциях при наличии даже весьма слабых предпосылок манипуляторам удается быстро сплотить большую массу людей на принципах солидарности. На ее основе удается на короткий срок организовать толпу целеустремленную, сложно структурированную, обладающую коллективным разумом и ответственностью. Отличие такой толпы от «классических» революционных масс в том, что и цели, и разум, и структура, и действия толпы задаются извне, манипуляторами. Все атрибуты революционной массы имеют встроенный механизм саморазрушения, так что после выполнения поставленной задачи у массы не остается ни целей, ни организации — в ходе революции не возникает политической воли и проекта.

«Цветные» революции не порождают революционной элиты, которая могла бы выработать свой проект и развивать револю-

цию. «Цветные» революции безопасны для их организаторов, после их завершения и роспуска толпы власть может отобрать ценные кадры активистов — россыпью, без всякой опасности для системы. Таким образом, стало возможным создать на непродолжительный срок высокоорганизованную политическую силу, готовую свергнуть государственную власть — без какой-либо осознанной социальной цели, без большого проекта и без связанной идеологии.

«Цветные» революции не просто приводят к смене властной верхушки государства и его геополитической ориентации, но и принципиально меняют основание легитимности всей государственности страны. Меняется даже местонахождение *источника легитимности* — он перемещается с территории данного государства в *метрополию*, в ядро мировой системы капитализма.

— Еще один важный элемент технологии — внедрение в массовое сознание и закрепление в нем нескольких *несложных стереотипов*, отвечающих формуле незыблемой истины «*враги против наших*». События трактуются исключительно с одной и единственно «верной» точки зрения. Через постоянное повторение одних и тех же лозунгов достигается отказ от их рационального восприятия и переход к их восприятию на веру.

Этот процесс сопровождается созданием и энергичным внедрением *внешних (символических) признаков* отличия между «нашими» и «чужими» (розы и флаг с крестами в Грузии, «оранжевое» — в Украине). Формируется мода на использование этих символов и принадлежность к «своим», а обывателю навязывается состояние страха оказаться за пределами «прогрессивной» части общества.

Ключевым актором уличного протеста становится *толпа*, формируемая концентрацией людей в нужных точках городского пространства, удержанием в нужных местах в течение необходимого времени и обработкой сознания.

Следующим шагом становится создание невыносимых условий для работы государственных органов. На фоне эскалации конфликта разыгрывается «спектакль» с непризнанием результатов выборов со стороны «международного сообщества».

Ненасильственные действия создают общий фон и на первой стадии вызывают симпатии населения и привлекают мас-

совых участников. Однако с самого начала создается «жесткая» военизированная группа, которая в решающий момент должна совершать насильственные действия (с оружием или без оружия — в зависимости от обстоятельств). Именно такими группами являются молодежные движения (в Сербии — «Отпор», на Украине — «Пора»). Создание военизированных групп является необходимой частью «оранжевых» революций еще и потому, что новая властная верхушка далеко не всегда может быть уверена в лояльности силовых структур. Поэтому на первый момент после свержения «коррупцированной диктатуры» новой власти нужен хотя бы небольшой контингент организованных «дружинников».

Постмодерн стирает саму грань между *революцией* и *реакцией*, ведет к архаизации общественных процессов. Одним из таких проявлений стал *политический луддизм*, который был применен в ходе «оранжевой» революции на Украине и, видимо, немало удивил наблюдателей. В Тбилиси, Киеве и Бишкеке в политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а вопросы *борьбы с властью*. Ранее это явление было присуще «слаборазвитым» странам, и трудно было ожидать, что оно так органично впишется в политические технологии стран со все еще высокообразованным населением. Речь идет о том, что политическая сила, которая представляет себя как оппозицию существующей власти, демонстративно препятствует работе власти вообще — борется не против конкретной политики власти, а отвергает ее как институт, образно говоря, разрушает машину государства.

— Важным результатом этих революций становится не только изменение власти, но и порождение, пусть на короткий срок, *нового народа*. Возникает масса людей, в сознании которых как будто стерты исторически сложившиеся ценности культуры их общества, и в них закладывается, как дискета в компьютер, пластинка с иными ценностями, записанными где-то вне данной культуры. Создание «нового народа» (или даже новой нации) в ходе подобных революций — один из ключевых постулатов их доктрины. В «цветных» революциях толпы на непродолжительное время приобретают самосознание *народа*.

Таким образом, «оранжевые» революции, как революции эпохи постмодерна, отличаются от революций эпохи модерна

очень важным свойством. Они «включают» и в максимально возможной степени используют сплывающий и разрушительный ресурс *этничности*. Революции индустриальной эпохи, даже будучи мотивированы задачами национального освобождения, сплывали своих сторонников рациональными идеалами *социальной справедливости*. Они шли под знаменем интернационализма людей труда с социальной риторикой.

Постмодерн отверг эту рациональность, уходящую корнями в Просвещение и представленную в данном случае прежде всего марксизмом и близкими к нему идеологиями. Отвергая ясные и устойчивые структуры общества и общественных противоречий, постмодерн заменяет класс этносом, что и позволяет ставить насыщенные эмоциями политические спектакли, из которых исключается сама проблема истины. Здесь открывается пространство для ничем не ограниченной мифологии, ценность которой определяется только ее эффективностью.

Опыт показал, что политизированная этничность может быть создана буквально «на голом месте» в кратчайшие сроки, причем одновременно с образом врага, которому разбуженный этнос обязан отомстить или от которого должен освободиться. Достигаемая таким образом сплоченность и готовность к самопожертвованию по своей интенсивности не идут ни в какое сравнение с тем, что обеспечивают мотивы социальной справедливости или повышения благосостояния. При этом большие массы образованных людей могут прямо на глазах сбросить оболочку цивилизованности и рациональности и превратиться в архаичную фанатичную толпу. Власть, действующая в рамках рациональности Просвещения, с такой толпой в принципе не способна конструктивно взаимодействовать.

— «Цветные» революции — продукт «общества спектакля», особого состояния (типа *карнавала*), порожденного коллективным воображением.

Опыт фашизма показал ограниченность тех теорий общества, в которых не учитывалась уязвимость надстройки — общественного сознания и воображения. Психолог Юнг, наблюдая за пациентами-немцами, написал уже в 1918 году, задолго до фашизма: «Христианский взгляд на мир утрачивает свой авторитет, и поэтому возрастает опасность того, что “белокурой бестией”, мечущая-

ся ныне в своей подземной темнице, сможет внезапно вырваться на поверхность с самыми разрушительными последствиями».

Потом он внимательно следил за фашизмом, и все же в 1946 году в эпилоге к своим работам об этом массовом психозе («немецкой психопатии») признал: «Германия поставила перед миром огромную и страшную проблему». Он прекрасно знал все «разумные» экономические, политические и прочие объяснения фашизма, но видел, что дело не в «объективных причинах». Загадочным явлением был именно массовый, захвативший большинство немцев психоз, при котором целая нация — разумная и культурная, — упрятав в концлагеря несогласных, соединилась в проекте, который вел к краху.

Структурный анализ использования воображения в целях превращения людей в толпу дал французский философ Ги Дебор в известной книге «Общество спектакля» (1967). Он показал, что современные технологии способны разрушить в человеке знание, полученное от реального исторического опыта, заменить его знанием, искусственно сконструированным «режиссерами». В человеке складывается убеждение, что главное в жизни — видимость, да и сама его общественная жизнь — видимость, спектакль. И оторваться от него нельзя, т. к. перед глазами человека проходят образы, гораздо более яркие, чем он видит в своей обычной реальной жизни в обычное историческое время. Человек, погруженный в спектакль, утрачивает способность к критическому анализу и выходит из режима *диалога*, он оказывается в социальной изоляции.

Особое внимание философов привлекла своим сценарием Тимишоара — спектакль, поставленный для свержения Чаушеску в Румынии в 1989 году. Изучающий «общество спектакля» итальянский культуролог Дж. Агамбен пишет: «Тимишоара представляет кульминацию этого процесса, до такой степени, что ее имя следовало бы присвоить всему новому курсу мировой политики. Потому что там секретная полиция, организовавшая заговор против себя самой, чтобы свергнуть старый режим, и телевидение, показавшее без ложного стыда реальную политическую функцию СМИ, смогли осуществить то, что нацизм даже не осмеливался вообразить: совместить в одной акции чудовищный Аушвиц и поджог рейхстага.

Впервые в истории человечества похороненные недавно трупы были спешно выкопаны, а другие собраны по моргам, а затем изуродованы, чтобы имитировать перед телекамерами геноцид, который должен был бы легитимировать новый режим. То, что весь мир видел в прямом эфире на телеэкранах как истинную правду, было абсолютной неправдой. И, несмотря на то, что временами фальсификация была очевидной, это было узаконено мировой системой СМИ как истина — чтобы всем стало ясно, что истинное отныне есть не более чем один из моментов в необходимом движении ложного. Таким образом, правда и ложь становятся неразличимыми, и спектакль легитимируется исключительно через спектакль. В этом смысле Тимишоара есть Аушвиц эпохи спектакля, и так же, как после Аушвица стало невозможно писать и думать, как раньше, после Тимишоары стало невозможно смотреть на телеэкран так же, как раньше».

В телерепортажах из Тимишоары было видно, что перед камерами выкапывают не тела «расстрелянных секуритате» людей, а трупы, привезенные из моргов — со швами, наложенными после вскрытия. Люди видели эти швы, но верили комментариям дикторов. Этот опыт показал, что при бьющей на эмоции картинке ложь можно не скрывать, люди все равно поверят манипулятору.

Последствия «цветных» революций ведут к фундаментальному изменению в судьбе государства и общества — *разрыву непрерывности*. Часть населения, подчинившись гипнозу революционного «спектакля», выпадает из традиций и привычных норм рациональности предыдущего общества — «перепрыгивает в постмодерн». Однако при этом разрывается и связь с реальностью страны — ее новые ценности и «стиль жизни» не опираются на прочную материальную и социальную базу. Таким образом, главным вопросом становится: будет ли эта реальность меняться так, чтобы прийти в соответствие с новыми ценностями, или же обществу придется пройти через период тяжелой фрустрации и вернуться к прежним истокам?

Приложение

У людей, ведущих ненасильственную борьбу, есть в распоряжении целый арсенал «ненасильственного оружия»:

Официальные заявления

1. Публичные выступления
2. Письма протеста или поддержки
3. Декларации организаций и учреждений
4. Публичные заявления, подписанные известными людьми
5. Декларации обвинения и намерений
6. Групповые или массовые петиции

Общение с широкой аудиторией

7. Лозунги, карикатуры и символы
8. Знамена, плакаты и наглядные средства
9. Листовки, памфлеты и книги...
11. Магнитофонные записи, пластинки, радио, ТВ...

Групповые акции

13. Депутации
14. Сатирические награждения...
16. Пикетирование...

Символические общественные акции

18. Вывешивание флагов, использование предметов символических цветов
19. Ношение символов
20. Молитвы и богослужения
21. Передача символических объектов
22. Раздевание в знак протеста...
24. Символическое зажигание огней (факелы, фонари, свечи)
25. Выставление портретов...
27. Установка новых уличных знаков и названий
28. Символические звуки...
30. Грубые жесты

Давление на отдельных людей

31. «Преследование по пятам» официальных лиц
32. Насмешки над официальными лицами
33. Братание с солдатами
34. Бдения («вахты»)

Театр и музыка

36. Постановка пьес и музыкальных произведений...
37. Пение

Процессии

38. Марши...
40. Религиозные процессии...
42. Автоколонны

Поминание умерших

43. Политический траур...
45. Демонстративные похороны
46. Поклонение в местах захоронения

Общественные собрания

47. Собрание протеста или поддержки
48. Митинги протеста...

Уход и отказ

51. Демонстративный уход
52. Молчание
53. Отказ от почестей
54. Разворачивание спиной

Остракизм отдельных людей

55. Социальный бойкот
56. Выборочный социальный бойкот
57. Отказ от исполнения супружеских обязанностей («по Лисистрате»)
58. Отказ от общения
59. Прекращение религиозной службы

Отказ от участия в общественных событиях, обычаях и работе

60. Прекращение социальной и спортивной деятельности
61. Бойкот общественных событий
62. Студенческие забастовки
63. Общественное неповиновение
64. Приостановление членства в общественных организациях

Устранение из социальной системы

65. Отказ выходить из дома
66. Полный личный отказ от сотрудничества
67. Бегство рабочих
68. Укрывание в убежище
69. Коллективный уход с места жительства
70. Эмиграция в знак протеста («хиджрат»)

Акции потребителей

71. Бойкот потребителей
72. Неиспользование бойкотируемых товаров
73. Политика аскетизма
74. Отказ от выплаты арендной платы
75. Отказ арендовать
76. Общациональный потребительский бойкот
77. Международный потребительский бойкот...

Отказ от поддержки властей

120. Отказ от лояльности властям
121. Отказ в общественной поддержке
122. Литература и речи, призывающие к сопротивлению

Отказ граждан от сотрудничества с правительством

123. Бойкот законодательных органов...
126. Бойкот правительственных учреждений, агентств и других органов
127. Уход из правительственных образовательных учреждений
128. Бойкот поддерживаемых правительством организаций
129. Отказ в помощи силам по наведению порядка

- 130. Снятие знаков собственности и уличной разметки
- 131. Отказ принять назначение официальных лиц
- 132. Отказ распустить существующие институты

Психологическое вмешательство

- 158. Самоотдача во власть стихии (самосожжение, утопление и т.п.)
- 159. Голодовка...
- 161. Ненасильственное психологическое изнурение оппонента.

(Шарп Д. От диктатуры к демократии. М., 2005)

ЛЕКЦИЯ 15

Причины краха советского строя: результаты предварительного анализа

Изучение краха СССР как учебной задачи дает российскому политологу доступный массив данных, почти полностью покрывающий потребность в эмпирическом и методологическом материале для освоения главных категорий и тем специальности.

Перед нами два вопроса: что такое был «советский строй»? и что с ним произошло? Почему к концу 80-х годов его легитимность была подорвана, и в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на его существование? В 1990–1991 годы массовое сознание населения СССР не было антисоветским. Люди желали, чтобы главные условия советского общественного строя были сохранены и развивались, но они желали этого *пассивно*. И этот общественный строй был обречен.

Мы имеем опыт катастрофы, поражения советского строя. За 20 лет мы многое поняли. Однако остается ряд загадок, но мы имеем к ним подходы. Об этом и будем говорить — создавая нашу картину крупными мазками, без деталей.

Этот разговор трудный и потому, что через образование мы получили язык западных понятий (в особенности язык марксизма), а проблемы незападных обществ трудно выразить на этом языке. Но сделаем усилие и взглянем на катастрофу СССР, стараясь говорить на естественном языке, а не на языке идеологии.

Итак, о том что было.

Советский строй — это реализация *проекта*, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры. Надо различать *советский проект*, т. е. представление о благой жизни и дороге к ней, и *советский строй* как воплощение этого проекта на

практике. Многие из намеченного проектом не удалось создать в силу исторических обстоятельств, но очень многое удалось. И то, и другое надо понять.

Советский проект повлиял на все большие цивилизационные проекты: помог зародиться социальному государству на Западе, демонтировать колониальную систему, на время он нейтрализовал соблазн фашизма, дал многое для укрепления и самоосознания цивилизаций Азии в их современной форме.

Советский проект не исчерпал себя, не выродился и не погиб сам собой. У него были болезни роста, несоответствие ряда его институтов новому состоянию общества и человека. В этом состоянии он был убит противником в холодной войне, хотя и руками «своих» — союзом трех сил советского общества: части номенклатуры КПСС, части интеллигенции («западники») и части преступного мира. Никаких выводов о порочности проекта из факта его убийства не следует. Бывает, что сильного и красивого человека укусит тифозная вошь, и он умирает. Никаких выводов о качествах этого человека и даже о его здоровье сделать нельзя. Из факта гибели СССР мы можем сделать только вывод, что защитные системы советского строя оказались слабы. Этот вывод очень важен, но на нем нельзя строить отношение к другим системам советского строя.

Нет смысла давать советскому строю формационный ярлык — социализм, «казарменный социализм» и т.д. Это ведет к бесполезным спорам. Будем исходить из очевидного: советский строй был *жизнеустройством* большой страны — со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас видим, как ломают главные структуры этого строя и каков результат. Из этого и надо извлекать знание.

Каков генезис советского строя? Не будем удревять проблему. Русская революция 1905 года была началом мировой революции, вызванной сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего действия западного капитализма (против «раскрестьянивания»). В Западной Европе эти «антибуржуазные» революции (типа Вандеи) потерпели поражение, а на периферии — победили или оказали влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетна-

ме, Алжире, Мексике, самые последние на Кубе и в Иране — по всему «незападному» миру.

Модель Маркса для России требовала пройти тот же путь, что и Запад. Эту модель не приняли Бакунин и потом — народники, разработавшие концепцию некапиталистического развития России. Но народников разгромили марксисты, и в начале XX века они разделились на кадетов (буржуазные либералы-западники) и эсеров.

Ленин пересмотрел модель Маркса в ходе революции 1905 года и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом. В статье 1908 года «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин дает новую трактовку русской революции. Это — не буржуазная революция ради устранения препятствий для капитализма, а революция союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* господства капитализма. Она мотивирована стремлением *не пойти* по капиталистическому пути развития. Меншевики эту теорию не приняли, и конфликт с большевиками углубился.

После буржуазно-либеральной революции (февраль 1917 г.), ее подавления Октябрем и гражданской войны «Февраля с Октябрем» в России восстановилось традиционное общество в облике СССР. Во многом оно было даже более традиционным (более общинным), чем до революции — и при этом более открытым для идеалов Просвещения и модернизации.

Советская система сложилась в ходе революции 1905–1917 годов, Гражданской войны, НЭПа («новой экономической политики» 20-х годов), коллективизации и индустриализации 30-х годов, Великой Отечественной войны. На всех этих этапах выбор делался из очень малого набора альтернатив, коридор возможностей был очень узким. Давление обстоятельств было важнее, чем теоретические доктрины. Главными факторами выбора были реальные угрозы, ресурсные возможности и заданная исторически культурная среда с ее инерцией. Надежным экзаменом всех подсистем советского строя стали война 1941–1945 годов и послевоенный восстановительный период.

Тип экономики

Советская система хозяйства была описана и понята плохо. Дискуссия о ее сути и ее категориях велась с 1921 года вплоть до смерти Сталина. Первый учебник политэкономии социализма удалось подготовить, после тридцати лет дискуссий, лишь в 1954 году — после смерти Сталина, который все годы принимал в работе над учебником активное участие и задерживал его издание! Реальность советского хозяйства не вмещалась в понятийный аппарат марксистской политэкономии. Разрешить эти противоречия в рамках официальной идеологии не удавалось. Отказаться от марксизма было невозможно и по субъективным причинам (правлящая партия и практически вся интеллигенция были воспитаны в марксизме), и по политическим соображениям — марксизм обеспечивал лояльность западных левых.

В результате, в 50-е годы была принята политэкономия советского социализма как «квазирыночной» системы — теоретическая модель, явно неадекватная хозяйственной реальности. Когда правительство Н.И. Рыжкова в 1989–1990 годы подрывало своими законами советскую экономическую систему, оно не понимало, к каким последствиям это приведет. Как только, после смерти Сталина, догмой стала трудовая теория стоимости, начали писать, что и в СССР работники производят прибавочную стоимость и являются объектом *эксплуатации*. Следующим шагом стало «открытие» и класса эксплуататоров — государственных служащих (номенклатуры). Люди сдвигались к антисоветской концепции Троцкого.

Теория исходила из ошибочного положения. Политэкономия представляет хозяйство как равновесную машину, которая работает на основе купли-продажи. Но есть и другие типы хозяйства, при которых ценности и усилия *складываются*, а не *обмениваются*, — так, что все участники пользуются созданным сообществом. Таковым является, например, хозяйство семьи или крестьянского двора. Таковым было и советское плановое хозяйство. Именно *сложение* ресурсов без их купли-продажи позволило СССР после колоссальных разрушений 1941–1945 годов быстро восстановить хозяйство. В 1948 году СССР превзошел довоен-

ный уровень промышленного производства (можно ли представить себе такое в нынешней России?).

Из политэкономии мы заучили, что *специализация* и *разделение* — источник эффективности. Это приобрело характер догмы, и мы забыли, что *соединение* и *кооперация* — также источник эффективности. Какая комбинация выгоднее — зависит от конкретных условий. Для России именно соединение и сотрудничество были эффективнее, нежели обмен и конкуренция; они и превалировали в хозяйстве. В этом состояла сила советской экономики, но это перестали понимать.

Советская система была очень эффективна по *своим* критериям. Сложные товары, на которые работала вся экономика, по отношению «цена–качество» были в мире вне конкуренции (например, оружие, алюминий, лекарства, метро).

Устойчив миф об отсталости сельского хозяйства СССР. Это миф идеологический, никаких внятных индикаторов и критериев для такой оценки никогда не было представлено, как не было и нормальной дискуссии специалистов. Исходя из знакомства с хозяйством западных фермеров, можно с уверенностью сказать, что если бы этих фермеров поставить в те же природные и ресурсные условия, в каких находились наши колхозники (почва, машины, инфраструктура, дороги и т. д.), они (фермеры) производили бы *намного меньше*.

Это видно сегодня и по российским фермерам, которые все же гораздо лучше приспособлены к условиям России, чем западные. Переход сельского хозяйства России от советской системы к укладу западного типа привел к снижению производства в два раза, и за 15 лет после этого уровень советского периода не был достигнут и, вероятно, при нынешней системе не будет достигнут.

Вот ясный индикатор: колхозы обходились всего 11 тракторами на 1000 га пашни — при обычной для Европы норме 120 тракторов. В отличие от Запада, советское село всегда субсидировало город. Импорт продовольствия (зерна) был в СССР признаком благополучия, а сегодня огромный импорт продовольствия — признак бедствия.

Почти общепринятым стало утверждение, будто хозяйство СССР измотала гонка вооружений. Это мнение *ошибочно* и яв-

ляется следствием пропаганды. С гонкой вооружений экономика справлялась: по оценкам ЦРУ, доля военных расходов в валовом национальном продукте СССР постоянно снижалась. В начале 50-х годов СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 году — 10%, в 1975 году — всего 6%. На закупки вооружений до перестройки расходовалось около 5% от уровня конечного потребления населения СССР. Это никак не могло стать причиной краха системы.

Прирост ВВП в СССР стабилизировался с середины 70-х годов на уровне 3–4% в год. И это бескризисное развитие было более быстрым, чем в США.

Распределение и потребление

Из отношений собственности в СССР вытекал тип распределения со значительной уравнительной компонентой — по труду и «по едокам». Ее каналы: бесплатное жилье, медицина, образование, низкие цены на продукты питания, транспорт, культуру. Через эти каналы человеку давался минимум благ как члену общины (СССР). Он имел на это гражданское право, так как с общей собственности каждый получал равные дивиденды. В 70–80-е годы СССР стал «обществом среднего класса» с симметричной и узкой кривой распределения людей по доходам. Децильный фондовый коэффициент дифференциации с 60-х до конца 80-х годов колебался в диапазоне 3,0–3,5.

Базовые материальные потребности удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть при тех же ресурсных возможностях и том же уровне развития в условиях капитализма — хозяйство было *очень экономным*.

Кризис был *создан* при демонтаже советской системы, а не унаследован от СССР. Были разрушены финансовая система и потребительский рынок, это использовали для уничтожения СССР.

Перестройка Горбачева

Выход из мобилизационного состояния («сталинизма») в 50-е годы оказался сложной проблемой. Она была решена плохо

и привела к череде политических кризисов, усугубленных холодной войной.

С 60-х годов в части общества складывается целостный проект *ликвидации* советского строя. Основания для этого проекта имелись в русской культуре с середины XIX века — как в течении либералов-западников, так и ортодоксальных марксистов. Эти основания были обновлены и развиты «шестидесятниками» в годы «оттепели Хрущева», а затем и тремя течениями диссидентов — социалистами-западниками (Сахаров), консервативными «почвенниками» (Солженицын) и патриотами-националистами (Шафаревич). В 70-е годы была определена технология борьбы по теории революции Антонио Грамши — подрыв культурной гегемонии советского строя силами интеллигенции через «молекулярную агрессию» в сознание.

Элита интеллигенции, в том числе партийной («номенклатура» КПСС), прошла примерно тот же путь, что и западные левые. Еврокоммунисты (руководство трех главных компартий Запада — итальянской, французской и испанской), осознав невозможность переноса советского проекта на Запад ввиду их цивилизационной несовместимости, совершили историческую ошибку, заняв антисоветскую позицию — отвергая советский строй и в самом СССР. Это привело к краху их партий. Наши партийные интеллектуалы также заняли антисоветскую позицию.

К чему пришли

Вслед за развалом СССР и сломом хозяйственной системы («приватизация») последовал катастрофический кризис. На реформу в России истратили беспрецедентные средства от:

- прекращения гонки вооружений;
- прекращения войны в Афганистане;
- прекращения всех крупных инвестиционных проектов;
- свернутых социальных программ;
- резкого снижения уровня потребления 90% населения в течение 15 лет;
- капиталовложений — за двадцать лет реформ 1991–2011 годов недоинвестиции в основной капитал РФ составили около

6,8 трлн долл. США (в ценах 2011 г.) — и отнятых у населения сбережений (450 млрд долл.).

Были загублены не только эти средства, но и промотан весь золотой запас страны, а также сделаны колоссальные по своему объему долги (в октябре 2013 года — 720 млрд долл.). Главная причина этих потерь — не воровство и не вывоз денег (хотя и они велики), а *паралич хозяйства*.

Все большие технические системы, на которых держится благосостояние страны (энергетика, транспорт, теплоснабжение и т. д.), созданы в советское время. Все они устроены иначе, чем в западном рыночном хозяйстве.

За последние 15 лет выяснилось, что нынешняя хозяйственная система не может их *содержать* — при рыночных отношениях они оказываются слишком дорогими. Они деградируют. В то же время рынок не может и *построить* новые, рыночные системы такого же масштаба. Страна попала в историческую ловушку — в порочный круг, из которого при нынешней хозяйственной системе вырваться невозможно.

Перейдем теперь к причинам катастрофы. Их много, выделим *системообразующие*.

Кризис государства. Смена поколений

Для крушения советского строя необходимым условием было состояние сознания, которое Андропов, как мы уже отмечали, определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем». В 70–80-е годы незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до степени паранойи.

Из-за этого незнания руководство было неспособно выявить и предупредить назревающие в обществе противоречия. И само общество не разглядело опасность начатой перестройки общественного строя.

Уходило поколение руководителей партии, которое выросло в «гуще народной жизни». Оно «знало общество» не из учебников марксизма, а из личного опыта и опыта своих близких. Это знание в большой мере было неявным, неписаным, но оно было настолько близко и понятно людям этого и предыдущих поко-

лений, что казалось очевидным. Со временем, не отложившись в адекватной форме в текстах, это неявное знание стало труднодоступным.

Новое поколение номенклатуры в массе своей состояло из детей партийной интеллигенции первого поколения. Формальное знание вытеснило у них то неявное интуитивное знание о советском обществе, которое они еще могли получить в семье.

Обществоведение, построенное на истмате, — законченная конструкция, которая отвечает на все вопросы, даже не вникая в суть конкретной проблемы. Это квазирелигиозное построение, которое освобождает человека от необходимости поиска достоверного знания.

Инерция развития, набранная советским обществом в 30–50-е годы, еще два десятилетия тащила страну вперед по накатанному пути. И партийная верхушка питала иллюзию, что она управляет этим процессом. В действительности же она не видела процессов, происходящих в обществе.

Партийное руководство не обладало *адекватными средствами познания реальности*. Ситуацию держали кадры низшего звена. Как только Горбачев в 1989–1990 годы нанес удар по партийному аппарату и по системе хозяйственного управления, разрушение приобрело лавинообразный характер. Неважно даже, почему он это сделал — по незнанию или действительно с целью ликвидации советского строя.

Отрыв высшего слоя номенклатуры от реальности советского общества потрясал. Партийная интеллигенция верхнего уровня не знала и не понимала особенностей советского промышленного предприятия, колхоза, армии, школы. Начав в 80-е годы их радикальную перестройку, партийное руководство подрезало у них жизненно важные устои, как если бы человек, не знающий анатомии, взялся делать сложную хирургическую операцию.

Важно и то, что учебники исторического материализма, по которым училась партийная интеллигенция, содержали скрытый, но мощный антисоветский потенциал. Люди, которые действительно глубоко изучали марксизм по этим учебникам, приходили к выводу, что советский строй *неправильный*. Радикальная часть интеллигенции уже в 60-е годы открыто заявляла, что советский строй — не социализм, а искажение всей концепции Маркса.

Созревала целая ветвь обществоведения, которую можно назвать «антисоветский марксизм».

И это вовсе не означало, что определенная часть партийной интеллигенции «потеряла веру в социализм». Даже напротив, критика советского строя велась с позиций марксизма и с искренним убеждением, что эта критика направлена на приведение его в соответствие с верным учением Маркса. Но эта критика была для советского общества убийственной.

Критика «из марксизма» разрушала легитимность советского строя, утверждая что вместо него можно построить гораздо лучший строй — *истинный* социализм. А поскольку она велась на языке марксизма, остальная часть интеллигенции, даже чувствуя глубинную ошибочность этой критики, не находила слов и логики, чтобы на нее ответить — у нее просто не было другого языка.

Русский философ В.В.Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что советский строй убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Кризис мировоззрения 70–80-х годов

Крах СССР поражает своей легкостью и внезапностью. Но эта легкость и внезапность кажущиеся. Кризис легитимности вызревал в течение 30 лет. Почему же, начиная с 60-х годов, в советском обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно? В чем причина нарастающего недовольства? Сегодня она видится так.

В 60-е годы советское общество изменилось кардинально. За предыдущие 30 лет произошла быстрая урбанизация, и 70% населения стали жить в городах. Под новыми характеристиками общества скрывалась главная, *невидимая* опасность — быстрое и резкое ослабление, почти исчезновение прежней *мировоззренческой основы* советского строя. В то время официальное советское обществоведение утверждало (и большинство населения искренне так и считало), что этой основой является марксизм, оформивший в рациональных понятиях стихийные представле-

ния трудящихся о равенстве и справедливости. Эта установка была ошибочной.

Мировоззренческой основой советского строя был *общинный крестьянский коммунизм* (Вебер применял слово «архаический»). Говорили, что он был «прикрыт тонкой пленкой европейских идей — марксизмом». Это понимал и Ленин, примкнувший к общинному коммунизму, понимали и марксисты-западники, которые видели в этом общинном коммунизме своего врага и пошли на гражданскую войну с ним в союзе с буржуазными либералами. Своим врагом его считали и большевики-космополиты, чье течение внутри победившего большевизма было подавлено в последней битве гражданской войны — репрессиях 1937–1938 годов.

В 60-е годы вышло на арену новое поколение последователей этих течений, и влияние его стало нарастать в среде интеллигенции и нового молодого поколения уже городского «среднего класса». Поэтому перестройка — этап большой русской революции XX века, которая лишь на время была «заморожена» единством народа ради индустриализации и войны. Сознательный авангард перестройки — духовные наследники троцкизма и, в меньшей степени, либералов и меньшевиков. Сами они этого не знали, потому что «не знали общества, в котором жили». Если бы знали, то, скорее всего, этот антисоветский блок не смог бы возникнуть.

Общинный крестьянский коммунизм — большое культурное явление, ересь православия (хилиазм). Он придал советскому проекту мессианские черты, что, в частности, предопределило и культ Сталина, который был выразителем сути советского проекта в течение 30 лет. Кстати, антисоветский проект также имеет мессианские черты, и ненависть к Сталину носит иррациональный характер.

В ходе индустриализации, урбанизации и смены поколений философия крестьянского коммунизма теряла силу и к 60-м годам исчерпала свой потенциал, хотя важнейшие ее положения сохраняются и поныне в коллективном бессознательном. Для консолидации советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект был бы изложен на ра-

циональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству. Однако старики этой проблемы не видели, так как в них бессознательный большевизм был еще жив, а новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему (осознаваемую лишь интуитивно) в марксизме, где найти ответа не могло. Это вызвало идейный кризис в среде партийной интеллигенции.

Руководство КПСС после идейных метаний Хрущева приняло вынужденное решение — «заморозить» мировоззренческий кризис посредством отступления к «псевдосталинизму» с некоторым закручиванием гаек («период Суслова»). Это давало отсрочку, но не могло разрешить фундаментальное противоречие. Думается, в нормальном режиме руководство КПСС уже и не смогло бы справиться с ситуацией. Для решения этой срочной задачи требовалась научная дискуссия; но если бы руководство ослабило контроль, то в дискуссии потерпело бы поражение — «второй эшелон» партийной интеллигенции (люди типа Бовина, Бурлацкого, Загладина) был уже проникнут идеями еврокоммунистов. В открытой дискуссии он подыгрывал бы антисоветской стороне, как это мы наблюдали в годы перестройки.

Пришедшая после Брежнева властная бригада (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе), сформировавшаяся в условиях мировоззренческого вакуума и идеологического застоя, была уже проникнута антисоветизмом. Утверждение, что советский строй является «неправильным», стало с 1986 года официальной установкой, и вскоре было заявлено даже, что перестройка является *революцией*, т. е. ставит своей целью радикальное изменение общественного строя.

Чем был легитимирован советский строй в сознании старших поколений? Памятью о *массовых социальных страданиях*. Аристотель выделял два разных принципа жизнеустройства: *минимизация страданий* или *максимизация наслаждений*. Советский строй создавался поколениями, которые исходили из первого принципа.

В 70-е годы основную активную часть общества составляло уже принципиально новое для СССР поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не видевшие зрелища массовых социальных страданий.

Запад — «общество двух третей». Страдания бедной трети очень наглядны и сплачивают «средний класс». В этом смысле Запад поддерживает коллективную память о социальных страданиях, а СССР 70-х годов эту память утратил. Возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам *сытое* общество. От том, как оно себя поведет, не могли сказать ни интуиция и опыт стариков, ни тогдашние общественные науки. Вот урок: главные опасности ждут социализм не в периоды трудностей и нехватки, а именно тогда, когда сытое общество утрачивает память об этих трудностях. Абстрактное знание о них не действует.

Урбанизация создала и объективные предпосылки для недовольства советским жизнеустройством. Советский проект вырос прежде всего из мироощущения крестьянской России. Отсюда исходили представления о том, что необходимо человеку, что желательно, а что — лишнее, суета сует. В ходе революции и разрухи этот проект стал суровым. Носители «ненужных» потребностей погибли, уехали за рубеж или перевоспитались самой реальностью. На какое-то время в обществе возникло «единство в потребностях».

По мере того как жизнь входила в мирную колею и становилась все более и более городской, узкий набор «признанных» потребностей стал ограничивать, а потом и угнетать все более и более разнообразные части общества. Для них Запад стал идеальной, сказочной землей, где их ущемленные потребности будут уважаться и даже цениться.

Крестьянская жизнь принципиально отличается от «городской» тем, что она обеспечивает интенсивное «потребление» духовных образов. Пахота, сев, уборка урожая, строительство дома и принятие пищи, рождение и смерть — все имеет у крестьянина литургическое значение. Жизнь в большом городе лишает человека естественных средств удовлетворения духовных потребностей и в то же время порождает стресс из-за того, что городская организация пространства и времени противоречит его природным ритмам. Этот стресс давит, компенсировать его — жизненная потребность человека.

Кризис урбанизации в ходе индустриализации тяжело переживался всеми культурами. На Западе от него отвлекли резким неравенством и необходимостью борьбы за существование,

а позже — созданием масс-культуры, потребительством и суррогатами приключений. Массовая школа резко снижала духовные претензии человека.

На такое снижение запросов молодежи советское руководство не пошло, хотя в начале 70-х годов подобные предложения делались. Это решение предотвратило подрыв жизнеспособности нашего общества (на этом ресурсе мы продержались в 90-е годы); однако СССР получил пару поколений, которые чувствовали себя *обездоленными*. Они были очарованы гласностью, митингами и культурным плюрализмом. Прежнее руководство и старики не понимали их страданий, вызванных «голодом на образы». О тех потребностях, которые хорошо удовлетворял советский строй, в тот момент никто не думал (когда ногу жмет ботинок, не думают о том, как хорошо греет пальто).

Кризис мировоззрения углубили действия антисоветской элиты. Культурная программа перестройки была жесткой, в результате у людей оказалась подорванной способность к рациональным умозаключениям, они затруднялись рассчитать свой интерес и предвидеть опасности.

Эта слабость сознания — обратная сторона избыточного патернализма. Он ведет к *инфантилизации* общественного сознания в благополучный период жизни. Люди отучаются ценить блага, созданные усилиями предыдущих поколений, рассматривают эти блага как неуничтожаемые, «данные свыше». Социальные условия воспринимаются как явления природы, как воздух, который не может исчезнуть. Они как будто не зависят от твоей общественной позиции.

Сознательно отвергали главные устои советского строя очень небольшое число граждан. Ценности капитализма (частная собственность, конкуренция, индивидуализм, нажива) не возобладали. Отказ от штампов официальной советской идеологии вовсе не говорит о том, что произошли принципиальные изменения в *глубинных* слоях сознания (*чаяниях*). Советский тип социальных отношений воспринимался в массовом сознании как наилучший, а в ходе реформы стал даже более привлекательным.

Самым крупным международным исследованием мнений граждан СССР была программа «Барометры новых демократий».

В России с 1993 года в рамках проекта «Новый Российский Барометр» работала большая группа зарубежных социологов.

В докладе руководителей этого проекта Р.Роуза и Кр.Харпфера в 1996 году было сказано: «В бывших советских республиках практически все опрошенные положительно оценивают прошлое и никто не дает положительных оценок нынешней экономической системе». Если точнее, то положительные оценки советской экономической системе дали в России 72%, в Белоруссии — 88 и на Украине — 90%. Оценки новой политической системы были еще красноречивее. Эти установки устойчивы и подтверждаются поныне.

Таким образом, крах СССР был следствием мировоззренческого кризиса. Суть его в том, что советское общество и государство не справились с задачей обновления средств легитимации общественного строя в процессе смены поколений, не смогли обеспечить преемственность в смене *культурно-исторического типа*, которая происходила в ходе модернизации и урбанизации и совпала с кризисом выхода общества из мобилизационного состояния 20–50-х годов.

Культурно-историческим типом Н.Я.Данилевский назвал воображаемую надклассовую и надэтническую социокультурную общность, которая является носителем главных черт цивилизации. В моменты исторического выбора и переходных процессов (включая кризисы, войны, революции) она является выразителем главного вектора развития. Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение сущность — народ, как бы воплощенный в обобщенном индивиде.

Исходя из опыта XX века, мы изменяем его концепцию и считаем, что цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) *нескольких* культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится в конкретный период доминирующим и «представляет» в этот период цивилизацию.

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, который начал складываться задолго до 1917 года, но оформился уже как «*советский человек*». Мы мо-

жем описать социальный портрет людей советского типа — с их культурой, ценностями, способностью к организации, трудовым и творческим усилиям.

Советский тип сник в ходе мировоззренческого кризиса в 70–80-е годы, не смог организовать и проявить волю во время перестройки и был загнан в катакомбы. Но государство не смогло (и даже не попытались) заместить на общественной арене этот культурно-исторический тип родственным ему типом, который продолжил бы реализацию советского проекта. Напротив, на арену с помощью всех ресурсов власти и провластной интеллектуальной элиты вывели тип-антипод. Мы можем подробно описать черты этого типа, который в 90-е годы пришел на смену советскому человеку. Он и стал социальной базой режима Ельцина. Проблема эта не политическая, потому что доминирующий сегодня в России культурно-исторический тип *нежизнеспособен*. Он совершенно лишен творческого потенциала и не сможет «держаться» страну.

Приложение

На первом этапе «перестройки» критика советского строя велась под лозунгами «Больше социализма!». Это было принято обществом за чистую монету и вызвало энтузиазм населения. Позже А.Н. Яковлев раскрыл намерения инициаторов «перестройки».

После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды «идей» позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о «гениальности» позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому «плану строительства социализма» через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. Начался новый виток разоблачения «культы личности Сталина». Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но и сама система преступна.

(Яковлев А.Н. Большевизм — социальная болезнь XX века // Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М., 2001)

Для заметок

Для заметок

**В.И. Якунин, С.Г. Кара-Мурза,
А.А. Вершинин, А.В. Каменский**

Лекции по политологии

Ответственный за выпуск: *О.А. Середкина*
Корректор: *Ю.Е. Мешков*
Оформление: *В.И. Карпова*
Верстка: *В.И. Карпова*

**Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования**
107078, Россия, Москва, ул. Каланчевская, д. 15.
Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09.
www.проблемныйанализ.рф
E-mail: frpc@cea.ru

Сдано в набор 28.03.2014 г. Подписано в печать 30.04.2014 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru